The background of the cover is a photograph of cherry blossom branches with white flowers against a clear blue sky. Three red, ribbon-like banners are overlaid on the image, containing the title and subtitle in white text.

Nové tendencie

MLADÁ RUSISTIKA

a trendy VII

Bratislava

2021

FILOZOFICKÁ FAKULTA
Univerzita Komenského
v Bratislave

KATEDRA RUSISTIKY
A VÝCHODOEURÓPSKÝCH ŠTÚDIÍ

MLADÁ RUSISTIKA – NOVÉ TENDENCIE A TRENDY

VII

KATARÍNA JALOVÁ
LUCIA CHUDÁ

2021

STIMUL

Mladá rusistika – nové tendencie a trendy VII

Editori:

© Mgr. Katarína Jalová • Mgr. Lucia Chudá

Afiliácia:

Univerzita Komenského v Bratislave, Filozofická fakulta, Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií, <https://fphil.uniba.sk/katedry-a-odborne-pracoviska/katedra-rusistiky/>

Recenzenti:

prof. PhDr. Mária Kusá, CSc.
prof. Feliks Shteinbuk, DrSc.
doc. PhDr. Ľubor Matejko, CSc.
doc. Mgr. Irina Dulebová, PhD.
Mgr. Ivan Posokhin, PhD.
Mgr. Jelena Ondrejkočová, PhD.

Obálka:

Mgr. Zuzana Bujačková

Technickí redaktori:

Mgr. Milan Regec, PhD.
Bc. Ivana Liptáková

© STIMUL a editori

Dielo je vydané pod medzinárodnou licenciou **Creative Commons CC BY-NC-SA 4.0** (vyžaduje sa: povinnosť uvádzať pôvodného autora diela; povinnosť odvodené dielo zdieľať pod rovnakou licenciou ako pôvodné dielo; len nekomerčné použitie odvodeného diela). Viac informácií o licencií a použití diela: <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/>

Vydavateľstvo:

STIMUL, Poradenské a vydavateľské centrum, Univerzita Komenského v Bratislave, Filozofická fakulta, Bratislava, <http://fphil.uniba.sk/stimul>

1. vydanie, 177 s.

ISBN 978-80-8127-327-8 (PDF)

ISBN 978-80-8127-328-5 (EPUB)

Zborník s názvom Mladá rusistika – nové tendencie a trendy VII pozostáva z článkov účastníkov 7. bratislavskej konferencie mladých rusistov, ktorá sa konala dňa 15. marca 2021 na Katedre rusistiky a východoeurópskych štúdií Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave.

POĎAKOVANIE

Týmto by sme chceli poďakovať za spoluprácu, cenné pripomienky a užitočné rady recenzentom a všetkým, ktorí sa nejakým spôsobom podieľali na organizácii konferencie a tvorbe zborníka.

Editori a organizačný výbor konferencie

Obsah

Predslov	6
I. Translatologická sekcia.....	6
K archeológii prekladu spoločenskovedných textov z ruštiny: bibliometrický prieskum tematickej skladby knižných prekladov ruských neumeleckých textov v rokoch 1945 – 1970 8	
<i>Natália Rondziková</i>	
II. Literárnovedná sekcia	16
Láska a morálna dilema v poviedke B. A. Lavreňova „Štyridsiaty prvý“	17
<i>Igor Cintula</i>	
Когда твой читатель не отражается в зеркале	26
<i>Jaroslav Sommer</i>	
Очерк Константина Коровина «Испания»: страна глазами художника	36
<i>Elena Suntsova</i>	
III. Lingvistická sekcia.....	47
Niekoľko poznámok k pojmu prameň (zdroj) frazeologických jednotiek	48
<i>Martina Berezná</i>	
Analýza využitií vybraných rusismů v současné češtině	58
<i>Anna Caldrová</i>	
Aktualizácia precedentných výrazov V. Putina v memetických textoch.....	74
<i>Lucia Chudá</i>	
Intertextualita a teória precedentnosti.....	86
<i>Katarína Jalová</i>	
Концепт «терпение» в русском и словацком языках (на материале паремиологических единиц)	98
<i>Jevgeniya Lukina</i>	

Значение грамматических категорий русских причастий при переводе с русского языка – лингвистическо-транслатологический взгляд 106

Monika Šnebergrová

Анализ поэтических текстов о Сибири: лингвокраеведческий аспект 118

Marina Trunova, Anna Khiznichenko

Прецедентное имя «Сталин» как лингвокультурный феномен в советской прессе ..127

Gabriela Turisová

Особенности функционирования трансформированных фразеологизмов в современном русском и чешском медиадискурсе 137

Tatjana Zaňko

IV. Sekcia dejín a kultúry Ruska a krajín Východného partnerstva 149

N. L. Puškariovová – priekopníčka dejín rodových vzťahov a dejín žien v Rusku 150

Zuzana Bujačková

Podoby hrdinstva ako osobitného jazykového fenoménu.....160

Katarína Biačková

Analýza pilířů běloruského režimu Alexandra Lukašenka v souvislosti s protesty po prezidentských volbách 2020 168

Tereza Soušková

Predslov

Konferencia Mladá rusistika – nové tendencie a trendy sa za sedem ročníkov svojej existencie zaradila medzi tradičné konferencie mladých vedcov organizované na Univerzite Komenského v Bratislave. Už od roku 2012 je jej hlavným cieľom ponúknuť generačnú platformu mladým vedcom, podporiť ich vedecko-výskumnú činnosť a prostredníctvom nadväzovania osobných kontaktov na medzinárodnej úrovni aj vzájomnú spoluprácu v oblasti vedy.

Predkladaný zborník predstavuje sumár odprezentovaných výsledkov výskumu doktorandov a mladých vedeckých pracovníkov reprezentujúcich osem slovenských a európskych univerzít z troch krajín (Slovensko, Česko, Rusko). Siedmy ročník poznačila celosvetová pandémia koronavírusu, pre ktorú sa konferencia konaná 15. marca 2021 presunula do online priestoru, ale napriek tomu si zachovala nielen priateľskú a tvorivú atmosféru mladých vedcov, ale aj tradičné rozdelenie do štyroch tematických sekcií – translatologickej, literárnovednej, lingvistickej a sekcie dejín a kultúry Ruska a krajín Východného partnerstva.

V translatologickej sekcií sa autorka venovala bibliometrickému prieskumu tematickej skladby knižných prekladov ruských neumeleckých textov.

Autorov príspevkov literárnovednej sekcie zaujala tvorba B. Lavreňova, S. Chazova-Kassiu a K. Korovina.

Tohto roku najpočetnejšie zastúpená lingvistická sekcia priniesla príspevky z oblasti výskumu použitia rusizmov v českom jazyku, precedentných fenoménov, intretextuality, frazeológie, ruskej morfológie, ale aj lingvovlastivedného aspektu analýzy poetických textov o Sibíri, pričom mnohé z príspevkov boli poznačené aj aktuálnou pandemickou situáciou.

Príspevky sekcie dejín a kultúry Ruska a krajín Východného partnerstva ponúkli tematickú rôznorodosť – od prehľadu dejín rodových vzťahov v Rusku, cez podoby hrdinstva ako osobitého jazykového fenoménu, až po analýzu pilierov súčasného bieloruského režimu v súvislosti s voľbami v roku 2020.

Nasledujúce príspevky doktorandov a mladých vedeckých pracovníkov predstavujú nové tendencie a trendy vo výskume v oblasti rusistiky na slovenskej a medzinárodnej úrovni. Veríme, že predkladaný zborník bude inšpiráciou nielen pre odborníkov a širšiu verejnosť, ale aj pre ďalšie ročníky konferencie Mladá rusistika.

Editori a organizačný výbor konferencie

I. Translatologická sekcia

K ARCHEOLÓGII PREKLADU SPOLOČENSKOVEDNÝCH TEXTOV Z RUŠTINY: BIBLIOMETRICKÝ PRIESKUM TEMATICKEJ SKLADBY KNIŽNÝCH PREKLADOV RUSKÝCH NEUMELECKÝCH TEXTOV V ROKOCH 1945 – 1970

Mgr. Natália Rondziková

Ústav svetovej literatúry Slovenskej akadémie vied, natalia.rondzikova@savba.sk

Abstrakt

На основе имеющихся библиографических источников я попытаюсь археологически реконструировать (Пим, 1998/2014) корпус переводов русских нехудожественных текстов 1945 – 1970 гг. Моей целью будет классифицировать эти тексты с точки зрения темы (исходя из названия публикации и доступных метаданных) и с точки зрения классификации так называемых фактических текстов (*vesné texty*; Мистрик, 1975). Я попытаюсь выяснить реальное содержание термина «перевод текстов по общественному», который был принят в мышление о переводе в Словакии, по крайней мере, с 70-х годов 20 века. Я сравню результаты анализа реального корпуса текстов с современными классификациями научных дисциплин и с их текущим состоянием (в соответствии с действующей классификацией научных дисциплин Министерства образования).

O autorke

Mgr. Natália Rondziková je absolventka odboru prekladateľstvo a tlmočníctvo v kombinácii anglický jazyka a kultúra – ruský jazyk a kultúra. Pôsobí ako interná doktorandka v Ústave svetovej literatúry Slovenskej akadémie vied. Venuje sa prevažne dejinám a sociológii prekladu. Pôsobí aj ako prekladateľka, najmä v oblasti literárneho a audiovizuálneho prekladu.

Úvod

V príspevku sa zameriam na preklady „spoločenskovedných“ textov z ruštiny do slovenčiny v rokoch 1945 – 1970. Už samotný výber textov na preklad, ale aj akt neprekladania,

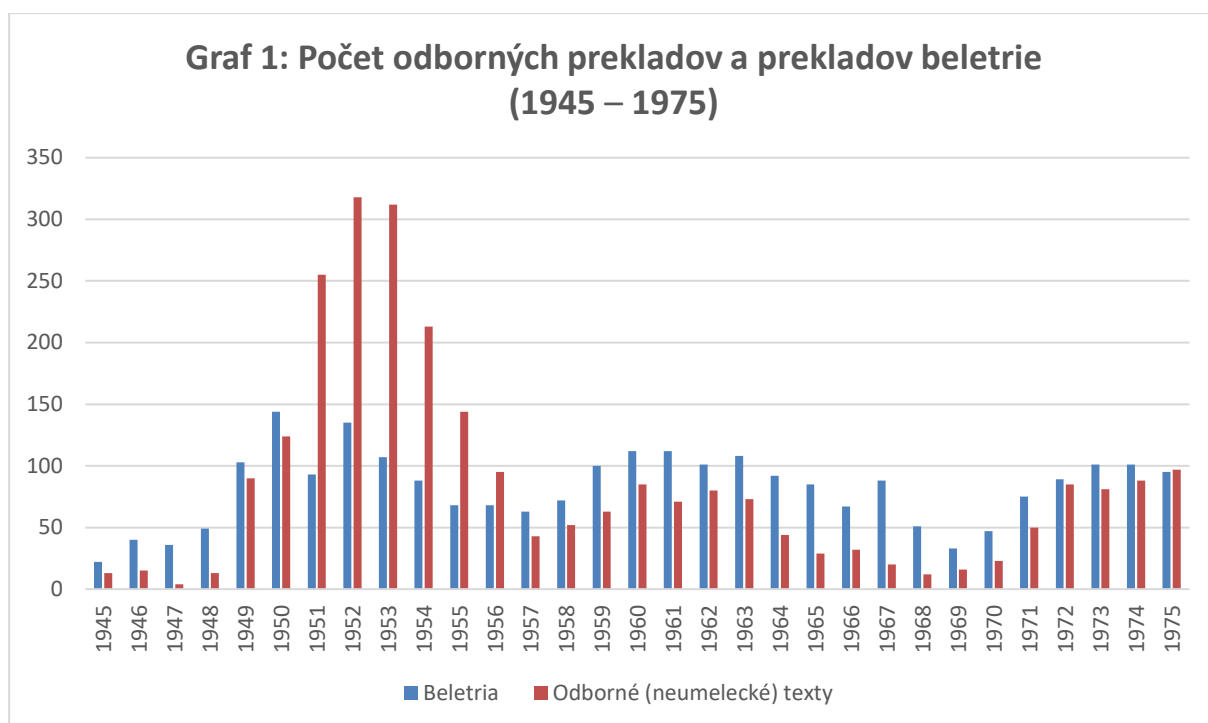
odrážajú stav kultúry a spoločnosti a aj mocenské vzťahy jednotlivých národov a kultúr. Práve turbulentné obdobie lemované dvoma významnými geopolitickými míľnikmi 1948 a 1968 nám umožňujú tieto súvislosti preskúmať. V prvej časti príspevku rozoberiem, ako sa preklady neumeleckých textov z ruštiny vyvíjali kvantitatívne, pričom tieto stúpajúce a klesajúce tendencie porovnam s prekladmi z beletrie a usúvzťažním ich s geopolitickou situáciou a jej vplyvom na kultúrnu (a knižnú) politiku na Slovensku (príp. v Československu). V druhej časti predstavím tematické zloženie prekladov neumeleckých textov z ruštiny a zamyslím sa nad miestom „spoločenskovedných“ textov v tomto súbore. Vychádzajúc z týchto dvoch častí sa pokúsím určiť korene pojmov „spoločenskovedný text“ a „preklad spoločenskovedných textov“ a ich miesto v súčasnej klasifikácii vied.

Preklady z ruštiny v číslach

Ak na graf č. 1 Počet odborných prekladov a prekladov beletrie 1945 – 1975¹ uplatníme Foucaultovo uvažovanie o ráde diskurzu a posudzujeme extrémne situácie ako negatívne (diskurz je v neprirodzenom stave; Foucault, 1981), možno konštatovať, že prirodzený stav pri prekladoch z ruštiny v slovenskom kultúrnom priestore je, ak mierne prevládajú preklady beletrie nad prekladmi odborných (neumeleckých) textov. Ukazuje sa zásadný rozdiel v množstve prekladov pred a po roku 1948, kde je zrejmé, že sa ich počet v prípade umeleckých viac ako zdvojnásobil.

---

¹ Graf bol vypracovaný na základe publikácie Bibliografia prekladov literatúry zo Zväzu sovietskych socialistických republík na Slovensku za roky 1945 – 1959; 1960 – 1974. K odborným textom radíme všetky texty, ktoré v bibliografii neboli zaradené k beletrii, teda aj populárno-náučnú literatúru, učebnice, „ľudovýchovné“ príručky a i.

Situácia pri odborných prekladoch je ešte extrémnejšia – ich počet sa po roku 1948 znásobil priam extrémne a v jednom období dokonca počtami výrazne prevládajú nad prekladmi beletrie.

Teraz sa pokúsím situáciu prekladov z ruštiny interpretovať v širšom historickom kontexte, pričom na dejiny prekladu uplatním periodizačné medzníky nielen zo všeobecných dejín, ale aj z kultúrnych a literárnych mikrodejín. Vo februári 1948 došlo v slovenskej kultúre a literatúre k diametrálnym zmenám. Komunistická strana si cez pákový systém umeleckých zväzov, centralizovaných vydavateľstiev a štátnej podpory vytvorila monopol na vydávanie, tlač a distribúciu publikácií (Marušiak, 2001). Zároveň v tzv. stalinskej fáze československého socializmu dochádza k ešte výraznejšej sovietskej kultúrnej a spoločenskej životu a ich podriadeniu politickému gestu (Bednárová, 2014; v záujme téz o zosťretnom triednom boji, socialistickom realizme a straníckom princípe literatúry), čo sa okrem iného prejavuje „boomom“ prekladov z ruštiny, a to často bez ohľadu na umeleckú hodnotu (Kusá, 2017). Tým sa dá vysvetliť drastický nárast počtu prekladov, ktorý, samozrejme, prebiehal zároveň s tým, že v dejinách prekladov z iných jazykov dochádzalo k diskontinuitám (najmä pri americkej literatúre; porov. Pliešovská, 2016).

Zlom na grafe prichádza v roku 1954 a návrat do normálu (teda prirodzeného stavu, kedy je prekladov neumeleckých textov menej) nastáva po roku 1956. To opäť súvisí so zmenami

v politickom a následne pomaly aj v kultúrnom živote. V roku 1953 zomiera Stalin a deväť dní po ňom aj Klement Gottwald, v Československu nastupuje tzv. politika nového kurzu a komunisti aspoň čiastočne ustupujú od vynucovania si svojej vôle cez tzv. formálne mocenské mechanizmy (pojem J. Marušiaka, 2001), teda verejné represie, procesy a pod. Snaha literatúry oslobodiť sa spod diktátu „dreveného jazyka“ uznesení a vynútiť si od moci právo na slobodu umeleckého prejavu (v dobovom žargóne skloňované často ako právo na omyl či experiment) kulminovala v roku 1956, ktorý bol rokom kritického II. zjazdu československých spisovateľov (porov. Tyšš, 2017; Marušiak, 2001) a tiež kritických študentských vystúpení (porov. Matthews 1998). Po náznakoch slobody však dochádza v dôsledku geopoliticky vyostrenej situácie po udalostiach v Poľsku a Maďarsku k mocenským zásahom proti opozičným hlasom v kultúre a medzi intelektuálmi (na Slovensku napríklad proti časopisu Mladá tvorba v r. 1959, porov. Tyšš, 2017).

Obdobie tzv. raného „novotňáku“ (1957 – 1964) je charakteristické postupným, no nekonzekventným uvoľňovaním kultúry, kedy sa jednoznačne ustupuje z jednostrannej preferencie prekladov z ruského jazyka. Zároveň je však v kultúre prítomný obdiv k výsledkom sovietskej vedy a kozmonautiky, čo jednoznačne vidno napríklad aj vo vtedy obľúbenej tematike vesmírnych letov v literatúre. Tento druhý nárast na grafe sa však zdá prirodzenejší: beletrie sa prekladá stále dosť, no počet odborných prekladov klesá.

Zmena nastáva po roku 1964, ktorý sa možno z hľadiska tzv. veľkých dejín nezdá veľmi významný. Výskumy dejín prekladu (najmä M. Kusej či I. Tyšša) však jednoznačne ukazujú, že v tomto roku už dochádza k slobodnejšej situácii prekladu, pre ktorú je príznačná najmä orientácia na západné a súčasné literatúry. V tomto zmysle je teda pokles celkového počtu prekladov príznačný, ale treba zároveň dodať, že počet prekladov beletrie z ruštiny ani v tomto období neklesá.

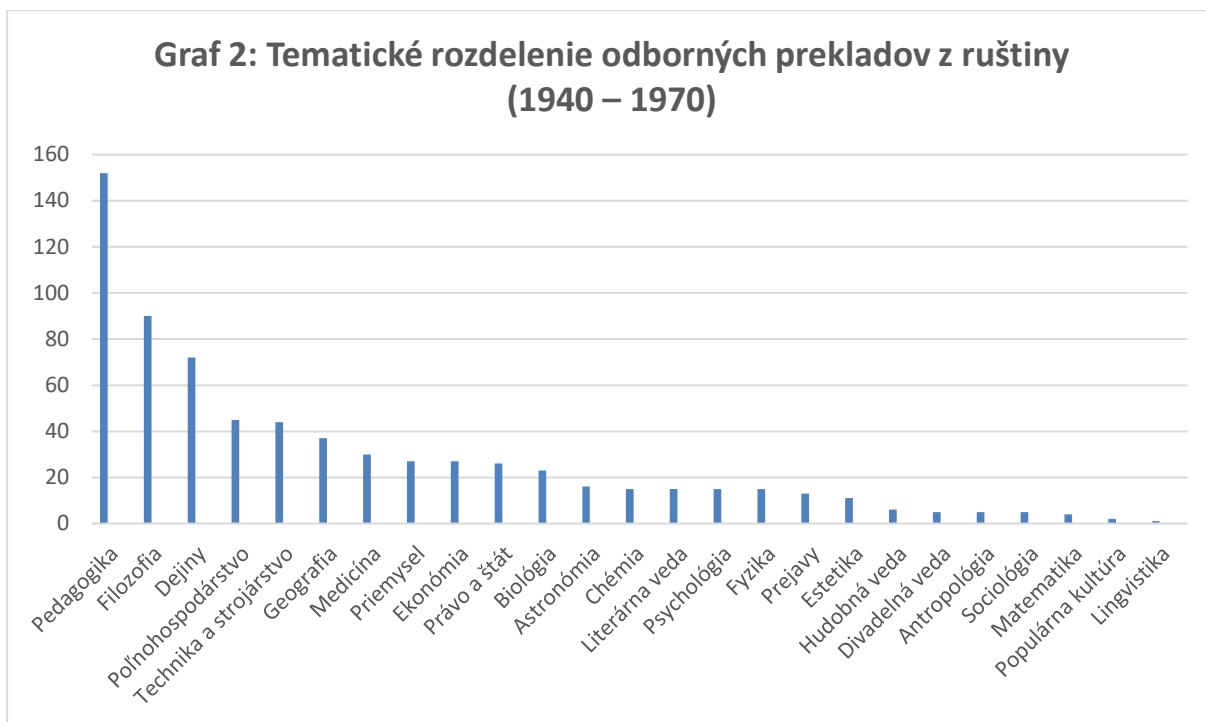
Pokles počtu prekladov ako beletrie, tak odborných prichádza až v roku 1968, pričom je pozoruhodné, že počet prekladov v rokoch 1968, 1969 a 1970 je podobný počtu prekladov z ruštiny pred rokom 1948. Možno teda uvažovať, či to nebol pôvodný rovnovážny stav. K nárastu opäť prichádza od r. 1970, čo je rok, keď sa aj v slovenskej kultúre začali výrazne prejavovať dôsledky normalizácie.

Tematická skladba prekladov odborných textov z ruštiny

Na grafe č. 2² je zobrazené tematické rozdelenie odborných prekladov z ruštiny v rovnakom období. Do najpočetnejšej kategórie „pedagogika“ som zaradila nielen texty o pedagogike, ale aj pedagogické texty (hlavne vysokoškolské učebnice). Jej prvenstvo si možno vysvetliť tým, že tento typ publikácií prirodzene najefektívnejšie šíril ideológiu marxizmu-leninizmu. Nasleduje „filozofia“, ktorú som chápala v najširšom zmysle slova (vrátane logiky a metodológie vedy). Vzhľadom na charakter doby sem radím aj náboženskú tematiku (ateizmus, snaha vysvetľovať vieru cez historický materializmus a pod.). Početná je aj kategória „dejiny“, kde som zaradila napríklad aj životopisy vedúcich osobností komunistického hnutia. Ďalšie kategórie častokrát súvisia s témami studenej vojny – do astronómie spadajú texty o úspechoch sovietskej kozmonautiky; do geografie zasa cestopisy, ktorých účelom bolo vykresliť v pozitívnom svetle krajiny východného bloku. Početná je aj kategória „medicína“, kde je viac popularizačných textov o zdravovede než odborných, medicínskych. Vo všeobecnosti o týchto textoch možno povedať, že v nich badať výrazný prienik filozofie marxizmu-leninizmu nielen do humanitných a spoločenskovedných textov, ale aj do prírodných. Je teda takmer nemožné vyčleniť z neumeleckých textov spoločenskovedné a, ako uvidíme ďalej, už genéza pojmu spoločenskovedný text či spoločenskovedný preklad problematizuje jeho uplatnenie v dnešnej dobe.

---

² Druhý graf bol zostavený podľa online katalógu kis3g, nakoľko na jeho zostavenie bolo potrebných viac metadát, ktoré v bibliografiách prekladov literatúry zo Zväzu sovietskych socialistických republík na Slovensku neboli uvedené.

Pojmy spoločenskovedný text a preklad spoločenskovedných textov

V období socializmu sa v slovenskej academickej humanitnovednej sfére, ale aj v praxi zaužívalo delenie odborných textov na prírodovedné, technické a spoločenskovedné. Podobné delenia boli typické aj pre iné krajiny bývalého východného bloku, ako Bulharsko či Rusko. Objavuje sa napríklad v teoretických prácach o preklade Ljudskanova, Lilovovej a pod., z ktorých do určitej miery vychádzal Anton Popovič pri koncipovaní slovenského pojmoslovia vedy o preklade. Toto delenie do veľkej miery vychádzalo zo spoločenskej praxe, ktorá sa uplatňovala aj vo vydavateľstvách a na vysokých školách (pozri napr. Gromová, 2021). A, prirodzene, odrážalo aj súdobý socialistický režim – prienik marxistickej filozofie do textov spoločenskovedných a humanitnovedných odborov.

Ukazuje to napríklad aj zborník *Preklad spoločenskovedných textov* z roku 1978, ktorý podľa úvodu „zahrňuje materiály z konferencie o problematike prekladu marxistickej filozofickej literatúry“ a „zapadá do programu zvyšovania ideovej a odbornej úrovne prekladateľov textov vedeckej a odbornej literatúry v zmysle uznesení XV. zjazdu KSC.“ (nečíslované)

V súčasnosti známe poznatky o prehistórii pojmu spoločenskej vedy naznačujú, že slovné spojenie „preklad spoločenskovedných textov“ je pozostatkom marxistickej klasifikácie vied, kde sa filozofia prelínala so spoločenskými vedami v duchu Marxovej tézy, že „filozofi doteraz

svet len vykladali, no treba ho zmenit““. Naznačuje to okrem iného článok *Sociológia v systéme marxizmu-leninizmu*, v ktorom sa autor Andrej Sirácky snaží obhájiť miesto sociológie, ktorá bola vnímaná ako „buržoázna pveda“, keď píše: „...filozofia ako teoretický základ marxizmu-leninizmu spája po ideovej a metodologickej stránke všetky spoločenské vedy. Historický materializmus ako filozofická teória vývoja spoločnosti spája sa jednak – cez dialektický materializmus – s celou teóriou marxizmu-leninizmu a na druhej strane sa marxizmus-leninizmus cez historický materializmus spája s celou oblasťou vied o spoločnosti a myslení.“ (s. 45)

Vo všeobecnosti teda možno povedať, že pojem spoločenskovedný text či preklad spoločenskovedných textov je historicky podmienený a jeho aktuálne používanie nezodpovedá dnes platnej klasifikácii spoločenskovedných a humanitných vied, čo sa, mimochodom, ukázalo aj na seminári *Preklad spoločenskovedných textov* (2019), ktorý organizoval Ústav svetovej literatúry SAV. Aj preto sme sa rozhodli výstup zo seminára, zborník, pomenovať výstižnejšie *Preklad vo vedách o človeku a dialóg kultúr* (2021). Už len veľmi rámcový a skôr kvantitatívny prieskum reálneho textového korpusu prekladov tzv. spoločenskovedných textov naznačuje podobne skeptický výsledok. Zdá sa, že pojem spoločenskovedný text, zdedený podľa všetkého z marxistickej klasifikácie vied, nielenže nezodpovedá dnešnému deleniu vied, ale ukazuje sa ako problematický pri konfrontácii s prekladmi neumeleckých textov ešte aj v dobe, keď sa marxistické delenie vied používalo. V súčasnosti nemáme dost faktických informácií, aby sme tento pojem mohli jednoznačne vylúčiť; aj tento krátky prieskum však naznačuje, že je nutné ho problematizovať, a nie je v záujme bezproblémovej vedeckej komunikácie vhodné využívať ho bez bližšieho vysvetlenia.

Zoznam použitej literatúry

1. BEDNÁROVÁ, K. 2014. *Dejiny umeleckého prekladu na Slovensku I. Od sakrálneho k profánnemu*. Bratislava: VEDA, 2014. 314 s. ISBN 9788022413480.
2. BRTEKOVÁ, L. 1980. *Bibliografia prekladov literatúry zo Zväzu sovietskych socialistických republík na Slovensku za roky 1960 – 1974*. Bratislava: ALFA, 1980. 377 s.
3. FOUCAULT, M. *The Order of Discourse*. Translated by Ian McLeod. In: *Untying the Text: A Post-Structuralist Reader*. Edited and Introduced by Robert Young. Boston – London – Henley: Routledge – Kegan Paul, 1981. 326 s. ISBN 978-0710008046.

4. GROMOVÁ, E. 2021. Genéza reflexie prekladu spoločenskovedných textov vo svetle nitrianskej školy. In: *Preklad vo vedách o človeku a dialóg kultúr*. Bratislava: VEDA, 2021. s. 11 – 20.
5. KUSÁ, M. (ed.). 2017. *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825 – 2015*. Bratislava: VEDA, 2017. 264 s. ISBN 9788022415569.
6. KUSÁ, M. – RONDZIKOVÁ, N. (eds.). 2021. *Preklad vo vedách o človeku a dialóg kultúr*. Bratislava: VEDA, 2021. 119 s. ISBN: 978-80-224-1873-7.
7. LINZBOTHOVÁ-LITSCHAUEROVÁ, J. 1980. Bibliografia prekladov literatúry zo Zväzu sovietskych socialistických republík na Slovensku za roky 1945 – 1959 Zv. 1-2. Bratislava: ALFA, 1980. 949 s.
8. MARUŠIAK, J. 2001. *Slovenská literatúra a moc v druhej polovici päťdesiatych rokov*. Brno: Nakladatelství Prius; Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 2001. 185 s. ISBN 80-902995-1-2.
9. MATTHEWS, J. P. C. *Majales: The Abortive Student Revolt In Czechoslovakia in 1956*. Working Paper No. 24. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1998.
10. MISTRÍK, J. 1975. *Žánre vecnej literatúry*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1975. 212 s.
11. MLACEK, J. (ed.). 1978. *Preklad spoločenskovedných textov*. Bratislava: Slovenský literárny fond, 1978. 210 s.
12. PLIEŠOVSKÁ, Ľ. 2016. *Od Buckovej k Updikovi. Americká literatúra na Slovensku v rokoch 1945 – 1968*. Banská Bystrica: Belianum, 2016. 262 s. ISBN 978-80-557-1171-3.
13. PYM, A. 1998/2014. *Method in Translation History*. Oxon; New York: Routledge, 2014. 234 s. ISBN 9781900650120.
14. SIRÁCKY, A. 1965. Sociológia v systéme marxizmu-leninizmu. In: *Sociologický časopis*. 1965, roč. 1, č. 1, s 41 – 51.
15. TYŠŠ, I. 2017. Teoretické a materiálové sondy do praxeológie a dejín prekladu americkej literatúry na Slovensku v období socializmu. Mladá tvorba a Beat Generation. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta, 2017. 167 s. ISBN 978-80-558-1237-3.

Internetové zdroje

1. Slovenská knižnica. Portál ku katalógom a zbierkam slovenských knižníc. [online]. Dostupné na internete: <https://www.kis3g.sk/>

II. Literárnovedná sekcia

LÁSKA A MORÁLNA DILEMA V POVIEDKE B. A. LAVREŇOVA „ŠTYRIDSIATY PRVÝ“

Mgr. Igor Cintula

Katedra rusistiky, Filozofická fakulta, Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave,
cintula2@ucm.sk

Abstrakt

V predloženej študentskej práci autor analyzuje poviedku Borisa Lavreneva (1891–1959) «Сорок первый» (1924 г.), v ktorej hlavným hrdinám predstojí rozhodnúť vnútorný konflikt medzi láskou a povinnosťou na pozadí občianskej vojny v Rusku. Pozornosť autora je zameraná na bod zreteľnosti, ktorým poviedkovateľ vyberá pre zobrazenie vnútorného konfliktu postáv a jeho tragických následkov. V záveroch autor odpovedá na otázku, v čom spočíva, nerozhodnateľná, zdalo by sa, dilema hlavných hrdinov.

O autorovi

Mgr. Igor Cintula je študentom druhého ročníka doktorandského štúdia na Katedre rusistiky Filozofickej fakulty UCM v Trnave. Oblasťou jeho výskumu je ruská literatúra reflektujúca obdobie občianskej vojny 1917–1922 v Rusku.

Za jednu z najpopulárnejších tém v literárnych dielach (nielen) ruských spisovateľov môžeme označiť tému lásky. Kvôli nej literárne postavy často trpia, páchajú zločiny i šľachetné činy a nezriedka sa pod vplyvom lásky mení ich osobnosť priamo na očiach čitateľa. V ruskej literatúre dosahovala téma lásky vrcholné obdobie v 19. storočí v tvorbe A. S. Puškina (napr. v románe *Eugen Onegin*, 1833), alebo M. J. Lermontova (napr. v poéme *Démon*, 1839). Ako dôležitá téma zostávala láska v literárnej tvorbe ruských spisovateľov aj na začiatku 20. storočia, teda v období už mnohokrát charakterizovanom ako mimoriadne chaotické, plné prudkých zmien, kontrastov i protirečení, ktoré je však zároveň z literárno-historického hľadiska

„... v našom (tj. slovenskom – I. Cintula) kontexte obdobia pomerne málo preskúmaným a spracovaným“ (Pašteková, 2006, s. 7).

Novými požiadavkami meniacej sa spoločnosti ale i imanentným vývinom literárneho procesu sa menil aj samotný prístup, akým spisovatelia v literárnych dielach modelovali lásku ako jeden z najintenzívnejších ľudských citov v ruskej literatúre reflektujúcej obdobie rokov 1917–1922, teda čase, kedy po celej krajine prebiehala občianska vojna a dochádzalo k prehodnocovaniu ľudských hodnôt a miesta lásky v nich.

V podmienkach občianskej vojny 1917–1922 zobrazuje tému lásky napr. ruský spisovateľ Boris Andrejevič Lavreňov v poviedke *Štyridsiaty prvý* (rus. *Сорок первый*, 1924). Práve jeho zobrazenie lásky medzi „starými“ a „novými“ ľuďmi, ktorí musia navyše riešiť nelahkú (morálnu) dilemu voľby medzi láskou a povinnosťou je z nášho pohľadu natoľko špecifické, že považujeme za vhodné venovať poviedke bližšiu pozornosť, a to najmä analýzou kultúrnych alterít a sprievodného slova rozprávača príbehu, ktorý zastáva v celej poviedke významnú úlohu – komentuje, dopĺňa a objasňuje citové prežívanie hlavných postáv, modelovo reflektujúcich živých ľudí tej doby.

Hlavnými hrdinami poviedky sa stávajú postavy, zobrazované ako predstavitelia „svojho“ prostredia, vďaka čomu môžeme poviedku *Štyridsiaty prvý* označiť azda za jednu z prvých v porevolučnom sovietskom kultúrnom priestore, v ktorej „... в качестве одного из ключевых источников социального и психологического противостояния героев оказывается разница культур“ (Лейдерман, 2012, s. 383). Onu rozdielnosť kultúrnej stránky hlavných postáv možno pochopiť v kontexte hodnôt, noriem, či ideí, ktoré nielen že zastupujú, ale sú im aj plne oddaní. Príslušnosť k určitej kultúre následne ústi do podpory konkrétnej ideológie a strany, za ktorú hlavné postavy v občianskej vojne bojujú.

Tradičnú, alebo aj „starú“ či „vysokú“ kultúru reprezentuje gardový poručík Bielej armády Vadim Nikolajevič Govorucha-Otrok – mladý, inteligentný človek (vzdelaním filológ), ktorý si dobre pamätá na svoj bývalý vysoký spoločenský status a môžeme povedať, že práve on je rozprávačom zobrazovaný ako ten, kto disponuje tzv. „kultúrnym kapitálom“¹. Na

---

¹ Označenie „kultúrny kapitál“ po prvý raz použil Pierre Bourdieu v teórii literárneho poľa. Do nášho prostredia toto označenie (a túto teóriu) prináša napr. Josef Šebek, ktorý ho interpretuje ako „... druh kapitálu, ktorý môže nabývať formy vzdelání a znalostí (spadá sem rovněž vědecký kapitál), kultivovanosti, schopnosti vytvářet a užívat kulturní statky, resp. může být založen i na jejich vlastnictví“ (Šebek, 2019, s. 32).

revolucionárov pozerá s povýšenosťou aristokrata, čo je rozprávačom sprostredkované nielen formou priamych výpovedí poručíka, ale aj množstvom neverbálnych a paraverbálnych komunikačných prejavov. Ako názorný príklad môžeme uviesť prvé stretnutie „bieleho“ dôstojníka s komisárom Červenej armády: „*Jevsiukov sa odvrátil a spomenul si na zajateého dôstojníka. Zazrel ho medzi dvoma červenoarmejcami. Dôstojník stál pokojne, prvú nohu vo vysokom švédskom kapci mal trochu vystrčenú a fajčil, hľadiac posmešne na komisára. "Čo si zač?" spýtal sa Jevsiukov. "Gardový poručík Govorucha-Otrok. A ty si kto?" spýtal sa i dôstojník, vypustiac kúdol dymu*“ (Lavreňov, 1960, s. 25). V sledovanom úryvku môžeme pozorovať opisy neverbálnej komunikácie (napr. „*stál pokojne*“, „*hľadiac posmešne*“), ktoré však nie sú ohraničené len na túto časť textu. Nachádzame ich v rámci celej poviedky, čím tvoria dôležité prvky narácie, a to najmä z toho dôvodu, že „... *dopresňujú, modifikujú a presnejšie identifikujú obsah promluv, a to díky tomu, že zahrnují i složku uvádějící informace o vztahu protagonistů jak k tomu, o čem hovoří, ale i ke svým vlastním promluvám, k sobě samým i k partnerům v dialogu, tedy hodnotě o vnitřním světě zobrazovaných literárních postav*“ (Dohnal, 2012, s. 29). Sledovaním takýchto zložiek textu, ktoré čitateľ registruje podvedome ako pozadie príbehu, umožňujú hlbšie preniknúť do psychológie literárnych postáv a ich prežívania v porovnaní s úsekmi, kedy sa realizuje iba verbálna (priama) komunikácia medzi jednotlivými protagonistami. Napr. v pasáži „... *Monsieur Jevsiukov? ... Ve-elmi ma teší! Žiaľ bohu, moja vláda mi nedala splnomocnenie na diplomatické rokovania s takou význačnou osobnosťou*“ (Lavreňov, 1960, s. 25) môžeme pozorovať využitie tentoraz paraverbálnych signálov (napr. „*ve-elmi*“), ale aj jasné poručíkovo pohrdanie (predpokladaný ironický tón prehovoru „*s takou význačnou osobnosťou*“ môžeme taktiež označiť za paraverbálny signál) a až zosmiešňovanie „*červenoarmejcov*“, no už si nemôžeme byť istí, či ide o afekt (tj. citový stav, ktorý sa vyznačuje krátkosťou trvania), alebo či je takýto pohľad na protivníka hlboko zakorenený vnútri jeho postavy. Všímaním si prejavov neverbálnej i paraverbálnej komunikácie v pásme rozprávača dostáva recipient komplexnejší pohľad do vnútra postáv, keďže „... *kromě vnější reality tak získává příležitost nazírat i na realitu vnitřní, individuální, často skrývanou, ale o to více odpovídající potenciální pravdě, již čtenář takovým způsobem poodhaluje*“ (Dohnal, 2012, s. 32).

Predstavitelkou „novej“, alebo inak povedané aj „revolučnej“ kultúry je postava siroty z rybárskej osady – vojačky Červenej armády menom Mária Filatovna. Postava „červenej“ Mariutky (ako ju všetci láskavo volajú) nedisponuje oným kultúrnym kapitálom (dobrým

vzdelaním, spoločenským statusom, ...), čím je v priamej opozícii „bielemu“ poručíkovi, a to nielen ako nepriateľský vojak, ale aj ako človek „iného myslenia“. Navonok je zobrazovaná ako tvrdá bojovníčka, ktorá zastrelila niekoľko desiatok nepriateľov a „... štyridsiatym prvým mal byť gardový poručík Govorucha-Otrok v Mariutkinom poradí smrti“ (Lavreňov, 1960, s. 25). O svojom nepriateľovi (poručíkovi) hovorí s ironickou intonáciou nasledovne: „... Čvarga! Štvorylku tancovať, to by si hádam ešte vedel, ale inak nič!“ (Ibidem, s. 29). Ako môžeme vidieť, pohrdanie protivníkom ako predstaviteľom inej kultúry je prítomné u oboch hlavných postáv a v poviedke do veľkej miery tematizuje ideologickú rovinu príbehu (povinnosť nenávidieť nepriateľa, ...). Kultúrny rozdiel je zároveň prezentovaný ako príčina prebiehajúceho konfliktu i morálnych kríz. V jednom z prehovorov poručík hovorí „... ty to nepochopíš. Rozdielna kultúra. Tebe telo ubíja ducha, a mne duch ovláda telo. Môžem si rozkázať, aby som netrpel“ (Lavreňov, 1960, s. 33).

Postupne je v poviedke odkrývaná obyčajná „ľudská“ stránka hlavných postáv (túžby, súciti, sympatia, atď.). Dozvedáme sa napríklad, že Mariutka je v skutočnosti citlivé dievča, túžiace po nehe a láske, ktoré „... veľmi rada sníva a ešte radšej smolí verše“ (Ibidem, s. 12), no v prostredí nelútostnej občianskej vojny sa usiluje o nájdenie svojho miesta v konkrétnej societe. U jedinca v rýchlo meniacej sa dobe, v ktorej navyše nastáva krach „starých poriadkov“, často vzniká situácia, kedy v procese implementácie do nanovo formovanej spoločnosti „... některé její prvky jednotlivec včlení do svého „obrazu světa“ intuitivně, aniž by si toho byl vědom, jiné se stávají součástí jeho obrazu světa po delší dobu a je k nim „veden“ postupným podřizováním se jistým kulturním normám, hodnotám, představám atp., jiné z jejich aspektů přijímá jako vynucené, s některými z nich pak svádí vnitřní „boj“, některým se podrobuje jen značně obtížně, anebo se jim nepřizpůsobí vůbec“ (Dohnal, 2012, s. 72). Zložitost prispôsobovať sa kultúrnym normám novej society je demonštrovaná najmä na postave gardového poručíka, ktorý nielen že niektoré jej aspekty zložito prijíma, ale dokonca ich odmieta ako nesprávne, na tvorbe ktorých sa nechce podieľať: „... dost' už! Ja som z tejto hry vypadol! Už sa nechcem špiniť!“ (Lavreňov, 1960, s. 79) hovorí v jednom z prehovorov poručík. Ak si všímame paraverbálne signály, potom výkričníky znamenajú rozhodnosť daných vyhlásení, ale aj rozhorčenie a iné emocionálne prežívanie.

Zlom v príbehu nastáva v momente, keď zajatého poručíka eskortujú loďou na štáb Čerenej armády, no v dôsledku búrky a následného stroskotania lode sa obaja hlavní hrdinovia

ocitajú osamotení na opustenom ostrove, ktorý má v poviedke symbolický charakter – predstavuje oázu pokoja, izolovanú od okolitého sveta, v ktorom vládne nenávisť, vraždenie a boj. Práve tým, že sa ocitli na ostrove, zmizol tlak okolitého sveta a izolácia od vonkajších vplyvov ich znovu mení z „nepriateľov/bojovníkov“ na „ľudí“ – ideológia stráca dosah na hlavných hrdinov, tí ostávajú opäť len mladými ľuďmi (mužom a ženou). V „ostrovnom bytí“ sú ich rozdielne kultúry v kontakte, ktorý nie je antagonistický, čo im umožňuje, aby sa do seba postupne zamilovali. Na mieste je otázka, či sa do seba hlavné postavy najskôr zamilovali, alebo či spolu prv prekonávali prekážky a tak sa postupne začali vnímať v inej relácii ako „nepriateľ“. Správnu sa javí druhá z uvedených možností, keďže práve spoločné prekonávanie rôznych prekážok nevyhnutných pre prežitie na pustom ostrove ich donútilo nazerať na seba aj inak ako len na nepriateľov. Vzájomné rozdiely nevnímali, boli k sebe tolerantní, akceptovali, že sú v niečom iní, čo ich však (automaticky) nestavia proti sebe. Tým sa mení aj úloha (rola) Mariutki, ktorá zrazu nie je strážcom zajatca, ale priateľkou poručíka. Túto zmenu môžeme pozorovať napr. v nasledujúcom dialógu hlavných postáv: „... *"Ďakujem ti, dušička!" Mariutka sa zapálila a odtisla mu ruku: "Nedakuj!... Nestojí za reč. A čo sa ty nazdáš, vari som ťa mala nechať umrieť? Veď hádam som človek, nie zver!" "Ale ja som kadet... Nepriateľ. Čo si sa mala so mnou trápiť? Sama ledva dýchaš." Mariutka sa na chvíľočku zarazila, prekvapene sa strhla. Hodila rukou a zasmiala sa. "Aký si ty nepriateľ?"*“ (Lavreňov, 1960, s. 65). Avšak tieto signály ľudskosti a empatie ešte neznamenajú lásku, skôr len neskúsenosť, nesmelosť, neistotu z toho, ako sa „prirodzené“ správa človek, u ktorého vzniká citový vzťah k niekomu inému.

Ďalší príklad „ľudskej“ stránky hlavných postáv nachádzame napr. v situácii, keď Mariutka číta jednu zo svojich básní poručíkovi, ktorý „... *po krátkom mlčaní odpovedal: "Hej... Dobrá vec! Je v tom veľa expresie, citu. Rozumieš? Vidieť, že si to písala zo srdca." Vtom sa poručík šklbol celým telom a dodal náhlivo, akoby sa mu čikútkalo: "Neuraz sa, ale verše sú veľmi slabé. Nevybrúsené, ťažkopádne."*“ (Ibidem, s. 40). Na základe popísaných neverbálnych prejavov (gestá a pohyby tela) poručíka pri počúvaní básne môžeme pozorovať, ako ťažko sa mu zdržiava smiech. Napriek tomu Mariutku nevysmieva, ale ako inteligentný človek sa jej snaží vysvetliť, že: „... *básne, to ti je umenie. A každé umenie si vyžaduje učenie, má svoje pravidlá a zákony*“ (Ibidem), čím ju nielenže podporuje v ďalšej poetickej činnosti, ale aj preukazuje toleranciu voči jej „kultúre“, z ktorej pochádza. Poručík ako človek „starej“ kultúry disponujúci „kultúrnym kapitálom“ je ochotný odovzdávať svoje poznatky ďalej, čím odhaľuje svoje

videnie sveta, spočívajúce v evolúcii a nie revolúcii, pomoci a nie ničení. Láskou k umeniu, porozumením krásy, schopnosť rozprávať o nej s nadšením a zrozumiteľnosťou – práve týmto poručík imponoval Mariutke, no paradoxne tieto vlastnosti poručík získal v „starom“ Rusku, proti ktorému ona tak odhodlane bojovala. Je to súčasne dôkazom, že vedomie o hodnotnosti „starej“ kultúry predsa len existuje aj v podvedomí červenoarmejky Mariutky, no ideológia a prebiehajúca vojna tieto „hodnoty minulosti“ zatienili.

Lavreňov tak v poviedke pomocou rozprávača nielenže modeluje jednotlivé postavy ako typických predstaviteľov „starého“ a „nového“ Ruska, ale tiež aj ako ľudské bytosti, ktoré napriek spoločenským tlakom a vplyvu vojny prebúdzajúcej v človeku zvieracie pudy majú stále vo svojom vnútri i tie najvznešenejšie ľudské city. Postupne ich vzájomná náklonnosť naplno prerastá do lásky. Zamilovaný poručík si je istý, že „... najplnšie dni prežijem tu“ (Ibidem, s. 75), Mariutka dodáva „... teraz som šťastná“ (Ibidem, s. 76) a spolu prežívajú „... také dni, keď človek necíti nepriateľstvo voči celému svetu“ (Ibidem, s. 75). Láska ako cit prekonáva a premostuje protiklady kultúry, ideológie, skúseností vojny i rozdielnu úlohu hlavných postáv v ich dyáde.

Rozdielna príslušnosť k bojujúcim stranám v občianskej vojne je tým „prekrytá“, zatienená, súčasne však zostáva skryto modelovaná ako niečo, čo stojí proti láske a čo navodzuje atmosféru, že hlbší citový vzťah k nepriateľovi je neprípustný – je „zradou“. Poukázané je na to v momente, keď sú do textu včlenené dva súčasne vedené spory hlavných postáv. Prvý je externý, prebiehajúci medzi nimi navzájom, keď sa obaja snažia presvedčiť toho druhého o „pravde“. Poručík Govorucha-Otrok vníma revolúciu a vojnu ako temný živel, cieľom ktorého je „... zničiť čo najviac ľudí, aby si tí, čo ostanú, mohli dlhšie napchávať bruchá i vrecká“ (Ibidem, s. 79). Pre Mariutku je tento konflikt naopak svetlom, ktoré dalo jej životu zmysel, a preto „... keď po všetkých mestách a dedinách vyhlásili nábor dobrovoľníkov [...] vstala a šla sa vo svojich nepoddajných nohaviciach zapísať do Červenej gardy“ (Ibidem, s. 12). Rozdielny náhľad na revolúciu je zdrojom sporov, príkladom môže byť jeden z dialógov o účastníkoch vojny (Mariutka): „... Možno majú telá zavšivené (bolševici – I. Cintula), ale ty máš dušu všivavú!“ (Ibidem, s. 80), – (Govorucha-Otrok): „Čo sa to opovažuješ?... Spamätaj sa, ty... chrapúnka!“ (Ibidem, s. 81).

Hoci si vždy navzájom odpustili, nakoľko, ako poznamenáva rozprávač „... na pustom ostrove dvaja ľudia nemôžu pred sebou ujsť“ (Ibidem, s. 82), skutočné zmierenie nastať nikdy

nemohlo. Druhý konflikt má u postáv interný charakter, spočívajúci v dileme vybrať si medzi povinnosťou vojaka a láskou k človeku. Zložitosť voľby je založená na skutočnosti, že Lavreňov vytvoril obrazy dvoch silných hrdinov, ktorí sa stretli v peripetiách občianskej vojny, zamilovali sa do seba, zažili skutočné ľudské šťastie, no napriek tomu zostali na (kultúrne i ideologicky) opačných pozíciách. Obaja si zachovali rozdielny pohľad na zlomovú udalosť v krajine, ktorá proti sebe postavila odlišné názory na chápanie (a prijímanie) reality, pričom ani jeden nerešpektoval ten druhý, čo vo výsledku prinášalo nevídané ukrutnosti, nakoľko, ako poznamenáva poručík, „... keď kultúra proti kultúre, tak už potom dôsledne“ (Ibidem, s. 84). Šťastie a vzájomná láska hlavných hrdinov sú prakticky od začiatku podmienené dočasnou a nesú v sebe zárodok tragického konca, nakoľko ich lúboštný vzťah je možný len vtedy, pokiaľ sú osamotení ako ľudia a nevystupujú primárne ako príslušníci znepriatelených spoločenských tried (ideológií, kultúr, politických systémov, ...).

Eskalácia lúboštného príbehu nastáva v momente, keď sa na obzore objavuje loď. Keď sa priblížila a Mariutka zazrela, ako „... mužskému pri kormidle sa zablyslí na pleciach zlaté náplecníky“ (Ibidem, s. 86), pochopila, že k ostrovu mieri loď patriaca „bielym“. Uvedomujúc si túto skutočnosť, aj poručík stojaci po členky vo vode radostne kričí „... hurá-áá! ... Naši! ... Chytró, páni chytró!“ (Ibidem). Mariutke však na um okamžite prichádzajú slová komisára: „... keby ste nevdojak narazili na bielych, živého im ho nevydaj“ (Ibidem, s. 43) – v tej chvíli zrazu vychádza z „ostrovného bytia“ späť do reality vojny, koná opäť ako „vojak revolúcie“ a ničí triedneho nepriateľa. Poručík len „... odrazu začul za chrbtom ohlušujúci, triumfálny rachot planéty, explodujúcej v ohni a búrke. [...] a tento rachot hynúceho sveta bol posledným pozemským zvukom v jeho živote“ (Ibidem, s. 87).

Moment smrti gardového poručíka Govoruch-Otroka je autorom modelovaný a rozprávačom sprostredkovaný jednak ako obraz tragédie, odstrašujúci príklad toho, do čoho je schopný dôjsť stret dvoch nezlučiteľných svetonázorov (a kultúr), no najmä ako smrť človeka – ľudskej bytosti. Lavreňov tak poukazuje, že v dileme voľby medzi láskou ako citom a (ideologicky motivovanou) povinnosťou v kontexte (kultúrnej a ideologickej povahy) občianskej vojny víťazí v podvedomí hlavnej hrdinky práve ona ideologicky motivovaná povinnosť – avšak víťazstvom sa to dá nazvať len veľmi ťažko, nakoľko takáto „voľba“ nakoniec ničí človeka zvnútra, čo je v prípade Mariutky demonštrované nasledovne: „... tupó hľadela na bezvládne telo a podvedome dupkala ľavou nohou“ [...] puška jej vypadla z rúk [...] vbehla po kolená do vody,

pokúsila sa nadvihnúť mŕtvu hlavu [...] a zakvílila hlbokým, srdcervúcim hlasom: "Môj najmilejší! Čo som to spravila?"" (Ibidem, s. 87).

Za povšimnutie stojí posledná veta poviedky: „... z pristávajúceho člna sa dívali ohromení ľudia“ (Ibidem) – nie bieli, kadeti či kozáci, ale ľudia sa prizerali tomuto nešťastiu. Konflikt medzi bielymi a červenými je tu už nepodstatný, pred čitateľom sa odohráva tragédia – vyhasol ľudský život a spolu s ním zahynula i láska. Ako poznamenáva rozprávač v úvode poslednej kapitoly, „... autor neberie na seba zodpovednosť za rozuzlenie“ (Ibidem, s. 82) – zrejme nie len preto, že sa príbeh končí pesimisticky (ťažko si predstaviť tragédiu s optimistickým zakončením), ale aj preto, že sa vymyká sovietskemu dobovému kánonu – neopisuje sa smrť nepriateľa revolúcie, naničhodného šľachtica „starého“ Ruska, ale mladého a vzdelaného človeka pohlteneho láskou. Výkrik rozrušenej Mariutki „... čo som to spravila?“ (Ibidem, s. 87) je dkladom tragiky situácie, ktorú si ale hrdinka uvedomuje, až keď je neskoro.

Lavreňov siaha v poviedke na „večnú“ tému, ktorá sa v literatúre objavuje už od čias antiky – na konflikt medzi láskou a povinnosťou, srdcom a rozumom, no úspešne ju adaptuje do ruskej literatúry 20. rokov minulého storočia. Poviedka *Štyridsiaty prvý* tak modeluje dobu, v ktorej bol človek nútený riešiť dilemu voľby nielen medzi „starým“ a „novým“ Ruskom, ale aj na oveľa intímnejšej úrovni. Pred takouto voľbou stojí aj Mariutka, ktorá obetuje svoje osobné šťastie za ideály proletárskej revolúcie, ktoré prenikli do jej podvedomia a v rozhodujúcej chvíli prevládali v jej konaní. Ako sa však ukazuje, takáto voľba nemusí byť vždy pre človeka pozitívna.

Poviedka silno rezonovala v mladej sovietskej spoločnosti ihneď po jej vydaní v roku 1924. Podľa I. Višnevskej sa dokonca stala literárnym dielom, ktoré zohralo „... немалую роль в духовной жизни советских людей“ (Вишневская, 1962, s. 31) a je otázkou, k čomu táto „роль“ nabádala (nepriateľa ľutovať alebo likvidovať?). Ohlasy na poviedku sa zrejme odrazili v skutočnosti, že sa tematicky podobné diela objavili v ruskej literatúre aj v neskoršom období, napr. v tvorbe E. G. Kazakeviča nachádzame obdobnú tému otvárajúcu poviedku *Dvaja v stepi* (rus. *Двое в степи*, 1948), ktorá je ale situovaná už do obdobia Veľkej vlasteneckej vojny.

Zoznam použitej literatúry

1. DOHNAL, J. 2012. „Nerozumění světu“ jako cesta k moderně v literatuře, zvláště v ruské próze přelomu 19. a 20. století. In: *World Literature Studies*, 2012, č. 1, s. 68-80.
2. DOHNAL, J. 2012. *Proměny modelu světa v ruské próze na přelomu XIX a XX. století*. Brno: Muni Press, 2012. 178 s. ISBN 978-80-210-5943-6.
3. LAVREŇOV, B. 1960. *Štyridsiaty prvý*. Preložila Magda Takáčová. Bratislava: SVKL, 1960. 88 s.
4. PAŠTEKOVÁ, S. 2006. *Moderné inšpirácie ruskej literatúry*. Bratislava: VEDA, 2006. 152 s. ISBN 80-224-0921-9.
5. ŠEBEK, J. 2019. *Literatura a sociálno. Bourdieu, Williams a jejich pokračovatelé*. Praha: Filozofická fakulta UK v Praze, 2019. 270 s. ISBN 978-80-7308-925-2.
6. ВИШНЕВСКАЯ, И. 1962. *Борис Лаврениев*. Москва: Советский писатель, 1962. 284 с.
7. ЛЕЙДЕРМАН, Н. и др. 2012. *Русская литература XX века, 1917-1920-е гг, 1 книга*. Москва: Академия, 2012. 464 с. ISBN 978-5-7695-6988-3.

КОГДА ТВОЙ ЧИТАТЕЛЬ НЕ ОТРАЖАЕТСЯ В ЗЕРКАЛЕ

Mgr. Jaroslav Sommer

Ústav slavistiky, Filozofická fakulta, Masarykova univerzita, jaroslav.sommer@uhk.cz

Аннотация

Článek je venovaný analýze románu Sergeja Chazova-Kassia *Drugoje detstvo*. Název článku je převzatý od Valerija Pečejkina, který takto charakterizoval autorov román *Jevangelije ot* v súvislosti s tým, že sociálna skupina pozostávajúca z gayov sa v Rusku nijak neidentifikuje a nevyjadruje. Článok sa sústreďí na tému homosexuality v ruskej umeleckej literatúre i v kontexte žurnalistických aktivít autora románov.

Сведения об авторе

Ярослав Соммер является сотрудником кафедры русского языка и литературы педагогического факультета Университета Градец Кралове и одновременно аспирантом Института славистики философского факультета Университета им. Масарика в Брно (специальность литературная компаративистика). В своей диссертации занимается проблематикой изображения сексуальных меньшинств в славянских литературах.

Всякий раз, когда нужно предъявить себя как сообщество и силу, выясняется, что в России нет такой социальной группы. О ней молчат и она молчит. Так внешняя гомофобия становится внутренней. В такой ситуации – когда читатель не отражается в зеркале – писать ещё труднее, чем во времена официальной цензуры. Роман Сергея Хазова-Кассиа написан симпатическими чернилами – он в полной мере проявится тогда, когда проявит себя его читатель. Когда он наконец «выйдет из шкафа» и обнаружит, что за его пределами есть люди и книги.

*Валерий Печейкин, драматург «Гоголь-центра»,
обложка романа «Евангелие от»*

Читатель, зеркало и книга

В вышеприведенной цитате привлекает внимание мысль, что читатель квир-литературы в российском обществе невидим, не проявляется. Но слова Валерия Печейкина акцентируют не только неактивность социальной группы с «нетрадиционной» сексуальностью в обществе, но и отношение ее членов к себе и книгам. Должно быть, значение романа Сергея Хазова-Кассиа «видимо» пока частично, потому что большинство потенциальных читателей еще «не отражается».

Если следовать идее Печейкина, можно предположить, что роман Хазова-Кассиа, а также сам автор обращаются к будущему, ждут «выхода из шкафа». Общественная роль романа ясна – поддерживать в будущем образующуюся субкультуру, социальную группу. Но, конечно, как убеждает «книжная полка» Печейкина, читатели найдутся и сейчас. Роман так может способствовать если не образованию этой социальной группы, то хотя бы началу пути к принятию данного сообщества посредством самопринятия. Когда человек узнает самого себя в зеркале, может быть самим собой и с другими.

Валерий Печейкин указывает и на место книги и, следовательно, литературы в этом процессе. Кажется, что важную роль книги, как объекта и посредника контакта с читателем, понимает и сам автор, поскольку этому «неотражающемуся» читателю, наверное, предназначена и (через несколько лет после покупки книги обнаруженная) записка в моем издании: «С любовью от автора. Сергей Хазов-Кассиа» (Хазов-Кассиа, 2017а).

Сергей Хазов-Кассиа – журналист

Сергей Хазов-Кассиа родился в 1980 году в Ленинграде, закончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Согласно информации, размещенной в социальных сетях, работал собственным корреспондентом журнала The New Times с 2009 по 2015 гг. (Сергей Хазов-Кассиа, 2021, online). На сайте The New Times насчитывается свыше 60 текстов Хазова-Кассиа, включая отрывок из романа «Другое детство» и дважды опубликованный текст под названием «Вышел замуж» (The New Times, 2021, online).

С 2015 года Хазов-Кассиа является специальным корреспондентом Радио Свобода. Его журналистская деятельность была удостоена нескольких наград. Он лауреат European Press Prize – 2013 и Конкурса молодых журналистов-международников – 2014, организованного Российским советом по международным делам (Радио Свобода, 2021, online).

В рамках серии «Признаки жизни. Документальное кино Радио Свобода» Хазов-Кассиа выступает вместе с Андреем Костяновым в качестве режиссера, причем, например, фильм «Стой! Проход запрещен» был представлен в Риге, Москве и Санкт-Петербурге на фестивале документального кино «Артдокфест» (Artdocfest, 2020, online). В последнем (премьера в конце 2020 года) документальном фильме «“Сами разберутся”. Истории буллинга и его жертв» Хазов-Кассиа сосредоточил свое внимание на теме травли (Хазов-Кассиа – Костянов, 2020, online).

Как в своих фильмах, так и в репортажах Хазов-Кассиа разрабатывает темы насилия (прежде всего межличностного), притеснения прав сексуальных меньшинств, ограничения свободы культуры и гражданского общества со стороны органов государственной власти, коррупции, темы нежелательного влияния политических или общественных организаций друг на друга и их воздействия на личную жизнь россиян.

«Другое детство»

Издательства несколько лет отказывались публиковать роман. Два отрывка из него появились в 2013 году в The New Times, где в то время работал Хазов-Кассиа, под заголовком: «Каково это понять, что ты гомосексуал? The New Times публикует отрывки из записей такого подростка» (Хазов-Кассиа, 2013, online), причем только в конце текста выясняется, что это художественная обработка детства автора: «Из подростковых дневников и детских воспоминаний получился роман «Другое детство», вошедший в лонг-лист «Русской премии» за 2010 год, однако пока неопубликованный. “Тема слишком опасная”, – пишут издательства» (Хазов-Кассиа, 2013, online).

Действие романа, описывающего взросление Артема, единственного ребенка в неполной семье, происходит в Санкт-Петербурге конца 80-х и, прежде всего, первой половины 90-х годов. Структура романа воспитания отсылает читателя к традиции трилогий о детстве, отрочестве и юности с автобиографическими чертами. Роман

также можно отнести к классической литературе каминг-аута, или вообще к квир-литературе, хотя автор вполне успешно пересекает границы всех этих жанровых конвенций.

Главный герой романа становится жертвой травли в школе и уже в связи с этим понимает – его жизнь чем-то отличается от других: «Весь урок я думал о том, что Боксёр хотел как лучше, но взрослые часто вмешиваются в нашу жизнь, совсем не представляя, по каким законам она течёт. Наверное, у них было какое-то другое детство, где старший брат или папа могли вот так пойти разбираться с обидчиками сына, и те навсегда переставали его доставать» (Хазов-Кассиа, 2017а, с. 24–25).

Ощущение Артема, что он не похож на остальных, постепенно усиливается, но он старается не разъяснять, в чем именно это заключается: «Я не знал, к кому из перечисленных категорий отнести себя, да и тюрьма по мне вовсе не плакала, но где-то в глубине души я чувствовал: во мне тоже есть эта маргинальность, которая рано или поздно должна проявиться» (Хазов-Кассиа, 2017а, с. 150).

Сталкиваясь не только с самим собой, а также с мамой и с некоторыми одноклассниками, Артем все больше и больше убеждается в своей гомосексуальности, которая проявлялась в его личности намного раньше, чем он ее идентифицировал. Неизбежность конфликта с окружающим миром Артему очевидна: «Я всегда подозревал, что со мной что-то не так, и теперь получил тому наглядное подтверждение: я конченный человек, и можно только надеяться, что расплата придёт не слишком скоро» (Хазов-Кассиа, 2017а, с. 166).

Никакого понимания со стороны матери главный герой не дожидается, наоборот, встречается с неизменным осуждением. Каминг-аут не произойдет типичным образом, в направлении к другим, а наоборот, внутрь. Герою достаточно, что он признается самому себе – от мнения других, встречаясь или с непониманием, или же с неполным пониманием, которому препятствует его тайна, он независим: «Теперь я стал взрослым. Это случилось как-то незаметно. Взрослость моя определялась не отношением окружающих, а скорее, неким самосознанием. (...) Я стал достаточно взрослым и полностью отдавал себе отчёт в том, что я не такой, как все, но не в том смысле, в каком думал об этом раньше. (...) Мне не хотелось чувствовать всё то, что я чувствовал, потому что это было неправильно» (Хазов-Кассиа, 2017а, с. 236–238).

Процесс взросления – более четкая ориентация в собственных переживаниях, принятие многих ошибочных решений, а также приобретенный опыт непонимания, травли и одиночества – позволяет Артему в будущем самостоятельно организовать свою жизнь. Из неуверенного в себе, ничем не выделяющегося мальчика, формируется независимая личность, способная противостоять проявлениям направленной на него ненависти: «За несколько часов мир изменился. Вопросы, которыми я задавался столько лет, не нашли ответов, но просто это были неправильные вопросы» (Хазов-Кассиа, 2017а, с. 301).

Сергей Хазов-Кассиа – «писатель не одной книги»

Кроме романа «Другое детство» Хазов-Кассиа создал и прочие произведения. Вместе с литературным дебютом в той же книге была напечатана и «Мать»²: «взгляд на ту же проблему с другой стороны, исповедь матери, узнавшей об ориентации её сына-подростка» (Хазов-Кассиа, 2017а, с. 2).

Второй изданный роман Хазова-Кассиа называется «Евангелие от», и эта книга заслуживала бы отдельного анализа, но объем настоящей статьи не позволяет уделить ей соответствующее внимание.

О романе «Другое детство»

Роман «Другое детство» вошел в лонг лист претендентов на «Русскую премию» за 2010 год в категории крупная проза (Русская премия, 2011, online). В 2015 году был номинирован писателем и издателем Ильей Данишевским на премию «Национальный бестселлер 2015», но из длинного в короткий список роман не поступил (Национальный бестселлер, 2015, online). На сайте премии размещены рецензии четырех членов Большого жюри – писателя Анны Матвеевой, журналиста Николая Никифорова, поэта Наташи Романовой и Сергея Фаустова из независимого книжного магазина «Все свободно».

---

² По определению Анны Матвеевой, «Мать» – новелла (Матвеева, 2015, online), и с этим согласиться намного легче, чем с тем, что «Другое детство» она считает повестью.

Николай Никифоров обращает внимание на те моменты, в которых действие романа и главный герой не совпадают со сложившимися клише. Это прежде всего тяготение к нормальности, стремление не приукрашивать героя и не обострять его конфликт с обществом какими-то дополнительными факторами. Поэтому гомосексуальность Артема легче вписывается в образ обычного взрослеющего человека, который «нормальнее» «нормальных» и «убедительнее» многих других литературных геев: «Герой в конце концов из темницы выходит, не сыскав при этом славы, и не затем, чтобы “вырвавшись из рутины нести высокую миссию художнику”, а просто затем, чтобы найти возможность без страха и унижения жить. Очень складно сложенный сюжет – прямо просится, чтобы из него сделали фильм – герою дает раскрыться во всех своих некрасивых качествах: он ленив, труслив, лжив, ненадежен. Но, с другой стороны, внимателен, терпелив, верит в дружбу. Обычный, не выдающийся человек: парадокс, но хотя книга и про “другое”, пафос ее в тяге к нормальной, спокойной жизни. Что, во-первых, составляет полезный контраст с обычным для русской литературы нормально-героическим настроением, во-вторых, вносит важное в отечественную “гейскую тему”» (Никифоров, 2015, online).

Отличия от многократно разработанных схем констатирует и следующий рецензент, который также подчеркивает уже упомянутое тяготение к обычному, к усредненному: «Неискушённый в квір-литературе читатель будет ждать от книги совершенно определённого содержания. Вынесенная на заднюю обложку цитата недвусмысленна – это эротическая гомосексуальная сцена между двумя подростками: несколько крупных планов с грубыми ласками, а потом в школу. Типичная, на самом деле, сцена для гей-романа оказалась совсем не типичной для книги «Другое детство». Этот текст – о ребёнке, который с детства понимает, что он чужой в своей семье, что у него нет друзей. (...) Всё это в обстановке типичного детства ребёнка девяностых: школа, вечно сменяющиеся мамины хахали, скучные уроки, достающие хулиганы» (Фаустов, 2015, online).

Хазов-Кассиа не скрывает перед читателем ни те моменты, когда проявляются отрицательные черты характера героя, и даже не старается такое поведение своего героя как-то оправдывать. Благодаря этому Артем представлен достовернее с точки зрения автобиографичности: «Автор совершенно не стесняется рассказывать самые дурацкие

детские страхи и мечты, комплексы и поступки, может быть, он надеется отрефлексировать всё своё детство, отдавая читателю роль бесплатного психоаналитика, который должен молча переваривать все мельчайшие детали медленного взросления» (Фаустов, 2015, online).

Кроме того, что такой подход предоставляет читателю возможность оказаться «психоаналитиком», читателям намного легче соотнести свою жизнь с жизнью литературного героя, что и способствует «появлению собственного отражения в зеркале», самоопределению.

Литература и геи

Анна Матвеева отмечает, что современное общество уже привыкло к героям-геям: «История гомосексуального подростка рассказана от первого лица, но важно здесь не то, что он, подросток – гомосексуальный, кого сейчас этим удивишь... По большому счету, книга не об этом, она – об одиночестве, и о том, как беззащитен человек» (Матвеева, 2015, online). С таким мнением можно поспорить, помня о сложностях и о «нескольколетнем опоздании» с публикацией «Другого детства». Также другие рецензенты выдвигают именно не вполне освоенную русской литературой тему гомосексуальности: «В романе, что логично, достаточно социально табуированных тем и сцен» (Романова, 2015, online).

Признания в этом смысле заслуживает прежде всего несхематичность обработки классического сюжета: «“Другое детство”, книга отчасти (но определенно не целиком) автобиографическая, интересна не столько тем, что имеет дело с темой, русской литературе, кажется, мало привычной, сколько тем, как она ломает и этот стереотип и вообще каноны рассказа о “трудном пути к идентичности”» (Никифоров, 2015, online).

Указывает на определённую дистанцию к затронутой теме и к литературе, «сформированной под знаком М. Кузмина», и Наташа Романова: «Как к автобиографическому относиться к этому тексту не следует: он выстроен по всем законам прозаического жанра и имеет все “правильные” признаки художественной условности (...) еще имеется и сверхзадача, которая и делает этот роман особенным и бесценным не только для него самого, но и как раз для читателя, поскольку описывает опыт, изначально по традиции несущий на себе печать изгойства и маргинальности – к которому

в нашей литературе всегда было настороженное и открыто враждебное отношение, а уж про сейчас и говорить нечего» (Романова, 2015, online).

Как и роман «Другое детство» является отражением детства и взросления Сергея Хазова-Кассиа, так и суждения Наташи Романовой о русской литературе рефлексировуют немаловажную часть общественного мнения. Свидетельствует об этом и журналистская деятельность Хазова-Кассиа, который в своих текстах в течение многих лет подчеркивает, что дискриминация геев и их преследования реальны. Значим и факт, что постепенно расширяется диапазон маргинализированных социальных групп, проблем в обществе и обществом не замечаемых/не решенных, о которых пишет Хазов-Кассиа. Личность Сергея Хазова-Кассиа, связь между корреспондентом, режиссером, писателем и геем, отражается в его творчестве.

В упомянутой уже статье 2014 г., названной «Вышел замуж», автор описывает свою свадьбу во Франции. Можно заметить, что иногда сложно найти отличие между публицистическими и художественными текстами Хазова-Кассиа – этот текст мог бы без всякой коррекции стать вторым эпилогом романа: «То и дело ловишь себя на мысли о какой-то нереальности происходящего. Не то даже странно, что ты выходишь замуж, пользуясь улыбкой судьбы, которой лишены сотни тысяч твоих соотечественников в далекой России, коим не посчастливилось встретить выходца из страны с разрешенными гей-браками; не то странно, что лет 15 назад, скрывая, как тогда казалось, то ли грех, то ли болезнь от родителей и друзей, ты и в самых смелых мечтах не мог представить себе этот день, а то, что окружающие люди ведут себя так, будто ничего особенного и не происходит» (Хазов-Кассиа, 2014, 2018, online).

Список использованной литературы

1. ARTDOCFEST. 2020. *Стой! Проход запрещен*. [online]. 2020 [цит. 27-03-2021]. Режим доступа: <<https://artdocfest.com/ru/movie/12627/>>
2. МАТВЕЕВА, Анна. 2015. Сергей Хазов-Кассиа “Другое детство”. В обход традиций. In: *Всероссийская литературная премия. Национальный бестселлер – 2015*. [online]. 2015 [цит. 21-03-2021]. Режим доступа: <<http://www.natsbest.ru/award/2015/review/sergej-hazov-kassia-drugoe-detstvo/>>

3. НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР. 2015. Длинный список. In: *Всероссийская литературная премия. Национальный бестселлер – 2015.* [online]. 2015 [цит. 21-03-2021]. Режим доступа: <http://www.natsbest.ru/award/2015/nominateds/large/>
4. НИКИФОРОВ, Николай. 2015. Сергей Хазов-Кассиа “Другое детство”. In: *Всероссийская литературная премия. Национальный бестселлер – 2015.* [online]. 2015 [цит. 21-03-2021]. Режим доступа: <http://www.natsbest.ru/award/2015/review/sergej-hazov-kassia-drugoe-detstvo-1/>
5. РАДИО СВОБОДА. 2021. *Сергей Хазов-Кассиа.* [online]. 2021 [цит. 27-03-2021]. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/author/сергей-хазов-кассиа/-vjuqu>
6. РОМАНОВА, Наташа. 2015. Сергей Хазов-Кассиа “Другое детство”. Под сенью Крыльев. In: *Всероссийская литературная премия. Национальный бестселлер – 2015.* [online]. 2015 [цит. 21-03-2021]. Режим доступа: <http://www.natsbest.ru/award/2015/review/sergej-hazov-kassia-drugoe-detstvo-2/>
7. РУССКАЯ ПРЕМИЯ. 2011. *Опубликован «длинный список» претендентов на «Русскую Премию» по итогам 2010 года.* [online]. 2011 [цит. 27-03-2021]. Режим доступа: <http://russpremia.ru/news/000000056/>
8. ФАУСТОВ, Артем. 2015. Сергей Хазов-Кассиа “Другое детство”. In: *Всероссийская литературная премия. Национальный бестселлер – 2015.* [online]. 2015 [цит. 21-03-2021]. Режим доступа: <http://www.natsbest.ru/award/2015/review/sergej-hazov-kassia-drugoe-detstvo-3/>
9. ХАЗОВ-КАССИА, Сергей. 2013. Другое детство. In: *The New Times. Новое время.* [online]. 2013 [цит. 27-03-2021]. Режим доступа: <https://newtimes.ru/articles/detail/62607/>
10. ХАЗОВ-КАССИА, Сергей. 2014. Вышел замуж. In: *The New Times. Новое время.* [online]. 2014 [цит. 27-03-2021]. Режим доступа: <https://newtimes.ru/articles/detail/77535/>
11. ХАЗОВ-КАССИА, Сергей. 2017а. *Другое детство.* Москва: Kolonna publications, 2017, 388 с. ISBN 978-5-98144-188-2.
12. ХАЗОВ-КАССИА, Сергей. 2017б. *Евангелие от.* Москва: Kolonna publications, 2017, 384 с. ISBN 978-5-98144-224-7.

13. ХАЗОВ-КАССИА, Сергей. 2018. Вышел замуж. In: *The New Times. Новое время*. [online]. 2018 [цит. 27-03-2021]. Режим доступа: [<https://newtimes.ru/articles/detail/142909/>](https://newtimes.ru/articles/detail/142909/)
14. ХАЗОВ-КАССИА, Сергей. 2021. Сергей Хазов-Кассиа. In: *Facebook.com* [online]. 2021 [цит. 27-03-2021]. Режим доступа: https://www.facebook.com/sergey.khazov/about_work_and_education
15. ХАЗОВ-КАССИА, Сергей – КОСТЯНОВ, Андрей. 2020. “Сами разберутся”. Истории буллинга и его жертв. In: *Признаки жизни. Документальное кино Радио Свобода. YouTube.com* [online]. 2018 [цит. 27-03-2021]. Режим доступа: <https://youtu.be/rpJUMIe7BGo>
16. THE NEW TIMES. 2021. *Сергей Хазов-Кассиа*. [online]. 2021 [цит. 27-03-2021]. Режим доступа: <https://newtimes.ru/authors/detail/76380/?ID=76380/>

ОЧЕРК КОНСТАНТИНА КОРОВИНА «ИСПАНИЯ»: СТРАНА ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА

Елена Сунцова, аспирант

Уральский Государственный Педагогический Университет, Институт филологии и межкультурной коммуникации, кафедра литературы и методики ее преподавания, г. Екатеринбург, suntsovaEA@ya.ru

Аннотация

Konstantin Korovin is a famous Russian artist, one of the first Russian impressionists and also a stage designer in theatre. In his younger days he was at the heart of artistic scene at 19 – 20 centuries' turn. The article touches upon the peculiarities of the verve based on the novel “Spain” of K. Korovin. They are colouring, pictorial means, which help an artist unfold the world perception (further understanding), impressionistic fragmentarity and sketchness, connotative meanings in connection with his picturesque works of art. Also (in particular, specifically), the article shows comparative analysis of “Spain” novel and the picture “On the balcony. Spanish women Leonora and Ampara”.

Сведения об авторе

Елена Сунцова – аспирантка первого курса обучения кафедры литературы и методики ее преподавания Института культурологии и межкультурной коммуникации Уральского Государственного Педагогического Университета в г. Екатеринбурге, обучающаяся по специальности «Русская литература». К области научного интереса автора относятся особенности поэтики прозы художника.

Введение в проблематику

Проблема «проза художника» еще не получила своего теоретического осмысления, хотя литературное творчество живописцев – вовсе не редкость. Гораздо большее внимание уделено визуальному компоненту в литературном произведении (пейзажам, портретам героев, деталям интерьера). Однако в последнее время феномен прозы художника стал привлекать к себе внимание, прежде всего – художественных

критиков. Это связано с активным вхождением литературы в общекультурное мультимедийное пространство.

В статье Барковской Н.В. «Поколение застоя» (Барковская, 2016) рассматривается мировоззрение людей позднесоветского периода на материале книг художников: Владимира Любарова «Ангелова кукла» и Эдуарда Кочергина «Праздник без повода». Анализируется проза художников, но они выступают, скорее, не как художники, а как свидетели эпохи, носители «живой разговорной стихии, хранящей следы еще дореволюционной культуры, а также разных периодов советской истории».

В статье Пономаревой Е.В. «Владимир Любаров: книги художника» (Пономарева, 2015, с. 453) анализируется взаимосвязь литературы и живописи: «Каждая из книг представляет единство, построенное на принципах соединения ставших знаменитыми серий картин, с сериями связанных с ними рассказов, зарисовок, эскизов» (Пономарева, 2015, с. 454).

Книга художника становится объектом рассмотрения в статье Житенева А.А. «“Книга поэта“ как “книга художника“: “IMAGO“ Д. Дмитриева». Внимание исследователя акцентируется на том, что книга художника – это, прежде всего, арт-объект, сходный с рукописными альбомами. С «книгой художника» это произведение объединяет тесная связь текста, особенностей визуального и типографского решения, восприятие книги как уникального арт-объекта» (Житенев, 2020, с. 192).

В статье Светланы Ивановой «Проза художника» речь идет о прозе художника С. Л. Голлербаха: «Это словесный аналог быстрых набросков, беглых зарисовок – любимого Голлербахом художественного жанра, о котором он говорит так: “Возьму да и схвачу временное, преходящее, гротескное, не монументальное». Эти наблюдения имеют отношение не только собственно к творческому акту, но – прежде всего – «к самой теме искусства, его смысла, его тайны» (Иванова, 2005, с. 143).

В статье Вериной У.Ю. «Сквозь жанры: книга художника, арт-объект и экфрасис Людины Ру / Людмилы Русовой “Насквозь/THROUGH” (1999)» показано, почему отдельные работы художницы, помещенные в книгу ее стихов, «заиграли новыми красками» (Верина, 2020, с. 204). Они стали восприниматься иначе, более полно и объемно. А книга стихов рассматривается как самостоятельный арт-объект.

Житенев А.А. в работе «Феномен “нового самиздата” и “книга художника” в творческой практике Василия Бородина» доказывает, что для «Василия Бородина “книга художника” является наиболее аутентичной формой синтетического творческого самораскрытия. Рукодельность нетиражной книги отсылает к переживанию творческого акта как полноты бытия и становится средством ее запечатления». (Житенев, 2020, с. 243)

Книга художника в ее визуальной составляющей ранее исследовалась на материале книг русских футуристов. Однако есть написанные художниками книги, не представляющие собой арт-объекты, это могут быть воспоминания, дневники, заметки. Есть ли какие-то характерные «художнические» черты поэтики в таких, традиционно-литературных жанрах? Не предполагая полного ответа на этот вопрос, мы обратимся к конкретному примеру – очерку К. Коровина «Испания».

На рубеже XIX–XX вв. происходило резкое обновление всей художественной практики. Новые веяния на рубеже столетий выразили в своем творчестве В. Серов, И. Левитан, М. Нестеров, М. Врубель, художники «Мира искусства» и многие другие. Они оставили после себя воспоминания, которые интересны не только как свидетельства эпохи, но и как особый феномен прозы художника. Данными обстоятельствами определяется актуальность темы нашей статьи.

Основная часть

Одним из замечательных художников-новаторов рубежа XIX–XX вв. был Константин Коровин, в свои зрелые годы, будучи уже «русским парижанином», написавший интересные мемуары и рассказы автобиографического характера. Началом литературной карьеры Коровина принято считать 1929 год. Художнику в это время исполняется 68 лет.

Коровин писал до самой смерти в 1939 году. Он оставил довольно богатое литературное наследие, к сожалению, еще не ставшее предметом специального изучения.

Об очерке «Испания»

Мы обратились к очерку «Испания» (1929) с тем, чтобы попытаться обнаружить какие-то характерные черты поэтики, говорящие о том, что это именно проза художника.

В очерке «Испания» К. Коровин рассказывает о своей первой заграничной поездке в 1888 г. и о том, как он работал над картиной «На балконе. Испанки Леонора и Ампара» и эскизами декораций к опере «Кармен» в первой частной опере Саввы Мамонтова. Поездка, таким образом, была связана именно с деятельностью Коровина как художника и театрального декоратора.

«В Москве Савва Иванович Мамонтов затеял ставить “Кармен” Бизе. И вот я уговорил его: поеду в Испанию и напишу с натуры эскизы для “Кармен”. Мамонтов согласился.

– Поезжайте, – говорит, – вы правы... Что вам? Двадцать три года» (Коровин, 1990, с. 325).

На Всемирной парижской выставке 1900 года Коровин получил золотую медаль за картину «Испанки». Леон Бенедит, директор Люксембургского музея в Париже, писал тогда, что картина «поражает своей тонкостью, она прелестна по своим скромным и мягким тонам и обличает живую и остроумную наблюдательность художника» (Коровин, 1990, с. 505).

Девушек, с которых писалась картина, привел швейцар гостиницы в Валенсии. Коровин-писатель скупно описывает внешность девушек: отмечено только несколько деталей: «брюнетка», «не такая жгучая брюнетка» (Коровин, 1990, с. 329). Упомянута одежда девушек, характерно испанская: «Одна – Ампара – была в черной длинной мантилье с капюшоном; наряд другой – Леоноры – не такой жгучей брюнетки, был победнее: узкий корсаж и широкая черная юбка» (Коровин, 1990, с. 329). Эти детали внешнего облика натурщиц запечатлены на картине «Испанки», поскольку представлялись художнику именно «испанскими», характерно-национальными.

Но в очерке раскрывается не обобщенно-испанский образ женщин, а их индивидуальные черты. Коровин большое внимание уделяет характерам девушек, их манере держаться, дружескому стилю их общения. По мере того, как шла работа над картиной, Ампара и Леонора преодолевали застенчивость, их поведение становилось более

свободным: «После обеда, за которым было весело, Ампара и Леонора тоже пели и танцевали» (Коровин, 1990, с. 333).

В финале очерка Ампара, Леонора и Константин расстаются, как хорошие друзья. Константин выходит из гостиницы, чтобы ехать на вокзал, и тут «появились Ампара и Леонора. В руках у них были большие пучки срезанных зеленых веток, усыпанных мандаринами. Они отдали их мне в дорогу» (Коровин, 1990, с. 333).

Эта предметная деталь (мандариновые ветви) воспринимается в финале очерка как некая испанская народная примета, обычай напутствовать в дорогу. Эта деталь имеет мифологический подтекст. По одной из легенд о подвигах Геракла мандарины – «яблоки Гесперид», драгоценные плоды, дающие человеку здоровье и силу, – выращивались в саду дочерей титана Атланта и нимфы Геспериды. Они жили в саду, где росла «яблоня», приносящая золотые плоды (Мифы народов мира, 1991, с. 279-280). В истории о подвиге Геракла сообщается, что герою пришлось узнать путь в неведомую страну. Точно так же и поездка в Испанию стала первым заграничным путешествием для Коровина.

Такие мифологические параллели бытовой сцены прощания с испанками придают всему финальному эпизоду очерка какой-то таинственный и многозначительный ореол. Эта деталь – плоды мандаринов – открывает и завершает рассказ о пребывании в Валенсии, где писалась картина «Испанки», определяя кольцевой характер композиции и как бы замыкая «картину» в раму.

На прощание Константин подарил Ампаре и Леоноре большие шелковые китайские платки с узорами. Обилие света, яркая цветовая гамма сменяет черную мантилью и черную юбку, отмеченные на девушках в первую встречу. Картина удалась художнику, работая над ней, он нашел новых друзей, а Испания открылась ему как волшебный сад с дивными плодами.

Общий фон картины довольно темный, и в этом видится особое кулисное построение пространства. Создается впечатление театральной кулисы на заднем плане. И сами фигуры девушек довольно темные (шаль, мантилья, черные волосы, брови, глаза девушек). Но сквозь жалюзи пробивается яркий солнечный свет, он контрастирует с темнотой комнаты, освещает лица девушек, высвечивает белый подол платья одной из них.

На переднем плане уютный пушистый ковер, освещенный светом с балкона. На нем красные цветы и зеленые листья, похожие на ветви мандаринового дерева, которые стали для Коровина символом Испании. Девушки на картине улыбаются, их позы спокойны, они дружески прижались друг к другу. Настроение живописного полотна и литературного воссоздания эпизода из ранней юности проникнуты схожими мотивами.

Очерк «Испания» писался в 1929 г. – это автобиографические воспоминания. Как всегда бывает в таких нарративных конструкциях, субъект речи двоится: это и юный Костя Коровин, и немолодой рассказчик-эмигрант. Е.И. Иванова указывает, что в мемуарах герой и повествователь «люди одной биографии, но не равного жизненного опыта. Мы отличим умудренного жизнью повествователя и... во многом наивного героя... Различать эти субъектные формы авторского сознания помогают и разные временные пласты. Чаще всего с героем связано прошлое, с повествователем – настоящее» (Иванова, 1972, с. 144).

Взгляд пожилого автора-мемуариста Коровина проникнут элегическими, светлыми и грустными, воспоминаниями о безвозвратно ушедшей счастливой, беспечной юности.

Юный Константин – это словно совершенно другой человек. Он полон сил и впитывает все, что видит, настроен на приключения: «Вышел посмотреть город. Новое, незнакомое как-то особенно очаровывает душу» (Коровин, 1990, с. 328).

Первая часть очерка выдержана в «готическом» духе. Герой очутился в совершенно другом городе вместо Валенсии и странным образом попал в мрачное подземелье: «За столбами открылась ведущая вниз лестница – несколько каменных ступеней, а там опять низкая комната со сводами. Видны были какие-то колеса, ремни с потолка, железные, старые кольца» (Коровин, 1990, с. 326).

Первое, что видит юный художник, – это «стоящий тут же большой, странной формы бронзовый подсвечник (...). Он изображал монаха – складки сутаны образовывали ножку его, а наверху поблескивала страшная мертвая голова с проваленными глазами – длинный нос, старческий, улыбающийся рот: “Вот так подсвечничек!”» (Коровин, 1990, с. 326).

Вид жуткого подсвечника и спровоцировал, скорее всего, мрачные ассоциации героя, как если бы в декорациях средневековой сцены была высвечена одна ключевая деталь. Ощущение ирреальности происходящего начинает распространяться от этого подсвечника на все остальное пространство. Предмет этот, несомненно, интересует художника, он даже делает эскиз этого артефакта.

Чуть позже перед ним предстает жуткая картина: орудия пыток, чугунная фигура «Железной Девы», чугунные башмаки, кровать с ремнями из железа, жаровня... (Коровин, 1990, с. 326-327). Возможно, описываемое подземелье лишь привиделось герою: уснул он еще в поезде, потом в помещении, куда его привел носильщик со станции, он «не раздеваясь, лег на солому...» (Коровин, 1990, с. 326) и смотрел на тени, которые колыхались от свечи по стенам. Такая двойственность описания и восприятия придает занимательность рассказу. Все описанное навеяно стереотипными представлениями об Испании.

Читатель видит обстановку, которая описывается художником – театральным декоратором. В описании часто упоминаются материалы: фигура из чугуна, чугунная фигура, «Железная Дева», чугунные башмаки, слиток свинца, железная кровать с ремнями из железа. Так подчеркивается возникающее ощущение тяжести, жесткости – жестокости описанного пыточного застенка.

Помимо железа упоминаются дерево и камень, что придает фактурность описанию помещения. Читатель может почти тактильно ощутить описываемые предметы: «Вокруг колыхались тени столбов, поддерживающих своды. В углу темнели разбитые старые деревянные фигуры святых и большой черный деревянный крест (...) Спустившись по лестнице, я увидел сбоку старый, темный, деревянный стол; за ним деревянное кресло» (Коровин, 1990, с. 326-327).

Следующий эпизод – приключение ночью в таверне – также подан в полуфантастической тональности, словно реализуя «испанские» клише: коварные красавицы, танец с кастаньетами, опасное вино мазанилья, погружение в сон: «Я так устал, что заснул мертвым сном» (Коровин, 1990, с. 328).

Уже в Валенсии юный художник посещает загородный ресторан, где поют цыгане, ведь ему нужно выбрать наиболее яркие декорации для оперы «Кармен». Именно в Валенсии происходит преобразование героя. Внешне он становится все больше похож на

Дон Жуана, щедрого, веселого обольстителя. Даже облачившись в одежду по местной моде, герой явно отличается от коренных жителей: «Прохожие с любопытством смотрели на меня. На мне было пальто, по-московски. Я подумал: “Надо купить плащ”» (Коровин, 1990, с. 328). Однако есть нечто, выдающее в нем иностранца, и это не ускользает от взглядов местных жителей: «И надев плащ, я пошел домой в гостиницу, но прохожие так же смотрели на меня» (Коровин, 1990, с. 329). Сменив внешнее облачение, Коровин остается чужим в этой стране.

А вот как описан настоящий испанец, Дон-Жуан: «красавец высокого роста, с тонким бледным лицом, одетый в шелковый черный плащ. На фоне колючих кактусов, освещенных кованым из железа фонарем, он был очень красив...» (Коровин, 1990, с. 333). Художник сразу заметил все важные детали образа. Он не ошибся, оказалось, что и имя этого незнакомца Дон-Жуан. Важно отметить, что подлинность персонажа подчеркивается сценическими элементами: светом, декорациями. Вместе с тем картина представляет собой набор культурно-художественных «знаков» Испании.

Все перечисленные приключения даны в зоне сознания (а также сна, фантазии) юного беспечного художника. Второе сознание – пожилого человека-эмигранта – повествует обо всем этом с оттенком легкой иронии, впрочем, любуясь жизнерадостностью своего «героя».

В зоне сознания вспоминающего на первый план выходит тема родины. Едва герой приехал в Валенсию, где всё так замечательно, он начинает испытывать ностальгию: «Я разобрал свои вещи, достал холсты, краски. В завешенное окно с балконом солнце проникало сквозь деревянные висячие жалюзи. Я думал: “Как далеко я от России!..”» (Коровин, 1990, с. 328). Даже полицейский участок и тот похож на российский: «Пахнет московским участком, и полицейский – того же облика. До чего похоже!..» (Коровин, 1990, с. 326). Впрочем, герой мог и заблуждаться. Так, в Валенсии, рассказывает он, «какой-то человек в толпе остановил меня и долго и многозначительно жал мне руку... “Не русский ли, – подумал я. – Похоже”». На самом деле из-за шляпы прохожий принял его за матадора. В сцене в таверне девушка танцует и поет, а выпившему мазанильи герою думается: «А ведь это мотив глинковской „Арагонской хоты“» (Коровин, 1990, с. 327).

Но и сам мемуарист допускает ошибки. Комментаторы воспоминаний Коровина И.С. Зильберштейн и В.А. Самков указывают на некоторую путаницу с датами: «Премьера “Кармен” в Частной опере состоялась 22 декабря 1885 года. Указание Коровина на то, что поездка в Испанию связывалась с предстоящей постановкой “Кармен”, ошибочно, так как посещение им Испании относится к 1888 году» (Коровин, 1990, с. 570). Так что вполне возможно, что на воспоминания о поездке в Испанию у Коровина наложились впечатления от оперного спектакля «Кармен», к которому он создавал костюмы и декорации.

Автор вспоминающий и юный герой этих воспоминаний предельно близки, поэтому весь очерк проникнут единой светлой и лиричной атмосферой – как всякий рассказ о прошедшей юности. За описанием Испании постоянно встает образ России, из которой молодой герой уехал лишь на непродолжительное время и в которую пожилому мемуаристу не суждено уже вернуться никогда.

Финал очерка открытый. Сама форма исповеди (и мемуаров) не может быть завершена изнутри сознания героя, поскольку «мы вживаемся в него, это завершающее его целое принципиально не может быть дано, им он не может жить и руководиться в своих переживаниях и действиях, оно нисходит на него – как дар – из иного активного сознания – творческого сознания автора. Сознание автора есть сознание сознания, то есть объемлющее сознание героя и его мир сознание, объемлющее и завершающее это сознание героя моментами, принципиально трансгредиентными ему самому, которые, будучи имманентными, сделали бы фальшивым это сознание» (Бахтин, 1986, с. 24).

Подводя итоги, отметим выявленные в очерке «Испанки» черты прозы художника. Вспоминается эпизод из юности, связанный именно с профессиональной деятельностью художника и театрального декоратора; в центре – история написания картины «Испанки»; взгляд художника отмечает характерные детали пейзажа, обычаев, нарядов и особенностей внешности испанцев. В совокупности эти детали создают необходимый «испанский» колорит.

Вместе с тем, характерное для юности любопытство к новой стране, жажда «приключений» и ярких впечатлений, ориентация на некоторые стереотипные представления об Испании, щедрость и доброжелательность рисуют психологический портрет

самого Коровина-юноши. А голос немолодого мемуариста, вспоминающего свою юность, первый успех в художественной жизни Парижа, вносит нотки элегической грусти и мягкой самоиронии.

Таким образом, очерк не развивает целостный и законченный нарратив, а соединяет несколько фрагментов-эскизов (ночлег в подземелье монастыря, встреча с натурщицами, посещение загородного ресторана с друзьями-художниками). На первом плане оказывается событие рассказывания, как и полагается в искусстве слова, но точка зрения, ракурс описательного восприятия реальности у рассказывающего – характерны именно для художника, живописца и декоратора.

Список использованной литературы

1. БАРКОВСКАЯ, Н. 2016. Поколение застоя. In: *Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2016, Т.18. ном.4 (157). с.139-153.
2. БАХТИН, М. 1975. Слово в романе. Автор и герой в эстетической деятельности. [online]. 1975, [цит. 20.03.2021]. Режим доступа: <<http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/1.html>>
3. БАХТИН, М. 1986. *Эстетика словесного творчества*. 2-е издание. Москва: Искусство. 1986. 445 с.
4. «Вакансия поэта»-2: материалы двух конференций / Под ред. А. А. Житенева и М. В. Павловца. Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2020. 456 с.
5. ВЕРИНА, У. 1999. *Сквозь жанры: Книга художника, арт-объект и экфрасис Людины Ру / Людмилы Русовой «Насквозь / Through» (1999) / У. Ю. Верина*. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 204-217.
6. ВЛАСОВА, Р. *Константин Коровин. Жизнь и творчество* [online]. 1969, [цит.03.01.21]. Режим доступа: <<http://kkorovin.ru/vlasova.php>>
7. ГУСАРОВА, А. 1990. *Константин Коровин: Путь художника. Художник и время/Авт.-сост. А.П. Гусарова*. М.: Советский художник, Москва. 1990. 240 с. ISBN 5-269-00058-X
8. ЖИТЕНЕВ, А. 2020. «Книга поэта» как «Книга художника»: «Imago» Д. Дмитриева / А. А. Житенев. – Текст: непосредственный //Филологический класс. 2020, Т. 25, № 2. С. 192–203

9. Константин Коровин вспоминает... / Сост., авт. вступ. ст. [с. 3-20] и коммент. И. С. Зильберштейн, В. А. Самков. [2-е изд., доп.]. Москва: Изобразит. искусство, 1990. 606 с. ISBN 5-85200-118-X
10. Константин Коровин. *Живопись. Театр: К 150-летию со дня рождения* / Гос. Третьяковская галерея. М., 2019. С. 400. ISBN 978-5-4350-134-1
11. ИВАНОВА, Е. 1972. Повествователь и автобиографический герой в "Траве забвения" В. Катаева. In: *Известия Воронежского государственн. пед. ин-та*. 1972, Т.125, с. 142-159.
12. ИВАНОВА, С. 2005. Проза художника. In: *Новый мир*. [online]. 2005, режим доступа [цит.03.01.21]. Режим доступа https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2005/2/proza-hudozhnika.html
13. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т.1 : А-К / главный редактор С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1991. 279-280 с.
14. ПОНОМАРЕВА, Е. *Владимир Любаров: книги художника* / Е. В. Пономарева // Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук: материалы 67-й науч. конф. / отв. за вып. С. Д. Ваулин ; Юж.-Урал. гос. ун-т. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. С. 453-459.

III. Lingvistická sekcia

NIEKOĽKO POZNÁMOK K POJMU PRAMEŇ (ZDROJ) FRAZEOLOGICKÝCH JEDNOTIEK

Mgr. Martina Berezná

Inštitút rusistiky, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove,
martina.berezna@smail.unipo.sk

Abstrakt

Словарный запас языка постоянно пополняется, в связи с чем лексический строй языка динамично обновляется. Некоторые новые слова и словосочетания через некоторое время попадают в пассивный словарный запас, а некоторые продолжают свою жизнь в составе фразеологических единиц (далее ФЕ). Как доказательство этого процесса выделяется и устаревшая лексика (архаизмы и историзмы). Наиболее часто этот вид лексики находим во ФЕ, которые связаны с трудом, ремеслами, с природой, суеверием, культурой и под. Речь идет о физическом труде в поле, в лесу, о разведении скота, о ремеслах, веровании, суеверии и т.д. Возникновение ФЕ является процессом длительным и медленным, а вопрос их этимологии часто является спорным. Данная статья посвящена поиску источников ФЕ в славянских языках, прежде всего в русском и словацком языковом и культурном пространстве.

O autorke

Mgr. Martina Berezná je absolventkou Inštitútu rusistiky PU v Prešove v odbore učiteľstvo ruského jazyka a literatúry a dejepisu. V súčasnosti pôsobí ako učiteľka ruského jazyka na ZŠ Park Angelinum v Košiciach a je externou doktorandkou na Inštitúte rusistiky PU v Prešove. Vo svojej dizertačnej práci rieši problematiku remesiel a profesií v slovanskej kultúre ako predpokladu vzniku frazeologických jednotiek a parémii.

Úvod

Frazeologické jednotky (ďalej FJ) existujú v jazyku už stáročia a často sa používajú v reči spontánne, nevedome. Určite sa každý z nás už niekedy zamyslel nad počutou alebo

prečítanou FJ, pretože nie vždy pochopil jej význam. FJ nemusia byť zrozumiteľné ani samotným nositeľom jazyka.

V prvom rade sa zamýšľame nad významom FJ, neskôr možno aj nad pôvodom FJ. Mnohé slová dnes poznáme už len ako súčasť FJ, nepoznáme ich význam. Niektorým FJ dnes už bez výkladového, frazeologického či etymologického slovníka ani nerozumieme. Je to dôkaz procesu, že sa slovná zásoba každého jazyka veľmi rýchlo obmieňa, obnovuje, mnohé slová sa dostávajú do pasívnej slovnej zásoby a dnes sú súčasťou už len FJ alebo parémií. Zároveň je to dôkaz aj toho, ako sú jazyk a spoločnosť navzájom prepojené. Práve sociologický aspekt je veľmi dôležitou súčasťou vývoja jazyka, pretože FJ odrážajú fakty zo života ľudí. Znamená to teda, že FJ sú tesne späté so životom a históriou národa a jazyka, v ktorom vznikli.

Cieľom našej práce je definovať pojem zdroj (prameň) FJ v ruskom a slovenskom jazyku. Článok prináša pohľad slovenských a ruských autorov na danú problematiku a ich názory na otázku, čo všetko môže v jazyku poslúžiť ako zdroj FJ.

Frazeologická jednotka (FJ)

Ak hovoríme o frazeológii v širokom zmysle, považujeme za FJ aj také jednotky akými sú príslovia, porekadlá, aforizmy a pod. Ju. A. Gvozdariov odlišuje FJ od prísloví a porekadiel tým, že príslovia a porekadlá majú vetný charakter a na rozdiel od FJ vyjadrujú istú mienku, úsudok. My svoju pozornosť upriamime na frazeológiu v užšom zmysle. Slovenskí autori pod pojmom FJ uvádzajú „špecifický typ ustáleného slovného spojenia vyznačujúci sa expresívnosťou a obraznosťou, ktorého zložky sa úplne alebo čiastočne desémantizovali“. (Mlacek – Ďurčo, 1995, online) Jednotlivé komponenty FJ sa nedajú vždy obmieňať synonymami, často sa nemôže meniť poradie týchto komponentov, preto sú to ustálené slovné spojenia. Avšak FJ môžu mať rôzne varianty v závislosti od toho, kde sa používali. FJ takto komplexne tvoria celok, ktorý má svoj význam, bez ktorého by bola konkrétna FJ nezrozumiteľná. Je dôležité mať na pamäti, že FJ nám ponúka obrazné pomenovanie, preto je nepostačujúce poznať len jej význam, ale aj to, kedy sa môže použiť a aké má štylistické zafarbenie.

U slovenského autora J. Mlaceka nachádzame nasledujúcu definíciu FJ: „Frazeologická jednotka (frazeologizmus) je ustálené slovné spojenie, ktoré sa vyznačuje obraznosťou a nerozložiteľnosťou svojho významu, ako aj expresívnosťou.“ (Mlacek, 1984, s. 46)

Ruský lingvista N. M. Šanskij definuje FJ ako „významonosnú jednotku jazyka, ktorá sa skladá z dvoch alebo viacerých komponentov slovného charakteru s uceleným významom a štruktúrou“ (Šanskij, 1987, s. 64). FJ sa nevytvárajú v procese komunikácie ale používajú sa už ako hotové celostné jazykové jednotky, v jazyku vystupujú vždy ako jeden celok, nemôžeme ich rozdeliť na časti podľa jednotlivých komponentov, inak by stratili svoj význam. Poradie komponentov vo FJ nie je možné meniť, pretože len tak majú svoj význam, avšak, ak je jedným z komponentov FJ sloveso, môžeme meniť jeho polohu vo FJ, napr. *biť bakluši – bakluši biť* – *бить баклуши*¹ – *баклуши бить* – ‘poflakovať sa’. Význam tejto FJ sa zachová.

V Encyklopédii jazykovedy, ktorú zostavil kolektív slovenských jazykovedcov sa FJ, inak pomenovaná aj frazéma, frazeologizmus definuje ako „jazyková jednotka, ktorá vzniká významovým prehodnotením a ustálením voľného slovného spojenia (napr. klepnúť niekomu kladivkom po prste, po prstoch – *klepnúť niekomu po prstoch*), prehodnotením ustáleného nefrazeologického výrazu (termín *bod mrazu – bod mrazu*, napr. v rokovaniach), alebo odvodením od existujúcich frazém: Tichá voda brehy myje – *tichá voda* – ‘o nenápadnom ale činnom človeku’. Frazéma je teda odvodená, druhotná jazyková jednotka“ (Mistrík, 1993, s. 147-148). FJ sa od slov odlišujú tým, že pozostávajú z dvoch a viacerých komponentov, pričom aspoň jeden má frazeologicky viazaný význam.

Súčasná frazeologická teória (slovenská aj ruská) vymedzuje spolu nasledujúce znaky FJ, ktoré ju oddeľujú od iných jazykových jednotiek: ustálenosť, sémantická transformácia (prenesenie významu – význam FJ sa neskladá z významu jednotlivých komponentov FJ. Vzniknutá FJ nadobúda nový, osobitný, prenesený význam.), expresívnosť, obraznosť, významová nerozložiteľnosť, emocionálnosť, doslovná nepreložiteľnosť, reprodukovanosť a pod. Pre FJ je typická tiež tzv. nepriepustnosť. Znamená to, že do štruktúry FJ obyčajne nesmieme vkladať ďalšie komponenty, inak by FJ stratila svoj význam, napr. *dělo v šlape – дело в шляпе – ruka je v rukáve* – ‘všetko dopadlo úspešne’; *slojja gólovu – сломя головы – hlava nehlava* – ‘veľmi rýchlo, bezhlavo’. Z tohto môžeme vyvodiť, že jedným z príznakov FJ je jej stálosť, nemennosť. Zmena niektorého z komponentov FJ môže byť chápaná ako frazeologický neologizmus.

---

¹ V minulosti bol riad vyrábaný z dreva, preto bolo potrebné rúbať drevo na štiepky, ktoré sa nazývali *баклуши*. Prenesenie významu poukazuje na to, že to nebola namáhavá a zložitá práca.

Slovenskí frazeológovia, podobne ako aj ruskí, delia FJ na frazeologické zrasty (idiómy), frazeologické celky a frazeologické spojenia. V slovenskej frazeológii sa FJ ďalej delia podľa konštrukčného hľadiska na frázy (sem patria aj príslovia a porekadlá), frazeologické zvraty (FJ slovesnej povahy), frazeologické výrazy (úslovía) a minimálne FJ (tvorí ich jedno plnovýznamové a jedno neplnovýznamové slovo). Literatúra uvádza aj ďalšie kritéria delenia FJ, no my však nebudeme podrobnejšie rozoberať túto problematiku, pretože táto téma nie je nosnou témou nášho príspevku.

Zdroje (pramene) FJ

Pojmom *zdroj* a *prameň* v ruštine zodpovedá viacvýznamové slovo *истóчник* (*источник*). Vo výkladových slovníkoch S. I. Ožegova (2016) a V. I. Daľa (2001) je podobne sformulovaný význam pojmu *истóчник* – 'to, čo dáva niečomu začiatok, odkiaľ niečo pochádza, akýkoľvek začiatok alebo založenie, koreň, príčina, pôvod, východiskový bod; rezerva alebo sila, z ktorej sa niečo rodí'.

Schopnosť používať FJ v reči správne závisí od poznania ich významu. Predstavy o okolí, tom svete, náboženské názory a obrady, historické udalosti a osobnosti, pracovné činnosti, národné obrady, každodenný život našich predkov a pod. mohli poslúžiť ako zdroj FJ, ktoré sa používajú aj v súčasnosti bez toho, aby sme poznali ich históriu a pôvod.

Po preštudovaní prác významných ruských a slovenských lingvistov Ju.A. Gvozdariova, N.M. Šanského, V.M. Mokiienka, J. Mlaceka, D. Antoňákovej a ďalších sme zistili, že zdrojev FJ je mnoho. Väčšina týchto frazeológov sa zhoduje, že FJ zachytávajú život človeka v jednotlivých historických obdobiach, nachádzame v nich viaceré typické črty pre konkrétne obdobia rozvoja spoločnosti. Dôkazom toho sú nie len jazykové, ale aj mimojazykové faktory, ktoré môžu poslúžiť ako zdroje FJ – tradície, obrady, každodenný život, náboženstvo, remeslá, pracovné činnosti, historické udalosti a pod. – pracovná aj duchovná oblasť života ľudí.

Doc. Antoňáková sa vo svojej práci *Фразеологические единицы русского языка, связанные с народными обычаями и обрядами* prikláňa k dvom zdrojom FJ: 1) počiatočný jazykový materiál a 2) nejazykové fakty (Antoňáková, 2006, s. 12) (k tejto kategórii zaradujeme už spomínané fakty zo života národa, teda rôzne obyčaje, obrady, tradície, každodenný život, historické udalosti a pod. Práve tieto extralingvistické faktory sú bohatým prameňom FJ. Iní autori k nim zaradujú životné skúsenosti, udalosti z obdobia antiky a pridávajú ďalší, jazykový faktor

– časti zákonov, slová zo Svätého Písma, zahraničnú literatúru, citáty známych ľudí, reč literárnych hrdinov, folklór, dialekty a pod., ktorý môže byť tiež zdrojom FJ.)

Uvádzame niektoré zdroje FJ:

- a) každodenný život a skúsenosti ľudu. Obraznosť sa zakladá na pozorovaní javov zo všedného života, napr. *robiť od svitu do mrku* – ‘pracovať, robiť niečo od rána do večera’, *na staré kosti* – ‘v staršom veku’, *vozit’ drevo do hory* – ‘robiť niečo zbytočne; ležať na peči (*лежать на печи*) – ‘poflakovať sa, nič nerobiť’; *sidieť složá rúki* (*сидеть сложа руки*) – *sedieť so založenými rukami* – ‘nič nerobiť’;
- b) rôzne remeslá, práca a výrobná činnosť ľudí: *sú na jednom brde² tkaní* – ‘sú rovnakí’; *prišit’ niekomu niečo za golier* – ‘zvaliť na niekoho vinu za niečo’. Reč remeselníkov je bohatým zdrojom ruských FJ. Takmer každé remeslo na Rusi zanechalo po sebe stopu v ruskej frazeológii. Napríklad *točiť lasy* (*точить лясы³* – *mlátiť prázdnu slamu* – ‘klebetiť, rozprávať o ničom’ (z reči stolárov); *razdelát’ pod orech* (*разделат’ под орех*) – ‘silno hrešiť, kritizovať (niekoho), nadávať (niekomu)’ (z reči umeleckých stolárov)⁴; *ťortyj kalač* (*тортый калач⁵*) – ‘skúsený, ostrieľaný človek’ (z reči pekárov);
- c) hovorová reč, dialekty, príslovia a porekadlá: *golová dyriavaja* (*голова дырявая*) – *hlava deravá* – ‘o roztržitom, zabúdajúcom človeku’; *raditsja v soróčke* (*родиться в сорочке*) – *narodiť sa v čepčeku* – ‘o človeku, ktorý je úspešný, darí sa mu’; *Starogo vorobja na mykine ne provedeš* – *stáryj voroběj* (*старый воробей*) – ‘skúsený, ostrieľaný, zbehlý človek’;
- d) antické mýty – poznáme mnoho starogréckych a starorímskych príbehov, ktoré sa postupom času stali zdrojmi FJ. Takéto FJ nachádzame v slovenskom aj v ruskom jazyku: *Achillesova piata* (*ахиллесова пята*) – *Achillova päta* – ‘najzraniteľnejšie miesto u človeka’; *Damoklov meč* (*Дамоклов меч*) – *Damoklov meč* – ‘hrozba,

---

² **brdo** – súčasť krosien (stroj na výrobu tkaním)

³ **лясы** (балясы) sú vyrezávané točené alebo vzorované stĺpiky na drevenom zábradlí v tvare postáv alebo zvierat, ktoré kedysi dokázali vyrobiť len skutoční majstri, ktorí sa popri svojej práci rozprávali, vtípkovali, spievali si a pod. V ruských dialektoch je toto slovo rozšírené s významom 'prázdne rozhovory, klebety'.

⁴ Pôvodný význam tejto FJ bol ‘urobiť niečo veľmi dobre, precízne, kvalitne’. Výroba nábytku z orechového dreva si vyžadovala veľa námahy, poznatkov a zručností v tomto remesle. Súčasný význam sa pripísal danej FJ len nedávno.

⁵ FJ vznikla z názvu druhu bieleho chleba, ktorý sa vyrába z cesta mieseného veľmi dlho a precízne. Slovo *калач* sa v súčasnej ruštine vyskytuje už len zriedka, no takéto cesto sa využíva dodnes.

nebezpečenstvo'; *jábloko razdóra* (яблоко раздора) – *jablko sváru* – 'to, čo je príčinou vážnych sporov';

- e) historické udalosti, citáty významných osobností – s dejinami spoločnosti sa viažu nasledujúce FJ: *otkryť Ameriku* (открыть Америку) – *objaviť Ameriku* – 'hovoríť o niečom, čo už dávno všetci vedia'; *Potomkinskije derévni* (Потемкинские деревни) – *Potemkinove dediny* – 'klamné predstieranie úspešnej činnosti'; *tíchoj sápoj* (тихой сапой)⁶ – 'robiť niečo potichu, nenápadne';
- f) záujmové činnosti ľudí, voľný čas, šport, spoločenské hry a pod. tiež považujeme za zdroj FJ. Rôzne frázy, ktoré vznikli pri takýchto aktivitách sa neskôr v prenesenom význame začali používať v aktívnej komunikácii ľudí, napr. *raskryť svají kárty* (раскрыть свои карты) – *vyložiť karty na stôl* – 'o tajných, úmyselných plánoch, ktoré vyjdú najavo'; *plásat pod čižúju dúdku* (плясать под чужую дудку) – *tancovať ako tu pískaajú* – 'neustále sa podriaďovať (niekomu), robiť to, čo povie iný'; *udár nižé rójasa* (удар ниже пояса) – *úder pod pás* – 'nečestné konanie, podraz';
- g) moderná veda, technika, stroje, výrobné odvetvia sú zdrojom nasledujúcich FJ: *otodvínut na zádnej plan* (отодвинуть на задний план) – *odsunúť na vedľajšiu kolaj* – 'odložiť (nejakú činnosť) na neskôr'; *na plný plyn* (v ruskom jazyku existuje viacero variantov tejto FJ) – *na plnú/vсю катуšku* – *na plnú mocnosť* – 'zo všetkých síl, najsilnejšie, najviac'.

Okrem uvedených poznáme aj ďalšie zdroje FJ:

- a) texty Svätého Písma, biblické texty a kresťanské pramene sa v súčasnosti často vyskytujú v jazyku v prenesenom význame, a teda vo forme FJ: *sol' zemli* (соль земли) – *sol' zeme* – 'o najlepších, najtalentovanejších, najužitočnejších pre spoločnosť ľudí'; *Sodóm i Gomóra* (Содом и Гоморра) – *Sodoma a Gomora* – 'nedisciplinovanosť, chaos, zmätok, hluk'; *vavilonskoje stolpotvorenije* (вавилонское столпотворение) – 'neporiadok, chaos, zmätok'; *bludnyj syn* (блудный сын) – *stratený syn* – 'o človeku, ktorý opustil nejaké spoločenstvo, kolektív, zvyklosti atď.

---

⁶ *сапой* – v etymologickom slovníku môžeme nájsť a preložiť toto slovo ako 'zákop', tie sa stavali počas dobývania pevností a vojaci ich museli vytvárať potichu a nenápadne. Do takýchto zákopov sa sypal prach a po výbuchu sa cez zbúranú stenu dostali útočníci, ktorí chceli dobyť pevnosť

kvôli hľadaniu nových, iných zážitkov, nového prostredia a pod., a ktorý sa nakoniec vracia domov k bývalému životu’;

- b) literárne texty sú zdrojom okrídlených výrazov, ktoré môžu prerásť do kategórie FJ. Z toho vyplýva, že autormi FJ môžu byť aj samotní básnici, spisovatelia. Tieto FJ môžu v sebe niesť istú vlastnosť, opis, charakter človeka: *Ivanuška-duračok* (*Иванушка-дурачок*) – ‘o veľmi hlúpom, nechápavom, dôverčivom človeku’; *Vasilisa Premudraja* (*Василиса Премудрая*) – ‘o múdrej, rozvážnej, rozumnej žene, dievčine’; *statky-zmätky* (J.G. Tajovský) – ‘chaos, neporiadok’; *medvežja služba* (*медвежья услуга*) (I.A. Krylov) – *medvedia služba* – ‘o službe, ktorá viac škodí ako prospieva’; *byť ili ne byť* (*быть или не быть*) – Byť či nebyť (W. Shakespeare) – ‘o pochybnostiach pri dôležitom rozhodovaní’.

Podľa pôvodu delíme FJ na pôvodné (v našom prípade ruské FJ) a prevzaté FJ z iných jazykov. To znamená, že zdrojom FJ je nie len ruský jazyk, ale aj cudzie jazyky.

Ruský jazyk ako zdroj FJ

Zdrojom pôvodných ruských FJ je ruská kultúra, história, tradície a pod. Vznikli priamo v ruskom alebo v staroruskom jazyku, to znamená, že ich zdrojom je ruská reč. Jednotkou váhovej miery na Rusi bol pud (*пуд* = 16,38 kg), čo sa odrazilo vo viacerých FJ. Spomenieme napr. *sjesť pud soli s kem-to* (*съесть пуд соли с кем-то*) – ‘dobré, dlho sa s niekým poznať’. Základným jedlom v ruskej kuchyni bola kaša, ktorú tiež nájdeme v nie jednej FJ: *káša vo рту* (*каша во рту*) – ‘rozprávať nezrozumiteľne’; *málo káši jel* (*мало каши ел*) – ‘o človeku, ktorý nie je schopný niečo urobiť; je malý; je slabý; nedostatočne skúsený’.

Cudzí jazyky ako zdroj FJ

Zo západoeurópskych jazykov sa dostalo do ruštiny množstvo FJ, no majú podobu ako v pôvodnom jazyku, často sú písané latinkou. V posledných rokoch sa takéto FJ z ruského jazyka stále viac vytrácajú, prípadne sa z nich stávajú kalky.

Po prijatí kresťanstva na Rusi sa v staroruskom jazyku objavilo veľa slov prevzatých zo staroslovanského jazyka. Boli to predovšetkým pojmy z Biblie a iných liturgických kníh. Tieto FJ sú už zakorenené v jazyku tak, že nepocítujeme, že sú prevzaté. Napr. sú to už spomínané

FJ *соль земли, блудный сын* a pod. Mnohé z nich obsahujú vo svojej stavbe komponenty, ktoré dnes radíme už k archaizmom či historizmom, napr. *береж как зеницу ока* (*беречь как зеницу ока*) (зеница – зрачок – zrenička, око – глаз – oko) – *страžit' ako oko v hlave* – 'starostlivo niečo strážiť, starať sa poriadne o niečo', *до скончания века* (*до окончания века*) (скончание – конец – koniec, век – жизнь – život) – 'do konca života, navždy'. Od takýchto FJ musíme oddeliť tie, ktoré vznikli neskôr na základe biblických príbehov v ruskom jazykovom prostredí, napr. už spomínaná FJ *Содом и Гоморра*.

Poznáme tiež FJ, ktorých zdrojom sú iné jazyky, no ruština ich prebrala doslovným prekladom. Takéto kalky sú prebraté najmä z anglického či francúzskeho jazyka, napr. *синий чулок* (*синий чулок*)⁷ (angl. blue stocking) – 'o pedantnej, puntičkárskej žene, bez pôvabu, pohľutej vedeckým záujmom; *иметь зуб* (*иметь зуб*) (fr. avoir une dent) – mať niekoho v zuboch – 'byť nevraživý'.

Frazeologický polokalk je typ FJ, ktorej zdrojom je opäť cudzí jazyk, no jedna jeho časť je preložená z pôvodného jazyka a druhá časť sa zachovala v pôvodnom jazyku. Napr. z francúzskeho jazyka sa do ruského jazyka dostala FJ *пробить бреш* (*пробить бреш*) (*battre en brèche* – *battre en* preložené do ruštiny slovom *пробить* a slovo *brèche* *брешь*⁸ sa prebralo z pôvodného jazyka) – 'podrývať, podkopávať, preraziť (niečo)'; *сделать сцену* (*сделать сцену*) (fr. faire une scène) – *urobiť сцену* – 'urobiť, vyvolať škandál'.

Záver

FJ sú ustálené slovné spojenia, ktoré sa po stáročia (ale aj v súčasnosti) formovali v jazykoch. Pri komunikácii sa snažíme vymieňať si informácie a dať najavo svoje emócie, hodnotenia, zážitky alebo prežívanie, čo nám uľahčujú práve FJ, pretože majú emocionálnu a hodnotiacu funkciu a často ľuďom umožňujú vyjadriť sa v zložitých situáciách, kedy "nevieme

---

⁷ Tento výraz vznikol v Anglicku v 80. rokoch 18. st. Jeho pôvod sa spája so spoločnosťou, v ktorej sa debatovalo o vede, literatúre a iných vznešenejších témach. Holandský generál Boskaven v čase svojho pobytu v Anglicku takto nazýval túto spoločnosť, keďže dušou besied bol vedec Benjamin Stillingfleet, ktorý opovrhoval módou a ku tmavým šatám nosil tmavomodré pančuchy. Iné zdroje uvádzajú, že sa v tejto spoločnosti často vyskytovala žena menom Stillingfleet, ktorú nazývali *blue stocking*, pretože sa odlišovala od ostatných žien tým, že nosila tmavomodré pančuchy

⁸ **брешь** – diera, trhlina

најст' vhodné slová". Krátkym frazeologizmom dokážeme nahradit' viacslovné vety. V reči používame FJ preto, že sú situačné, expresívne, niekedy obrazné.

Ruská frazeológia je nesmierne bohatá a rozmanitá, ponúka rôznorodé štylistické možnosti. Pri podrobnejšom štúdiu a skúmaní FJ môžeme spoznať históriu, kultúrne hodnoty a mentalitu konkrétneho národa.

Jazykovedci nachádzajú vo FJ aj rôzne obrazy či symboly, spojené s prírodou, farbami, zvieratami, kuchyňou, oblečením a pod. Takéto FJ by sme mohli rozdeliť do vyššie uvedených skupín. Náš materiál ukázal, že zdrojov FJ v jazyku je veľmi veľa. Zastávame názor, že postupom času budú vznikať nové zdroje a v jazyku sa budú objavovať nové FJ. Najbohatším zdrojom FJ je folklór, história, kultúrne a duchovné bohatstvo národa. Dôležitú úlohu pri skúmaní zdrojov FJ majú extralingvistické faktory – geografické, historické, kultúrne, a pod. Okrem týchto faktorov sú bohatým zdrojom FJ aj literatúra, ľudová slovesnosť a iné pramene, ktoré sú prítomné v každom jazyku.

Zoznam použitej literatúry

1. АНТОНЯКОВА, Д. 2006. Фразеологические единицы русского языка, связанные с народными обычаями и обрядами. Prešov: FF PU, 2006. 192 с. ISBN 80-8068-484-7.
2. ГВОЗДАРЕВ, Ю. А. 1988. Рассказы о русской фразеологии. Москва: Просвещение, 1988. 192 с. ISBN 5-09-000348-3.
3. ДАЛЬ, В. И. 2001. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва: Рипол классик, 2001. 2757 с. ISBN 5-7905-4706-0
4. МОКИЕНКО, В. М. 1986. Образы русской речи. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1986. 280 с.
5. МОКИЕНКО, В. М. et al. 2005. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Москва: Астрель, 2005. 926 с. ISBN 5-271-11199-7
6. МОЛОТКОВ, А. И., et al. 1986. Фразеологический словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1986. 544 с.
7. ОЖЕГОВ, С. И. 2016. Толковый словарь русского языка. Москва: Мир и образование, 2016. 736 с. ISBN 978-5-17-083623-9
8. РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э. – ГОЛУБ, И. Б. – ТЕЛЕНКОВА, М. А. 2016. Современный русский язык. Москва: Айрис Пресс, 2016. 448 с. ISBN 978-5-8112-6122-2

9. ШАНСКИЙ, Н. М. 1987. Современный русский язык. Часть 1 Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. Москва: Просвещение, 1987. 192 с.
10. MISTRÍK, J., et. al. 1993. Encyklopédia jazykovedy. Bratislava: Obzor, 1993. 520 s. ISBN 80-215-0250-9.
11. MLACEK, J. 1984. Slovenská frazeológia. Bratislava: SPN, 1984. 159 s.
12. PODLESNYCH, A. 2011. Ruské idiomy. Русские фразеологизмы. Brno: Computer Press, 2011. 384 s. ISBN 978-80-251-2779-7.

Internetové zdroje

1. MLACEK, J. – ĎURČO, P. et al. 1995. Frazeologická terminológia. [online]. Dostupné na internete: <https://www.juls.savba.sk/ediela/frazeologicka_terminologia/>
2. OLOŠTIAK, M. Lexikológia slovenského jazyka. Frazeológia. [online]. Dostupné na internete: <<http://olostiak.webz.cz/2prekl/P8-frazeologia.pdf>>

ANALÝZA VYUŽITÍ VYBRANÝCH RUSISMŮ V SOUČASNÉ ČEŠTINĚ

Mgr. Anna Caldrová

Ústav slavistiky, Filozofická fakulta, Masarykova univerzita v Brně, 413405@mail.muni.cz,
ORCID: 0000-0001-5444-4940

Abstrakt

Словарный запас каждого языка постоянно развивается, обогащаясь новыми словами, а старые неиспользуемые слова, наоборот, исчезают. Также чешский язык постепенно меняется под влиянием контактов с другими народами и языками. Значительное влияние на чешский язык в прошлом оказал русский, привнес в наш словарный запас новую категорию слов - так называемые русизмы. В данной статье анализируется частота избранных русизмов и способы их использования в чешском языке. Анализ основан на данных, полученных из Чешского национального корпуса, что позволяет нам получить лучшее представление о развитии их использования с течением времени.

O autorce

Autorka je absolventkou Filozofické fakulty Masarykovy univerzity oboru Překladařství ruského jazyka. V současnosti působí jako doktorandka na Ústavu slavistiky v rámci studijního programu Ruský jazyk, kde se věnuje výuce ruského jazyka pro neruštinaře. Oblastí jejího výzkumu je rusko-česká lexikální ekvivalence.

Úvod

Intenzita rusko-českých jazykových kontaktů se v závislosti na aktuálních potřebách obou národů a míře jejich vzájemných společenských, kulturních a politických styků v čase proměňovala, stejně jako se proměňovaly důvody a způsoby přejímání jazykových prvků.⁹ Ke změnám následně samozřejmě docházelo, a stále dochází, i u samotných přejímek, v tomto

---

⁹ Vývojem rusko-českých jazykových kontaktů se blíže zabývá řada autorů, např. B. Havránek, J. Filipec, M. Giger, G. A. Lilič, V. Šmilauer, J. Vlček, S. Žaža a další.

případě lexémů z ruského prostředí, tzv. rusismů. Ty se uzpůsobují potřebám mluvčích, stávají se běžnou součástí naší řeči, mění svůj význam, nebo pokud už pro ně v jazyce není využití, postupně mizí z aktivní slovní zásoby.

V rámci této studie se zabýváme analýzou změn frekvence a způsobu využití historických ruských společensko-politických lexémů, konkrétně tzv. sovětismů, v letech 1989 až 2018. Na oblast společensko-politicky orientované slovní zásoby jsme se zaměřili především proto, že u ní lze předpokládat větší tendenci ke změnám ve frekvenci a významovým posunům na základě sociálních a politických změn ve společnosti.

Zdroje a metodika

Jako zdroj textů a údajů o vybraných lexémech byl použit Český národní korpus¹⁰ (dále jen ČNK), řada SYN verze 8, který umožňuje jednoduché vyhledávání jazykových jevů napříč obdobími a žánry. Korpus SYN verze 8 zahrnuje všechny synchronní psané korpusy řady SYN¹¹, které byly zveřejněny do doby jeho vzniku, a také korpusy publicistických textů – součet jejich velikostí činí 4,5 miliardy textových slov (Cvrček, Richterová, 2019). Jelikož je předmětem analýzy období posledních třiceti let, byly i zdrojové texty se kterými pracujeme omezeny pouze na ty s datem prvního vydání v letech 1989 – 2018. Daný časový úsek jsme zvolili především proto, že v ČNK jsou texty z tohoto období dostatečně zastoupeny¹² a v rámci takto omezeného subkorpusu lze tedy provádět analýzu frekvence výskytu s menším rizikem zkreslení výsledků. Je však nutné zmínit, že korpus SYN v8 není reprezentativní a v jeho složení je zastoupena především publicistika.

Ke srovnání frekvence jednotlivých lexémů napříč analyzovaným obdobím je použita tzv. relativní frekvence vyjádřená v i.p.m. (instances per million), která vyjadřuje průměrný počet výskytů jednotky nebo slova v hypotetickém kontextu o délce 1 milion slov (Cvrček,

---

¹⁰ ČNK je akademický projekt, který vznikl na FF UK ve spolupráci s dalšími institucemi v roce 1994. Je veřejně přístupný a hojně využíván nejen odborníky, ale také studenty a veřejností. ČNK zahrnuje různé druhy korpusů – synchronní psané i mluvené, diachronní korpus i paralelní korpus.

¹¹ Jednotlivé korpusy řady SYN vznikaly v letech 2000-2015. Každý korpus obsahuje 100 milionů textových slov a převažují v něm texty z období 5 let předcházejících jeho vydání. Tyto korpusy jsou referenční a reprezentativní.

¹² Období předcházející roku 1990 má v korpusu ČNK své zastoupení, nicméně ho bohužel nelze pro účely frekvenční analýzy považovat za dostatečné. Dobové texty nevznikaly elektronicky a jsou často chráněny copyrihtem, a proto nejsou v korpusu ve větší míře zahrnuty.

Richterová, 2017). Kromě výše zmíněného časového omezení zdrojových textů byl pro dosažení větší přesnosti výsledků použit filtr „První nálezy v dokumentech“ umožňující použít i.p.m. k vyjádření počtu dokumentů obsahujících daný lexém s ohledem na celkovou velikost textů z daného roku v korpusu.

Analyzované lexémy byly vyexcerpovány ze Slovníku spisovného jazyka českého, který vycházel knižně v letech 1960 – 1971 za redakčního vedení B. Havránka a obsahuje 197 200 hesel české slovní zásoby (ujc.cas, 2020). Hlavní podmínkou zařazení lexému do analýzy bylo jeho označení jako slova ruského původu, popř. slova užívaného v ruském prostředí, a to bez ohledu na to, zda se jedná o lexém vzniklý přímo v ruštině nebo do ruštiny přejatý z jiného jazyka. Jelikož nás zajímají tendence využití sovětismů v současné češtině, byl zdrojový jazyk textů omezen na češtinu – všechny analyzované texty jsou tedy původní, nepřekladové.

Analýza výsledků

Ze souboru přibližně 40 vybraných společensko-politických lexémů bylo do této studie zařazeno k další analýze 10 lexémů. Jedná se především o lexémy obecně známé, u kterých bylo zjištěno širší zastoupení v typově různých textech, nebo byl zaznamenán zajímavý posun v jejich významu. Ostatní lexémy nebyly blíže analyzovány, jelikož vykazovaly nulový nebo zanedbatelný výskyt, popřípadě se neuplatňovaly v „nestandardním“ kontextu. Pro představu uvádíme příklad takového lexému:

Politbyro

slovníková definice	politbyro, řidč. polbyro, -a s. polit. zkratkové slovo pro politické byro
relativní frekvence	0,51
frekvence výskytu	sestupná

Příklad užití:

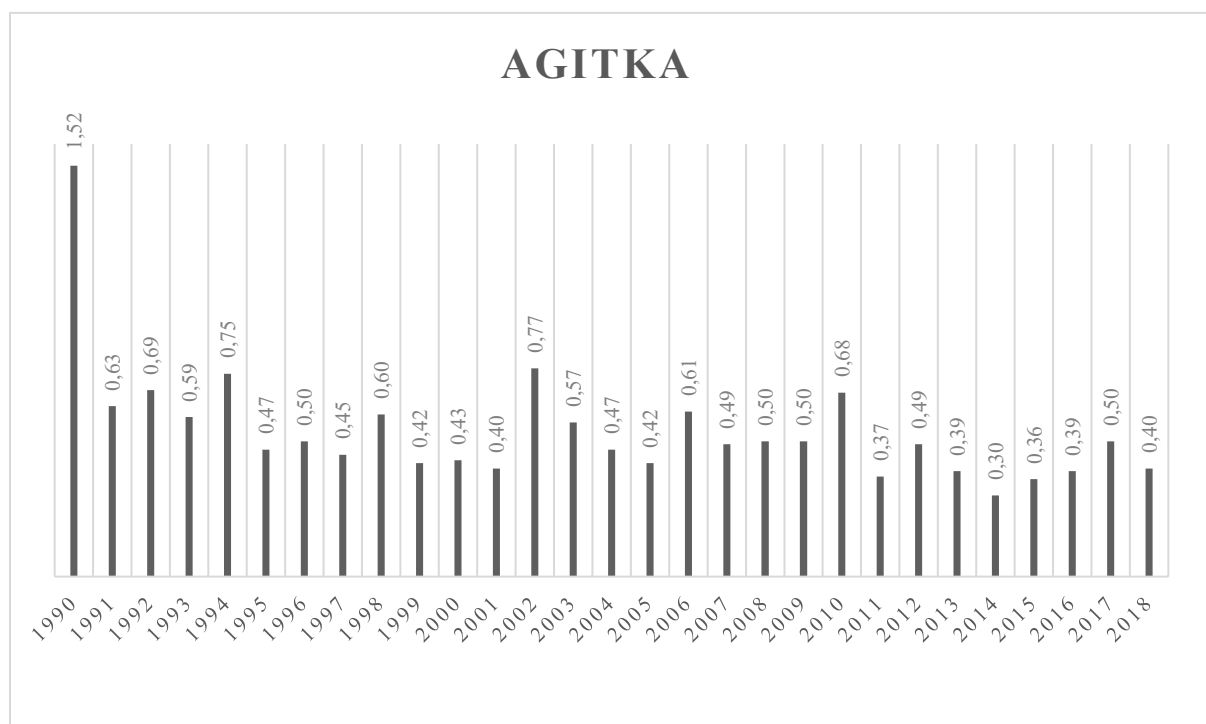
*Obvodní automotoklub Svazarmu v Praze 8 sice přišel s dobrou iniciativou, ovšem i tady je třeba, aby se jí chopila příslušná ministerstva a základem bylo usnesení **politbyra** ÚV KSČ o bezpečnosti v dopravě. (Svět motorů, 2011, č. 7/2011)*

Součástí analýzy jsou kromě údajů o relativní frekvenci a frekvenci výskytu (pokud ji lze určit) také ukázky užití lexému v konkrétních textech. Ukázky byly vybrány tak, aby bylo

zastoupeno co největší množství různých způsobů užití lexému v textu. V některých případech jsou také lexémy doplněny upřesňujícím komentářem. Lexémy jsou řazeny abecedně.

Agitka

slovníková definice	agitka, -y ž. (2. mn. -tek) agitační projev n. drobné literární dílo agitačně zaměřené
relativní frekvence	0,48
frekvence výskytu	kolísavá

Graf 1: frekvence výskytu lexému agitka

Příklady užití:

*Na barrandovském kopci se chystala filmová adaptace ve své době velmi proslulé divadelní **agitky** o nezměrném budovatelském nadšení Parta brusiče Karhana. (Cinema, 2000, č. 12/2000)*

*K tomu byly sestříhány názory asi osmi celebrit bezvýhradně podporujících vstup do NATO. Pořad byl neobjektivní a nevyvážený, jedním slovem **agitka**. (Lidové noviny, 1999, č. 65/1999)*

A „Django“ je jedním dechem akční drama, komedie i protirasistická **agitka**. Jen jaké udělal rejža z Ku Klux Klanu „slušné sráče“! (Deníky Bohemia, 2013, 7. 6. 2013)

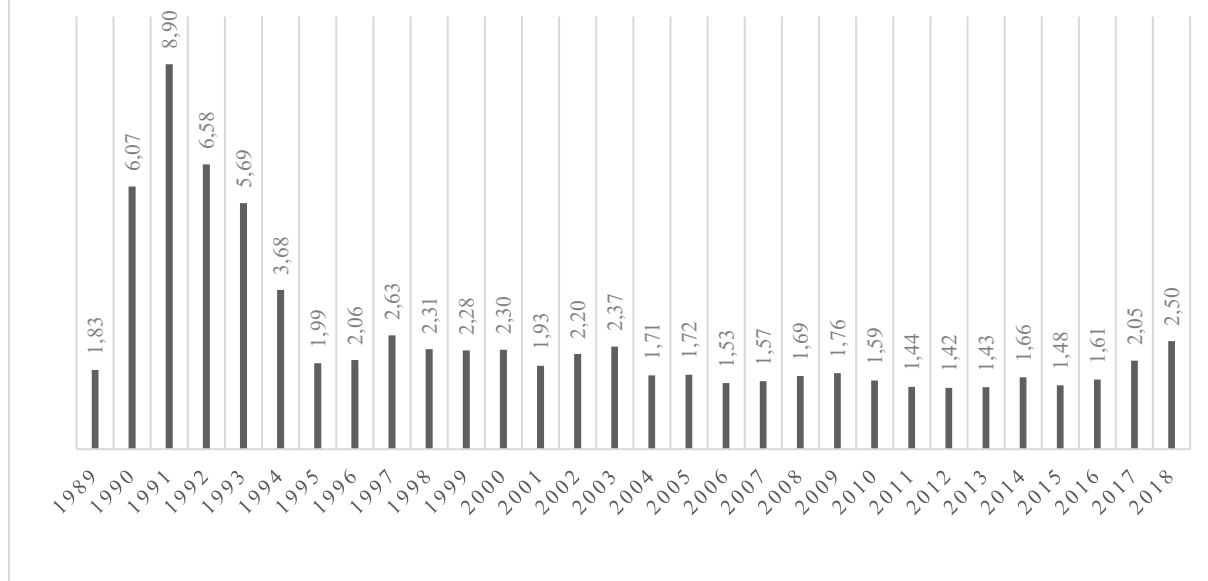
Když nechával šéf hnutí ANO Andrej Babiš psát své marketéry na sociální sítě o festivalu Colours of Ostrava, zapomněli společně zmínit jednu historku. Odehrála se ve frontě u prodejce značkové whisky, kde zmíněný politik dělal **agitku** a fotil si s lidmi selfička. (Euro, 2017, č. 30/2017)

Lexém **agitka** se v současnosti užívá pro označení vykonávání agitace, tedy přesvědčování někoho o určité myšlence, programu nebo cíli. Nejčastěji ho najdeme obecně v oblasti politických témat (např. *politická agitka*, *předvolební agitka*), a to u dobových (*budovatelská*, *bolševická*, *režimní agitka*) i velmi aktuálních témat (*antibabišovská agitka*). Vyskytuje se nicméně i v jiných kontextech, např. v oblasti kultury jako označení díla, které (často kontroverzně) prezentuje určitý názor. Velice často se pak agitka objevuje v kolokacích s negativním významem, např. *prvoplánová*, *laciná agitka*, nebo jako označení nevydařené, příliš horlivé propagace daného názoru.

Bolševik

slovníková definice	bolševik, -a m. (6. mn. -cích) stoupenec bolševismu; člen komunistické strany leninského typu; přen. hanl. nespokojenec, buřič
relativní frekvence	1,82
frekvence výskytu	sestupná

BOLŠEVIK

Graf 2: frekvence výskytu lexému bolševik

Příklady užití:

*Ona máma je herečka, i když už od té doby, co ji ničtinský **bolševici** vyhodili z divadla, nedostala žádný stálý angažmá. (DOUSKOVÁ, Irena. Oněgin byl Rusák. Brno: Druhé město, 2006. ISBN 80-7227-244-6.)*

*„Za **bolševika** jsem nikam nemoh a nejspíš jsem tak prošvih ty správný roky na toulání. Po listopadu jsem trochu jezdil, ale už pár let jsem nikde nebyl. (BARTUŠKA, Václav. Pochybnost. Praha: Torst, 1997. ISBN 80-7215-029-4.)*

*Opakovaně mě udivuje, že když někde napíšu něco o „vojensko-průmyslovém komplexu“, sesype se na mě lavina obvinění, že jsem „**bolševik**“ a že používám termíny z hodin marxismu-leninismu. (Literární noviny, 2010, č. 9/2010)*

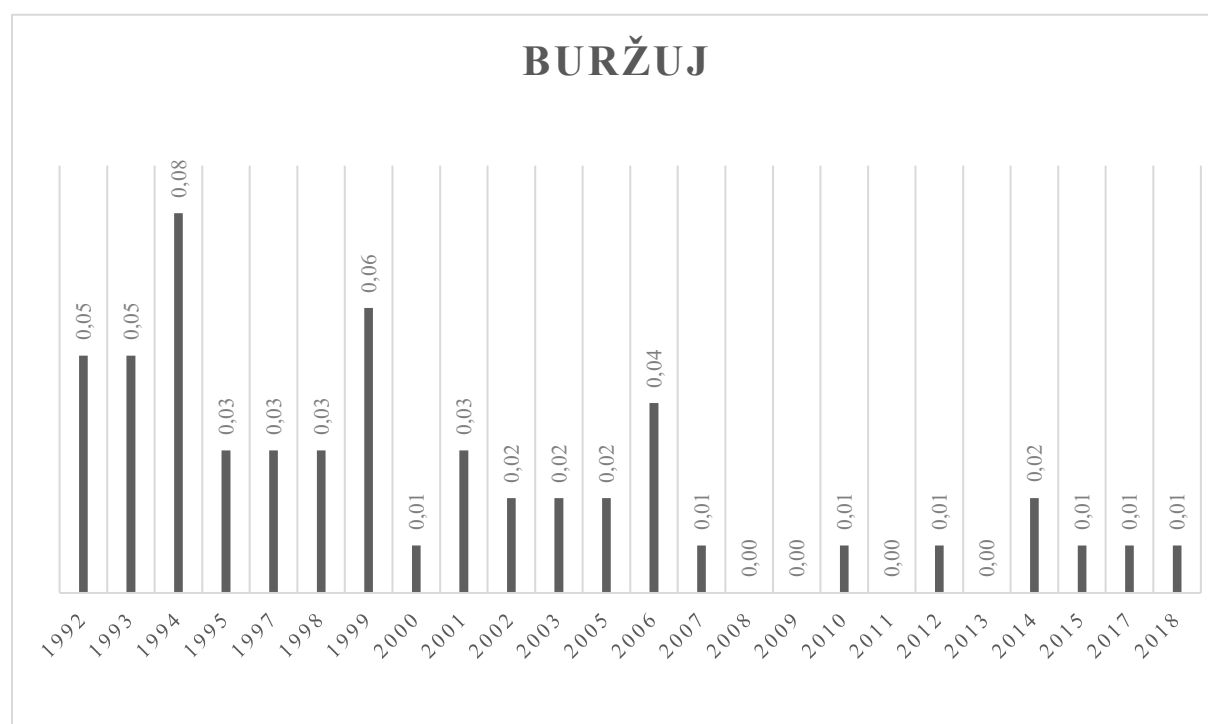
*Autoři politických projevů se někdy nezdráhají označit své protivníky různými pojmenováními, která mají ráz expresiv, např. žvanil, fňukal, plačka, držgrešle, tajtrlík, tajnůstkář, pivař, přivandrovalec, **bolševik**... (LOTKO, Edvard. Kapitoly ze současné rétoriky. 3. vyd. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2009. ISBN 978-80-244-2309-8.)*

Lexém **bolševik** můžeme i dnes samozřejmě najít v původním významu, tedy jako označení člena frakce RSDRP¹³, později obecně člena podobně smýšlející komunistické strany, především v textech popisujících nebo odkazujících na život v minulém režimu. Často se pak můžeme setkat také se slovním spojením *za bolševika*, které se vžilo jako označení celého období komunistického režimu na našem území. Jak je patrné z posledních dvou ukázek, lexém *bolševik* je jedním z těch, které se posunuly ve svém významu a jsou v současnosti používány jako hanlivé označení dnešních komunistů nebo osob zastávajících určité názory.

Buržuj

slovníková definice	buržuj, -e m. (1. mn. -ové) (buržujka, -y ž.) řidč. hanl. buržoa, měšťák
relativní frekvence	0,01
frekvence výskytu	sestupná

Graf 3: frekvence výskytu lexému buržuj

¹³ Российская социал-демократическая рабочая партия (Ruská sociálně demokratická dělnická strana).

Příklady užití:

*Nepřítelem, jímž se pohrdalo, byl měšťák, **buržuj** ve všech podobách, majetkových, literárních, zvyklostních.* (NYKLOVÁ-VESELÁ, Milena. Pravda a báseň Evy Kantůrkové. Praha: Baronet, 2006. ISBN 80-7214-935-0.)

*Kalousek se tak svíjí na zemi coby „nejčestnější muž“, Paroubek jako Grebeníčková nevěsta, **buržuj** Topolánek se dusí doutníkem...* (Mladá fronta DNES, 2006, 22.3.2006)

*A protože chytrý telefon nebo tablet může mít logicky jenom **buržuj**, připravila francouzská vláda zvláštní daň na mobilní připojení k internetu.* (Lidové noviny, 2014, 27.1.2014)

Buržuj, tedy příslušník buržoazní třídy, která byla stavěna do protipólu k proletariátu, byl v období minulého režimu synonymem pro nepřítele socialismu. Ve sdělovacích prostředcích byl tak samozřejmě uváděn pouze v negativním kontextu. Toto označení si proto zachovalo svůj negativní význam dodnes. Zajímavé pak je především to, že se v některých případech vyskytuje i zcela mimo kontext ruského či sovětského prostředí.

Děžurný

slovníková definice	děžurný, dežurný ¹⁴ , příd.: mající toho dne dozorčí službu
relativní frekvence	0
frekvence výskytu	nelze určit ¹⁵

Příklady užití:

*A v Rusku neměli nikdy nic. Dělalí jsme výměnný obchod. Když jsme hostovali v moskevském divadle MCHAT, věděla jsem, že první, co udělá moje „**děžurná**“ (pokojská služba, pozn. red.) bude rentgen mého kufří. (Instinkt, 2013, č. 20/2013)*

¹⁴V korpusu lze dohledat také tvary děžurná/dežurnaja/děžurnaja (ž.) a děžurnyj (m.).

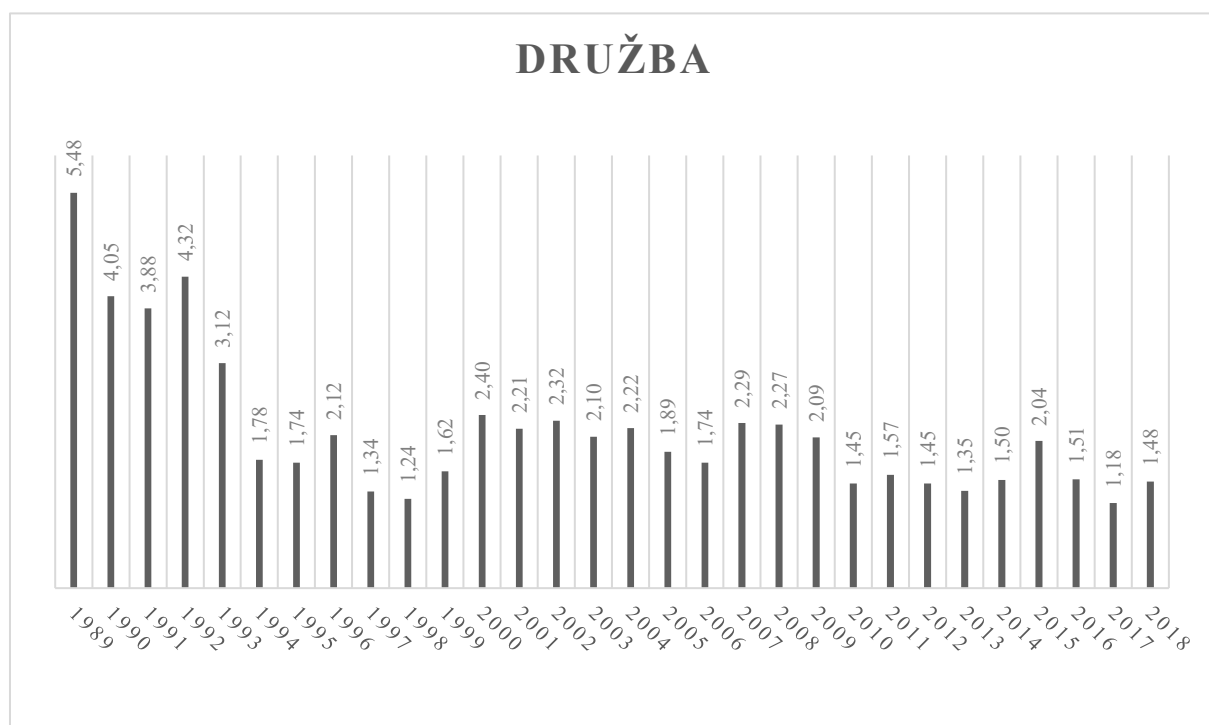
¹⁵Pokud je relativní frekvence nulová, nelze určit ani frekvenci výskytu, jelikož lexém není v pozorovaném období dostatečně zastoupen.

Včera na těch křížích stáli ruští turisté. Dívali se na nápis Dukla 1944, umístěný na boku radnice, a jejich „**děžurný**“ jim vyprávěl, že Prahu osvobodila v roce 1945 Rudá armáda. (Reflex, 2011, č. 9/2011)

Proč sype jed anglických výrazů do křišťálové studánky naší mateřštiny? Proč musí být Mytlík spíkr? Jako bychom neměli dost krásných a výstižných českých slov: například uvaděč či **děžurný** večera. (Mladá fronta DNES, 2002, 9. 11. 2002)

Družba

slovníková definice	družba, -y ž. (2. mn. -žeb) přátelské, družné styky; družnost, přátelství
relativní frekvence	1,8
frekvence výskytu	sestupná

Graf 4: frekvence výskytu lexému družba

Příklady užití:

Od 80. let, kdy začali Vietnamci do Československa v rámci socialistické **družby** přicházet, jejich komunita výrazně narostla a v současnosti jich v Česku oficiálně pracuje 58 tisíc. (Euro, 2017, č. 29/2017)

„Rádi bychom také navázali **družbu** s francouzským městem, jež by pro nás bylo adekvátním partnerem co do velikosti, oblasti i rozsahu státní správy a samosprávy,“ dodala místostarostka Dagmar Zvěřinová. (Mladá fronta DNES, 2001, 12. 12. 2001)

Jenže při sobotním hokeji o žádný test fanoušků nešlo. Ba ani o fanoušky samotné. Byla to spíše dobře načasovaná demonstrace **družby**, jaká teď kvete mezi byznysmeny obou zemí. Nelze totiž přehlédnout, že akce proběhla zrovna v době, kdy Gazprom projevil zájem o koupi třetinového podílu v České rafinérské. (Ekonom, 2011, č. 11/2011)

U lexému **družba** je třeba poznamenat, že kromě početných výskytů vlastních jmen, jako *lom Družba, ropovod Družba, hotel Družba, obchodní dům Družba, restaurace Družba, kulturní dům Družba* nebo *sídlíště Družba*, díky kterým značně stoupá frekvence užití, lze daný lexém najít především v kontextu navazování družby např. mezi okresy, městy, školami atd. Zajímavá je také skutečnost, že *družba* se poměrně často vyskytuje v satirickém kontextu při označování politických a obchodních styků s Čínou nebo Ruskem.

Fyskultura

slovníková definice	fyskultura, -y, ž.: souhrnný název pro tělesnou výchovu v SSSR
relativní frekvence	0
frekvence výskytu	nelze určit

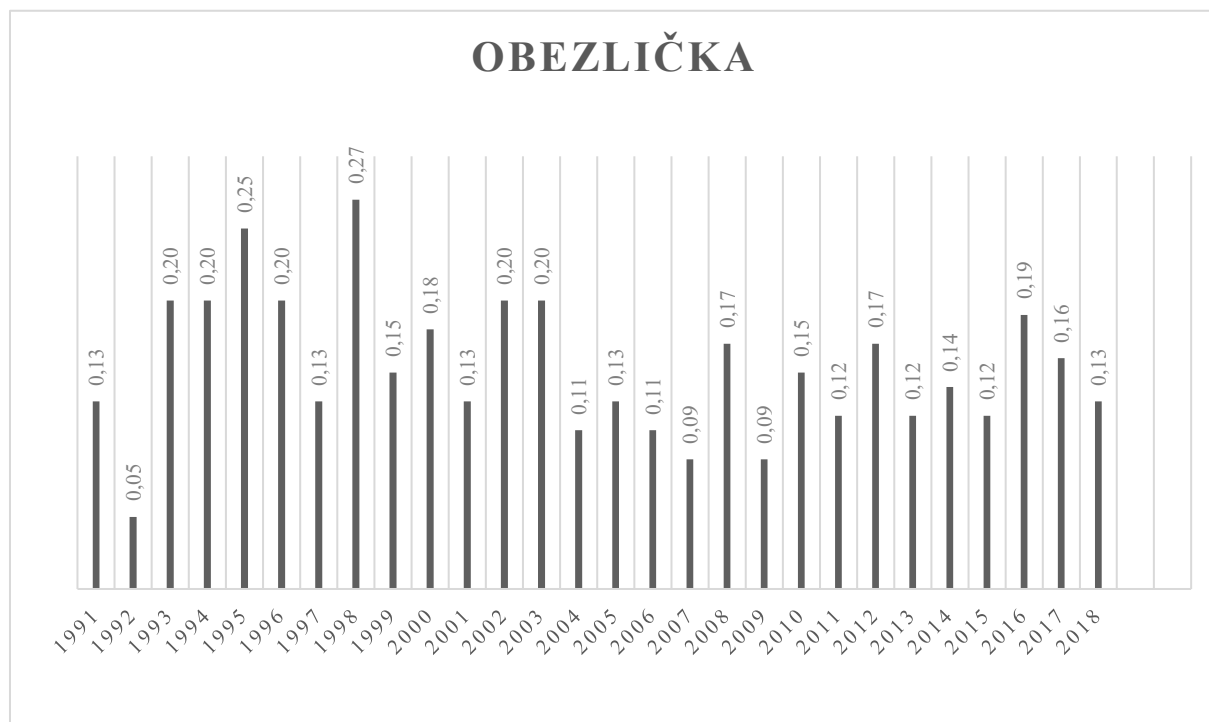
Příklady užití:

Po roce 1948 sami Češi po sovětském vzoru začali budovat **fyskulturu** a sokolské jednoty se přejmenovávaly na *Tatransy, Jiskry, Rudé hvězdy, Spartaky* atd. (Deníky Bohemia, 2012, 7. 3. 2012)

Kdo má pocit, že naše – míněno atlantická – civilizace končí (protože muslimové, Číňané, populační pokles, sociální stát, Brusel, „chemtrails“, nikdo už neumí latinšky, „**fyskultura**“ upadá, mládež nám nečte, drogy, herny, prasečí chřipka, demokracie, nový světový řád...), hledá analogie v (...). (Lidové noviny, Jan Zrzavý, 2014, 16.8.2014)

Obezlička

slovníková definice	obezlička, -y ž. polit. a publ. slang. nedostatek, zbavování se osobní odpovědnosti za svěřenou práci n. jiný čin
relativní frekvence	0,14
frekvence výskytu	kolísavá

Graf 5: frekvence výskytu lexému obezlička

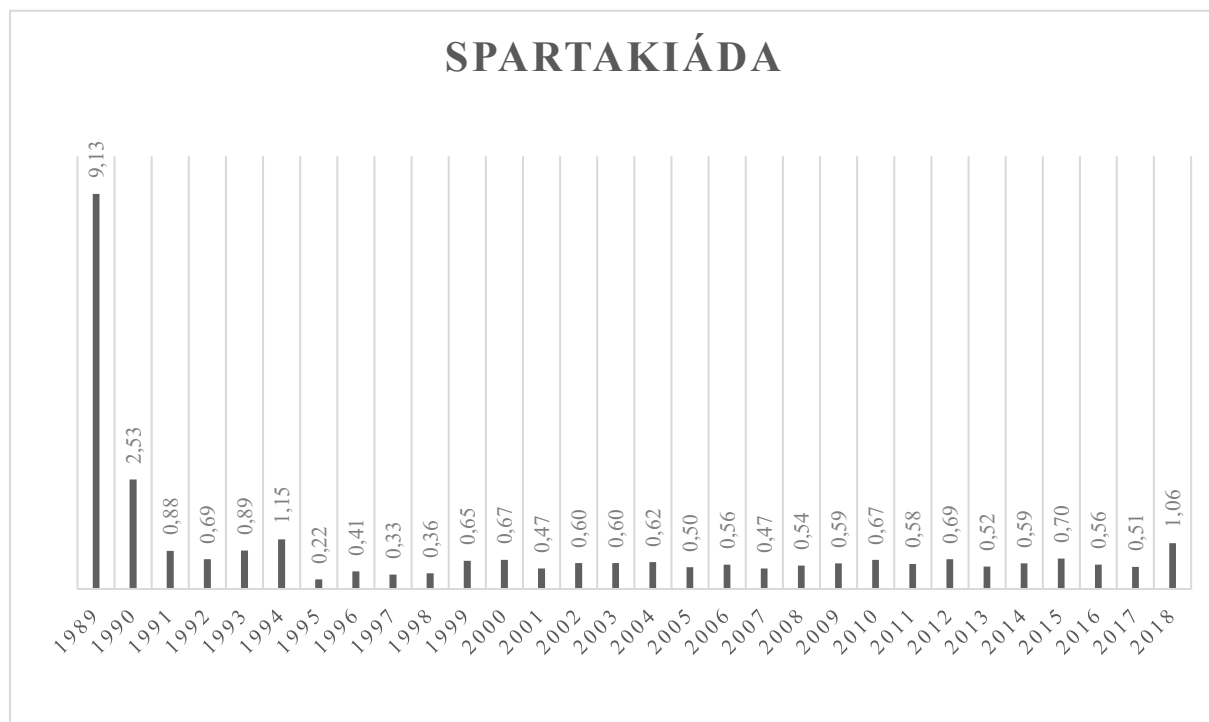
Příklady užití:

V té chvíli si na komunistickou **obezličku** zjevně vzpomněl místostarosta Ing. Jaroslav Trávníček (ČSSD). V tisku veřejně prezentoval záměr, na jehož podkladě by městské pozemky, jež zastupitelstvo přes jeho vyčerpávající angažmá čtyřikrát odmítlo, městská rada stejnému zájemci o koupi pronajala. (Mladá fronta 2001, 8.10.2001)

A co další plánované kamery? Neměly by rozhodně být jakousi **obezličkou** nahrazující časté procházení třeba Vrchlického sadů těmi, pro které je snadnější kontrolovat parkovací lístky a nasazovat botičky. (Deníky Bohemia, 2009, 14.1.2009)

Spartakiáda

slovníková definice	spartakiáda, -y ž. hromadné tělocvičné a sportovní vystoupení revolučních dělnických tělovýchovných jednot
relativní frekvence	0,6
frekvence výskytu	sestupná ¹⁶

Graf 6: frekvence výskytu lexému spartakiáda

Příklady užití:

*Dále to byl oddíl ZRTV, jehož činnost spočívala v zimních měsících ve cvičení žen v sále Kulturního domu, před spartakiádou v roce 1974 se pustily do nácvičku spartakiádní skladby žen s kužely, se kterou vystupovaly i na místních **spartakiádách** (...).*
(Deníky Moravia, 2009, 22.6.2009)

*Při protahování dělá pózy jako na **spartakiádě**, mává rukama, jako by v nich měl stuhu.* (Mladá fronta DNES, 2007, 17.2.2007)

¹⁶ Poslední spartakiáda se v Praze konala v roce 1985. Další měla proběhnout v roce 1990, čemuž můžeme přisuzovat zvýšený výskyt lexému v letech 1989 a 1990.

*Do programu organizátoři zařadili i řadu soutěží, třeba pivní **spartakiádu**, závod v pojídání párků či volbu nejhezčí motorkářky. (Mladá fronta DNES, 2007, 8.8.2007)*

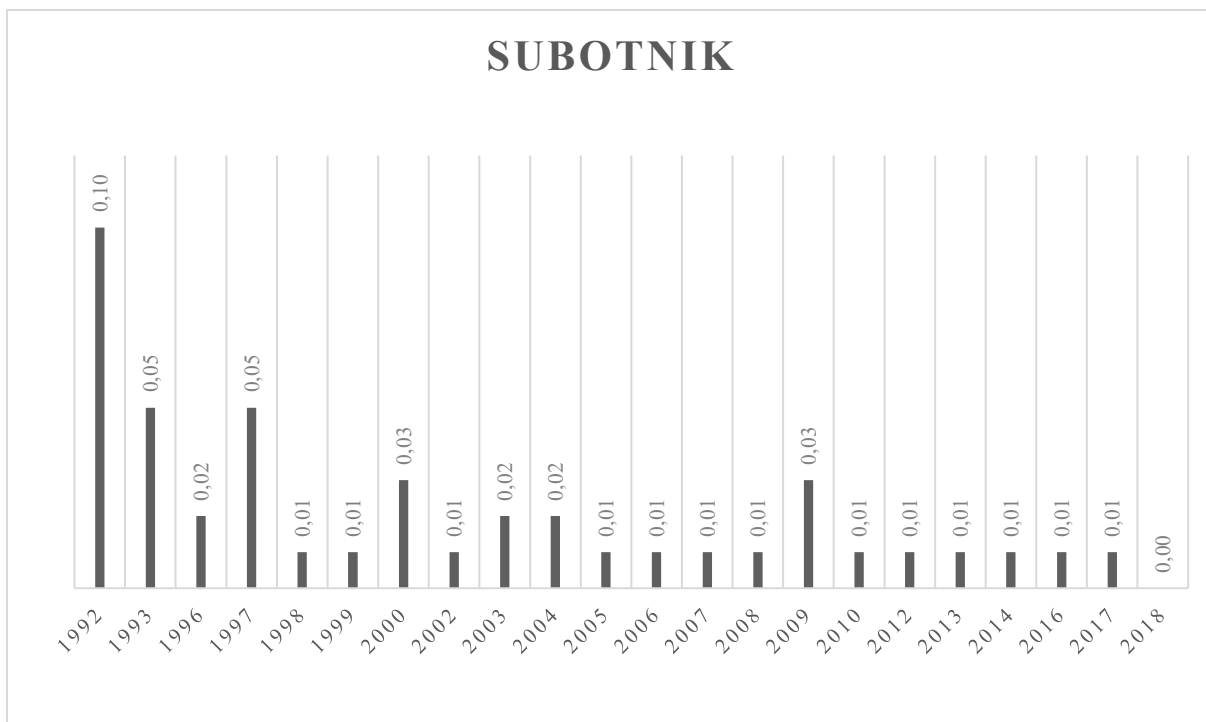
*Dobrym řešením by mohl být divácký bojkot zahajovacího a závěrečného ceremoniálu. Vždyť to bude největší demonstrace zlotřilého režimu, megalomanská **spartakiáda** moci. (Mladá fronta DNES, 2008, 28.3. 2008)*

*Na tom nic nezmění ani naivní protesty českých zemědělců, ale ani řečnická **spartakiáda** v Římě, byť jí požehnal sám Boží místopředseda na Zemi. (Právo, 2008, 5.6.2008)*

Lexém **spartakiáda** není našemu prostředí cizí. Tyto hromadné sportovní akce se u nás konaly na celostátní úrovni již od roku 1955, v období socialismu byly používány jako masový propagandistický politický nástroj, a jsou tedy všeobecně známé. S referencemi na *spartakiádu* se proto můžeme setkávat v různých druzích textů i v současné češtině. V některých z nich se také můžeme setkat s posunem významu lexému *spartakiáda* k žertovnému až satirickému označení hromadné akce či vystoupení.

Subotník

slovníková definice	subotník, -u m. (6. j. -u, 6. mn. -cích) (v sovětském prostředí po revoluci 1917) dobrovolná pracovní směna, brigáda konaná v sobotu (v den pracovního klidu)
relativní frekvence	0,01
frekvence výskytu	sestupná

Graf 7: frekvence výskytu lexému subotnik

Příklady užití:

*Navíc akcie Bear Stearns nekupuje, ale vyměňuje za vlastní, takže ty dva dolary za akcii vlastně v hotovosti nezaplatí. Jo, když mají na Manhattanu velké ryby **subotnik**, tak se dějí věci!* (Mladá fronta DNES, 2008, 21.3.2008)

*Nedávno se ve městě konal i **subotnik** (tedy povinně dobrovolná brigáda odehrávající se v sobotu). Očití svědci si pochvalovali jeho autenticitu.* (Mladá fronta DNES, 2000, 25.4.2000)

*Tři američtí prezidenti – nynější Bill Clinton a bývalý George Bush a Jimmy Carter – minulý víkend zametali ulici v chudé čtvrti Filadelfie, čistili zdi od graffitti, natírali je a stavěli hřiště. S nimi tam byly čtyři tisíce brigádníků. Celý „**subotnik**“, který má oživit myšlenku hnutí dobrovolníků, měl na povel bývalý generál Colin Powell.* (Právo, 1997, 3.5,1997)

Továryš

slovníková definice	továryš, továryš ¹⁷ , -e m. (továryška, -y ž.) soudruh
relativní frekvence	0
frekvence výskytu	nelze určit

Příklady užití:

Velící továryš udělil mi příslušné informace: Práce trvá přesně osm hodin (od šesti do dvou) a pozůstává dnes v tom, že každý musí v uvedené době napsati oslavnou báseň na tov. Šmerala (...). (PEŠTA, Pavel, Jitka UHDEOVÁ a Jirí HAUSMANN. Satirik převratu Jirí Haussmann. Brno: Atlantis, 1999. Studánky. ISBN 80-7108-188-4.)

Šlachovití, sluncem osmahlí chlapci a svěží, nebojácné dívky pomáhají soudružsky budovat kapitalismus... I nějaká ta písnička přitom, hergot, může zaznít! Long live továryš Kačer!!“ (Reflex, 1993, č. 12/1993)

Ve vrátnici svítí rudé hvězdy, průvodci vás vítají ve vojenské uniformě a oslovují vás i sebe navzájem továryš (soudruhu). (Zdeněk John, Mladá fronta DNES, 2016, 28.5.2016)

Závěr

Jak vyplývá z výsledků analýzy, své místo si v současné české slovní zásobě našly především společensko-politické lexémy hojně užívané v období minulého režimu, tedy tzv. sově-tismy. I přesto, že již nejsou denně skloňovány masmédií, zůstaly v živé paměti mluvčích i po třiceti letech od pádu režimu. Jejich význam se nicméně často posunul do roviny satirických referencí až hanlivých označení, což můžeme přisuzovat vztahu Čechů k vývoji politické situ-ace po roce 1948.

Obecně je můžeme rozdělit na tři skupiny. V první řadě to jsou lexémy, které se vyskytují prakticky pouze v textech popisujících nebo odkazujících se na ruské či sovětské prostředí nebo jsou používány jako prostředek k navození či zesílení atmosféry tohoto prostředí. Vět-šina těchto lexémů musí být doprovázena vysvětlivkou nebo opisem, aby jim čtenář

---

¹⁷Lze dohledat i tvary tovaryšč/továřišč.

porozuměl. Můžeme mezi ně zařadit lexémy **děžurný** a **továřyšč**. Druhou skupinu pak tvoří lexémy, které sice byly hojně užívány především v období socialismu, nicméně zcela zdomácněly a vyskytují se tak i v kontextech zcela bezpříznakových, jak lze pozorovat na příkladech užití lexémů **agitka**, **družba** a **obezlička**. Na pomezí dvou výše uvedených skupin se nachází lexémy **bolševik**, **fyskultura**, **spartakiáda**, **subotnik** a **buržuj**. Tyto lexémy jsou stále spojovány především se sovětským prostředím, jsou však poměrně obecně známé a vyskytují se proto i v jiných kontextech. Četnost jejich užívání ale s postupem času klesá.

V době, kdy vedle sebe žijí různé generace, se minulost a současnost samozřejmě prolínají a ovlivňují, což má vliv i na podobu jazyka. Stále se tak můžeme setkat se spisovateli a novináři, kterým sovětismy nejsou cizí a využívají je i ve svých textech. Vedle nich ale současně žijí čtenáři a autoři mladší generace, kteří nemají jazyk socialismu zažitý a bez vysvětlení významu se již neobejdou. Je tedy velice pravděpodobně, že méně známé sovětismy, které během posledních třiceti let nestihly zcela zdomácnět, za několik desítek let vymizí z aktivní slovní zásoby úplně.

Text byl zpracován v rámci projektu specifického výzkumu *MUNI/A/1348/2020 Teoreticko-aplikační a lexikografická podpora překladačů ve slovanských jazycích*.

Seznam použité literatury

1. CVRČEK, V. – RICHTEROVÁ, O. (eds). 2017. *pojmy:ipm*. [online]. Příručka ČNK, [cit. 2021-02-13]. Dostupné na internetu: <<http://wiki.korpus.cz/doku.php?id=pojmy:ipm&rev=1485765954>>
2. CVRČEK, V. – RICHTEROVÁ, O. (eds). 2019. *cnk:syn:verze8*. [online]. Příručka ČNK, [cit. 2021-02-13]. Dostupné na internetu: <<http://wiki.korpus.cz/doku.php?id=cnk:syn:verze8&rev=1576673007>>
3. Slovník spisovného jazyka českého (1960–1971). ujc.cas [online]. Praha: Středisko společných činností AV ČR, 2020 [cit. 2021-02-28]. Dostupné na internetu: < <https://ssjc.ujc.cas.cz/>>

AKTUALIZÁCIA PRECEDENTNÝCH VÝRAZOV V. PUTINA V MEMETICKÝCH TEXTOCH

Mgr. Lucia Chudá

Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií, Filozofická fakulta, Univerzita Komenského v Bratislave, chuda40@uniba.sk

Abstrakt

Настоящая статья посвящена теме актуализации прецедентных выражений В. Путина в меметических текстах, которые в настоящее время чрезвычайно популярны в Рунете (особенно в социальных сетях). Мы объясняем их широкое распространение повышенной выразительностью взаимодействия двух компонентов – вербального и визуального. Благодаря данному фактору меметические тексты приобретают огромный потенциал влияния на адресата, становясь неотъемлемой частью современного российского медиадискурса. Предметом нашего исследования также являются и способы трансформации прецедентных выражений в меметических текстах, в некоторых случаях существенно отличающиеся от их трансформации в традиционных медиатекстах. Одновременно с этим мы анализируем преобладающие функции выбранных меметических текстов и их потенциальное влияние на русскую языковую картину мира.

O autorke

Mgr. Lucia Chudá je absolventkou Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave v odbore ruskej a východoeurópske štúdiá. Od roku 2019 pôsobí ako doktorandka na katedre rusistiky a východoeurópskych štúdií v študijnom programe slavistika. Vo svojej dizertačnej práci sa venuje téme idiolektu V. Putina ako zdroja precedentných výrazov súčasného ruského politického diskurzu.

Internetový mém

Za priekopníka memetiky, náuky o mémoch, sa považuje britský evolučný biológ Richard Dawkins, ktorý ako prvý použil pojem mém (meme) v štúdií *Sebecký gén* (The Selfish Gene, 1976), v ktorej rozvíja teóriu sebeckých génov, ktoré slúžia ako replikátory a ich snahou je

prežitie a šírenie sa na úkor slabších, potláčaných génov, čím dochádza k prirodzenému výberu. Dawkins vníma mémy široko ako chytľavé melódie, spôsob stavania oblúkov či módný štýl obliekania (Dawkins, 2003).

Samostatnou skupinou, v súčasnosti veľmi populárnou a rozšírenou, sú internetové mémy, teda mémy, ktoré sa nachádzajú na internete a tu sa ďalej replikujú a šíria. Populárnosť takýchto mémov si vysvetľujeme súhrou viacerých faktorov. Výraznou črtou internetových mémov je multimodálnosť – spojenie verbálnej a vizuálnej zložky. Verbálnu časť môže predstavovať slovo, slovné spojenie alebo veta/výrok. Vizuálnu časť reprezentuje fotka/obrázok. Často sa používa známa šablóna mému a obmieňa sa len text. Aj vďaka interakcii týchto dvoch zložiek sú internetové memetické texty „lákavé“ a následne aj veľmi obľúbené a populárne. Teória multimodálnosti sa nachádza dnes v štádiu etablovania a terminologických diskusií, ale skoro každý autor definuje multimodálnosť ako komplex vzájomne sa doplňujúcich verbálnych, vizuálnych a zvukových zložiek (resp. verbálnych a audiovizuálnych komponentov), z ktorých každá môže vystupovať do popredia v závislosti od kontextu a spôsobu použitia (Krajčovičová, Dulebová, 2021, s. 91).

Popularitu mému zaručí aj kreativita a dôvtip pri jeho tvorbe. Pri analýze memetických textov uvažujeme o rôznych funkciách, ktoré poukazujú na to, aké boli intencie autora pri samotnej tvorbe mému. Pomáha nám to pochopiť zámer a tiež dekodovať vysielanú informáciu. K základným funkciám memetického textu patria: komunikatívna, emocionálno-expressívna, axiologická, kognitívna, zábavná a iné (Lobova, 2018, s. 145).

Jednou z najvýraznejších funkcií memetických textov je zábavná funkcia, aj keď v prípade mémov s politickou tematikou málo kedy ide o láskavý a dobrosrdečný humor, je to skôr humor ironický, satirický, tragikomický, parodický alebo tzv. čierny humor (Spišiaková, 2018, s. 422). Komický efekt môže byť vytvorený viacerými spôsobmi. Podľa Sigmunda Freuda ku komickému efektu dochádza obídením tzv. vnútorných cenzorov, teda bariér, ktoré človek, nositeľ kultúry, v sebe nosí (Lobova, 2018, s. 146). J. Lobova hovorí o vyčlenení z radu informácií práve tú, ktorá je paradoxná a často nereálna. Každá kultúra, každý národ disponuje špecifickým citom pre humor, ktorý iná lingvokultúrna spoločnosť alebo iné pokolenie nemusí cítiť vždy rovnako. Preto môžeme rozdeliť smiechové reakcie na národné, sociálne a individuálne. Nevyhnutnou podmienkou komického efektu je šok, teda prekvapenie, a

v dôsledku uvoľnenia emočnej energie sa rodí smiech (Lobova, 2018 s. 146). Lobova opisuje tri spôsoby, ako dosiahneme komický efekt:

- efektom nesplneného očakávania,
- protikladom alebo rozporom medzi jednotlivými zložkami mému,
- nepredvídateľnosťou.

Vďaka zábavnej zložke sa memetické texty ľahko šíria „z mozgu do mozgu“, sú lákavé pre „internetové publikum“, v súčasnosti sa výrazne šíria medzi používateľmi sociálnych sietí. Správne použitie a pochopenie mému znamená, že diskutujúci patria do jedného kultúrneho priestoru, pretože sú spontánne dekódované. „Populárne internetové mémy znakovou štruktúrou odrážajú univerzálnosť virtuálneho priestoru. Najrozšírenejšou sa stane tá znaková štruktúra, ktorá je umiestniteľná v akomkoľvek priestore a dekódovateľná čo najväčším počtom recipientov“ (Šoltésová, 2016, s. 26).

Použité precedentných fenoménov v memetických textoch

Precedentné fenomény sú častým zdrojom memetických textov a tiež sa často aktualizujú v internetových mémoch, aj vďaka tomu, že precedentné fenomény v sebe nosia silný intertextuálny odkaz a sú preto ľahko spoznatelné internetovými užívateľmi. Podľa Karaulova „precedentný text je dobre známy širokej lingvokultúrnej spoločnosti, je ťažiskový na kognitívnej aj emočnej úrovni(...)" (Karaulov, 1987, s. 216). Existuje silný predpoklad, že práve cez vytvorenie memetického textu sa autori snažia pôsobiť na emócie adresátov. Precedentné fenomény môžu byť verbálne a verbalizované (precedentné meno, situácia, výraz a text) ako aj vizuálne (pamätníky, sochy, obrazy, ikonické fotografie, plagáty a pod.). V niektorých prípadoch môže ísť aj o kombináciu verbálneho a vizuálneho precedentného fenoménu – každá jedna zložka je samostatne zapamätateľná a dostatočne „silná“ aj sama o sebe (Zahorák, 2019, s. 39).

Podľa Wigginsa je hlavným zámerom internetových mémov vizuálne predniesť argument s cieľom iniciovať, rozšíriť diskurz, odporovať mu alebo ho ovplyvniť (Cingerová, 2020, s. 33). Precedentným fenoménom sa taktiež prisudzujú isté funkcie na základe ktorých môžeme „odhaliť“ ich komunikačný zámer, a to sú: persuazívna, kognitívna, eufemistická, modelujúca, pragmatická, komunikatívna, expresívna, nominatívna, hodnotiacia, konsolidačná,

identifikačná, kódovacia či funkcia jazykovej hry (Dulebová, 2018, s. 243). Častým používaním výrazu dochádza k jeho transformácii, t.j. k „úmyselnému porušovaniu jeho sémantickej alebo štrukturálnej celistvosti, keďže často len metódou „prerobenia“ a adaptácie pôvodného ustáleného spojenia autor textu môže bezprostredne realizovať svoju diskurzívnu stratégiu“ (Cingerová, Dulebová, 2019, s. 21).

Z populárnych výrazov a precedentných výrazov sa často stávajú memetické texty, čím sa ešte viac popularizujú a rozvíjajú svoj precedentný potenciál, no aj z memetických textov sa práve vďaka použitiu precedentných výrazov stávajú mimoriadne ľahko spoznatelné a populárne kultúrne fenomény neustále sa šíriace medzi používateľmi.

Precedentné výrazy V. Putina v memetických textoch

Precedentnými sa stávajú populárne výrazy V. Putina, ktoré často šokujú, sú predmetom diskusie alebo ich môžeme nazvať ako neštandardné výrazy v politickej komunikácii. Vybrali sme tri precedentné výrazy V. Putina, ktoré sa stali inšpiráciou na vznik internetových mémov. Zdrojom pre nás boli blogy, sociálne siete a mediálne stránky. Budeme sa zaoberať tým, akým spôsobom sa aktualizujú, či dochádza k ich transformácii, aké funkcie ich používania sú dominantné a akým spôsobom je vytváraný komický efekt.

Она утонула

V auguste v roku 2000 došlo k havárii jadrovej ponorky Kursk pri ktorej zomrelo 118 ľudí. Okolnosti havárie a záchranná akcia boli v ruských a zahraničných médiách kritizované. Precedentný výraz sa viaže na rozhovor pre CNN v roku 2000, v ktorom prezident Putin odpovedal na otázku, čo sa stalo s ponorkou Kursk, výrokom: „Она утонула“¹⁸ (Eggert, 2020). Putina odpoveď mala slúžiť na odľahčenie ťažkej témy, avšak vyznelo to nanajvýš nevhodne, sarkasticky až cynicky. V mediálnom priestore si vyslúžil kritiku, o čom svedčia aj mémy, ktorými ich autori „komentovali“ udalosť.

---

¹⁸ „Potopila sa/Utopila sa.“

V prípade mému č. 1 a mému č. 2 dochádza k substitúcii – k zámene otázky „Что случилось с подлодкой Курск?“¹⁹ na „Где Россия“²⁰ a „Что случилось с Навальным?“²¹. Výraz je aktualizovaný v iných kontextoch, no pritom ľahko spoznatelný nositeľmi jazyka na akú udalosť autor mému poukazuje. Мém č. 3 – dochádza k explikácii, doplneniu vety hovorovým výrazom „А я им такой“²². Doplnením vety vyznieva text ako rozprávanie vtipu a použitý obrázok podporuje vzniknutý efekt. Daným memetickým textom prisudzujeme nasledovné funkcie – hodnotiaca (autor vyhodnocuje situáciu), emocionálno-expressívna (prezentované subjektívne názory autorov), estetická (príznačná pre väčšinu mémov), persuzívna (autor chce nám vnútiť svoj vlastný postoj k politickej téme). Komický efekt spočíva v efekte nesplneného očakávania (mém č. 1) a v rozpore medzi negatívnym/tragickým textom a obrázkom, na ktorom je reakcia pozitívna/úsmevná – mém č. 2 a mém č. 3.

Precedentný výraz bol použitý aj ako názov knihy B. Kuznesova («Она утонула...», 2005), v ktorej autor opisuje potopenie ponorky a poukazuje na okolnosti tejto tragédie.

Мém ч. 1

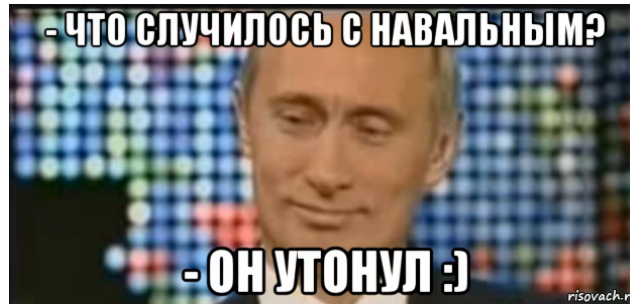
---

¹⁹ „Čo sa stalo s ponorkou Kursk?“

²⁰ „Kde je Rusko?“

²¹ „Čo sa stalo s Navalnym?“

²² „А ja im na to“

Mém č. 2

Mém č. 3

Раб на галерах

Vo februári v roku 2008 V. Putin zhodnotil svoje dve funkčné obdobia na poste prezidenta Ruskej federácie vyjadrením: „Я пахал, как раб на галерах(...)“²³ (Gamov, 2008). Mnohí boli Putinovou analógiou prekvapení a zaskočení, nakoľko je všeobecne známe, že ani počas prvých ôsmich rokov svojho pôsobenia sa prezident Putin nechoval ako altruista a jeho rodina získala značné majetky, ako aj to, že prebujnela korupcia bola jedným zo spôsobov obohacovania jeho blízkych a priateľov. Vzhľadom na tento fakt bol následne výraz *ako otrok na galejach* najčastejšie používaný v ironickom duchu.

Mém č. 4 – v tomto prípade precedentný výraz nie je transformovaný. Komický efekt je založený na nesplnenom očakávaní (prepychové prostredie) a taktiež je prítomný rozpor medzi textovou a vizuálnou zložkou (otrok je obsluhovaný). Do popredia vystupuje pragmatická funkcia precedentného výrazu v spojitosti s vizuálnou zložkou, nakoľko sa autor snažil poukázať na realitu, ktorá sa nezlučuje s výpoveďou. Zároveň je prítomná aj estetická, hodnotiacia, emocionálno-expresívna, persuzívna a zábavná funkcia. Výraznou je aj modelujúca funkcia,

---

²³ „Drel som ako otrok na galejach“

formujúca u recipienta obraz autokratickej povahy súčasnej ruskej štátnosti, ktorá dnes už ale nikoho neprekvapuje, veď „dokonca aj V. Surkov, niekdajší spoluautor a zaniatený propagátor koncepcie „ruskej suverénnej demokracie“, znejúcej ako oxymoron, dosť otvorene priznáva, že vo svojej podstate Rusko demokraciou nie je. Ruský „hlbinný národ“ ju údajne ani nepotrebuje“ (Dulebová, 2020, s. 21).

Mém č. 5 – dochádza k implikácii precedentného výrazu, pričom je výraz „vyjadrený“ len vo vizuálnej podobe. Na základe popularity výrazu vznikla posmešná prezývka V. Putina „krab“. Fonetickou transformáciou, pridaním spoluhlásky, sa úplne mení sémantický význam pôvodnej lexémy – как раб => краб. Skutočnosť, že takýto typ mému, v ktorom chýba textová zložka, je šírený a pritom význam rozpoznávaný nositeľmi jazyka, vypovedá o tom, že daný výraz je skutočne populárny a precedentný pre určitú lingvokultúrnu spoločnosť. Zábavná, estetická a funkcia jazykovej hry sú v méme výrazné.

Mém č. 6 – dochádza k substitúcii a explikácii (zámene komponentov a doplneniu komponentov) precedentného výrazu, vyjadrenie ťažkej práce otroka na galejach je zobrazené na obrázku, kde V. Putin vesluje v šiestich podobách. Tým, že text tohto mému kritizuje prijímateľov mému (internetových používateľov), pôsobí komicky. Mému prisudzujeme zábavnú, emocionálno-expresívnu a hodnotiacu funkciu.

Boris Nemcov s Leonidom Martyňukom vydali brožúrku o Putinovom majetku s názvom *Жизнь раба на галерах. Дворцы, яхты, автомобили, самолеты и другие аксессуары*²⁴ (Moskva, 2012), v ktorej kalkulujú Putinov majetok. Výraz sa objavuje najmä v spojitosti s kritikou Putina.

Mém č. 4

²⁴ *Život otroka na galejach. Paláce, jachty, autá, lietadlá a iné doplnky*

Mém č. 5

Mém č. 6

Печенеги и половцы

V apríli v roku 2020 mal V. Putin príhovor k občanom Ruskej federácie k pandémii koronavírusu. Upokojoval občanov, aby sa nebáli a povedal: „Наша страна не раз проходила через серьезные испытания: и печенеги ее терзали, и половцы, — со всем справилась Россия“²⁵ (Tass.ru, 08.04.2020). Toto vyjadrenie vzbudilo mnohé emócie a rozmohlo sa v Rунete (ruskojazyčnom segmente internetu), pričom prevažne išlo o kritiku Putina, pretože použil alúziu na vzdialenú historickú udalosť s kočovnými národmi, čo nemá pre občanov v súčasnosti silnú výpovednú hodnotu. Navyše daný výraz nie je originálny výmysel V. Putina, inšpiroval sa ruským advokátom F. Plevakom z čias cárskeho Ruska.

Mém č. 7 – dochádza ku kontaminácii dvoch precedenčných výrazov – „печенеги и половцы“ a „денег нет, но вы держитесь“, ktorý pochádza z úst D. Medvedeva z roku 2016. Danému memetickému textu môžeme pričleniť nasledovné funkcie: estetickú, zábavnú,

---

²⁵ „Наша krajina neraz prechádzala vážnymi skúškami – aj pečenehovia ju trýznili, aj polovci – so všetkým si Rusko poradilo.“

persuazívnu, pragmatickú, emocionálno-expresívnu, modelujúcu – v snahe vytvoriť nový model vnímania reality. Komický efekt je dosiahnutý nepredvídateľnosťou (nečakaná a alogická odpoveď Medvedeva).

Mém č. 8 zobrazuje Putina na čele tzv. nesmrteľného pluku²⁶ s obrazom A. Nevského. Pri transformácii precedentného výrazu došlo k implikácii (odstránenie komponentu pečenehovia). Z funkcií precedentného výrazu prevládajú – zábavná, estetická, kódovacia (pre ruskú lingvokultúrnu spoločnosť je známa paralela s pochodom). Ku komickému efektu dochádza na základe nesplneného očakávania, pretože by sme predpokladali, že Putin bude niešť fotografiu svojho predka, a nie historického hrdinu, ktorý sa nespája s obdobím druhej svetovej vojny.

Mém č. 9 – dochádza k explikácii (doplňovaniu) precedentného výrazu a miernemu pozmeneniu originálneho znenia výpovede V. Putina. Výrazná je zábavná, estetická, persuazívna, pragmatická (poukázanie na nelogickosť) a modelujúca funkcia (odkazuje sa na chudobu ako na vážny problém). Komický efekt vznikol nesplneným očakávaním, pretože prvé dve vety poukazujú na výhru a tretou sa pripúšťa prehra/zlyhanie. Taktiež dochádza k nesúladiu medzi textovou (negatívna správa) a vizuálnou zložkou (pozitívny výraz tváre V. Putina).

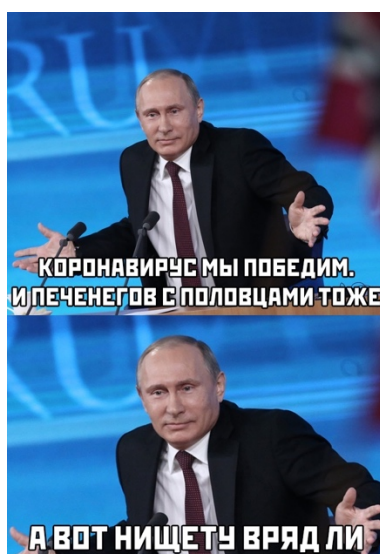

Mém č. 7

²⁶ Бессмертный полк – patriotická akcia, na ktorej v Deň víťazstva sa ruskí občania prechádzajú mestami s fotografiami ich predkov, ktorí bojovali v druhej svetovej vojne

Mém č. 8

Mém č. 9

Prichádzame k záveru, že prevládajúce funkcie vybraných precedentných výrazov v memetických textoch sú zábavná, estetická, emocionálno-expresívna a persuzívna. Súbežne s nimi sa objavovali aj iné funkcie: pragmatická, kódovacia, modelujúca, hodnotiaca a funkcia jazykovej hry.

Hlavným cieľom memetických textov je pobaviť adresáta, pričom komický efekt vzniká viacerými spôsobmi, ktoré sme pri jednotlivých mémoch analyzovali. Humor dopomáha k atraktivite mému a tým pádom sa precedentný výraz ľahšie pamätá, čím sa podporuje jeho životnosť a potenciálna využiteľnosť v budúcnosti. Deje sa to aj preto, že memetické texty plne reflektujú „hodnotovú a estetickú špecifiku vnímania reality konkrétnym lingvokultúrnym spoločenstvom“ (Morozkina, Rusiňakova, 2020, s. 27). Humor, ktorý je v mémoch prítomný,

má za cieľ nielen pobaviť adresáta, no taktiež často vystupuje ako sociálna kritika či politická satira.

Popularitu, nielen Putinových, precedentných výrazov v memetických textoch podporuje atraktivnosť súbežného pôsobenia zložiek rôznych semiotických systémov (fotografia/obrázok + text). Táto interakcia napomáha k ľahšiemu zapamätaniu precedentného výrazu. Občas dochádza k úplnému vynechaniu textovej zložky, keď populárny precedentný výraz je len implicitne „vyjadrený“ prostredníctvom vizuálnej asociácie a aj napriek tomu je ľahko dekodovaný prijímateľmi.

Narastajúca aktualizácia výrazov Putina v podobe memetických textov môže urýchľovať proces transformácie „bežných“ výrazov V. Putina na precedentné v súčasnom jazykovom obraze sveta. Tie sú následne ľahko spoznatelné v každom inom kontexte nositeľmi jazyka. Na záver sa ešte oprieme o slová Šoltésovej: „Virálne šírený internetový mém, ktorý si aj napriek variabilite zachováva rozpoznateľné elementy, sa stáva súčasťou nielen každodenného života internetovej generácie, ale svojou prítomnosťou v komunikačnom procese vplýva aj na reálny život a spoločnosť.“ (Šoltésová, 2016, s. 5). Navyše atraktívne a šikovne vytvorený memetický text sa skutočne stáva virálnym, čím sa dostáva k širokej verejnosti a podporuje vznik diskusie.

Tento príspevok je súčasťou grantového projektu KEGA 003UK-4/2021 *Vysokoškolská učebnica Mediálna lingvistiká*.

Zoznam použitej literatúry

1. CINGEROVÁ, N. 2020. Memetický text ako fragment verejného diskurzu. In: ŠTEFANČÍK (ed.): *Jazyk a politika: Na pomedzí lingvistiky a politológie V*. Bratislava: Ekonóm, 2020. s. 31-38. ISBN 978-80-225-4743-7
2. CINGEROVÁ, N. – DULEBOVÁ, I. 2019. *Jazyk a konflikt. My a tí druhí v ruskom verejnom diskurze*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave. 202 s. ISBN 978-80-223-4819-5
3. DAWKINS, R. 2003. *Sobecký gen*. Praha: Mladá fronta. 319 s. ISBN 802-04-0730-8
4. DULEBOVÁ, I. 2020. Jazykové stratégie argumentácie "osobitnej ruskej cesty" v súčasnom politickom diskurze In: ŠTEFANČÍK (ed.): *Jazyk a politika: na pomedzí lingvistiky a politológie V*. Bratislava: Ekonóm, 2020. s. 51-58. ISBN 978-80-225-4743-7

5. DULEBOVÁ, I. 2018. Vytváranie obrazu EÚ prostredníctvom literárnych precedentných výrazov v ruskom politickom diskurze In: ŠTEFANČÍK (ed.): *Jazyk a politika: na pomedzí lingvistiky a politológie III*. Bratislava: Ekonóm, 2018. s. 241-250. ISBN 978-80-225-4528-0
6. EGGERT, K. 2020. Tragedija „Kurska“ odkryla epochu Putina. In: *Deutsche Welle*. [online]. [cit. 12.8.2020] Dostupné na internete: <<https://www.dw.com/ru/kommentarij-tragedija-kurska-otkryla-jepohu-putina/a-54524191>>
7. GAMOV, A. 2008. Vladimir Putin: Vse eti gody ja pachal, kak rab na galerach. I dovolen rezultatami. In: *Komsomol'skaja pravda*. [online]. [cit. 10.3.2021] Dostupné na internete: <<https://www.kp.ru/daily/24049.4/102484>>
8. KARAULOV, J. 1987. *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'*. Moskva: Nauka. 261 s.
9. KRAJČOVIČOVÁ L., DULEBOVÁ, I. 2021. The humorous dimension of intertextual relations in contemporary Slovak creolized media text. In: *The European Journal of humour research*. Krakow: Cracow Tertium Society for the Promotion of Language Studies, VOL 9, NO 1 (2021), pp. 87-104, ISSN: 2307-700X.
10. LOBOVA, J. N. 2018. Kongnitivnyj aspekt komičeskogo v polimodal'nych internet-memach. In: *Collegium Linguisticum*. Moskva, MGU. s. 143-149
11. MOROZKINA, T., RUSIŇAKOVA, J. 2020. *Mežkulturnaja komunikacija. Interkulturelle Kommunikation: učebnik*. Ul'janovsk: UGPU. 244 s. ISBN 978-5-907216-21-1
12. SPIŠIAKOVÁ, M. Lingvistická analýza politických komunikátov na Kube. In: ŠTEFANČÍK (ed.): *Jazyk a politika: na pomedzí lingvistiky a politológie III*. Bratislava: Ekonóm, 2018. s. 417–425. ISBN 978-80-225-4528-0
13. ŠOLTÉSOVÁ, S. 2016. *Memetické texty a digitálne médiá*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove. 110 s. ISBN 978-80-555-1604-2
14. TASS.RU. Putin: Rossija prošla čerez mnogije serioznyje ispytanija, pobedit i zarazu koronavirusnuju. In: *TASS*. [online]. [cit. 8.4.2020] Dostupné na internete: <<https://tass.ru/obschestvo/8191833>>
15. ZAHORÁK, A. 2019. Precedent Phenomena as a Linguistic, Translation and Reception Problem. In: *A Reflection of Man and Culture in Language and Literature*. Berlin: Peter Lang, 2019. pp. 37–60. ISBN 978-3-631-74550-2

INTERTEXTUALITA A TEÓRIA PRECEDENTNOSTI

Mgr. Katarína Jalová

Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií, Filozofická fakulta, Univerzita Komenského v Bratislave, katarina.jalova@uniba.sk

Abstrakt

V статье рассматривается проблематика теории интертекстуальности как источника для развития теории прецедентности. На основе анализа самых значимых работ в области исследования интертекстуальности как российских, словацких, чешских, так и западных ученых, в диахронном аспекте демонстрируются разные способы понимания и интерпретации интертекстуальности. Из теории интертекстуальности в своем исследовании исходил основоположник теории прецедентности Ю. Караулов, работы которого стали фундаментом для дальнейшего развития данного направления в российском и словацком научном мире. В связи с этим, во второй части статьи представлено развитие теории прецедентности в России и Словакии в диахронном и синхронном аспектах.

O autorke

Mgr. Katarína Jalová absolvovala študijný program ruské a východoeurópske štúdiá na Katedre rusistiky a východoeurópskych štúdií Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave. V súčasnosti pôsobí ako interná doktorandka v odbore slavistika na rovnakej katedre. Vo svojom výskume sa venuje problematike precedentných mien literárneho pôvodu v súčasnom ruskom mediálnom diskurze.

Intertextualita vo svetovom výskume

Ruský filozof a literárny vedec M. Bachtin v práci *Slovo v románe* (*Слово в романе*) hovorí o románe ako o „mnohoštýlovom, rôznorečovom, polyfonickej jave“ (Bachtin, 2012, s. 14), pričom *polyfónia* v románe predstavuje „cizí reč v cizím jazyce, sloužící lomenému vyjádření autorských intencí“ (Bachtin, 1980, s. 99). Svojimi myšlienkami Bachtin ďalej rozvinul dávno známy, no ešte presne nepomenovaný jav, ktorý dnes poznáme pod pojmom intertextualita:

„Cizí slova, uvedená do naší řeči, do sebe nezbytně vstřebávají něco nového – naše chápaní a hodnocení, tj. stávají se dvojhlasými. Různý může být pouze vzájemný vztah těchto hlasů [...], každé tvrzení o předmětu je budováno tak, aby kromě svého předmětného významu polemicky udeřilo cizí, tematicky stejné slovo, cizí tvrzení o témž předmětu” (Bachtin, 1971, s. 263-264).

Na Bachtinove práce *Problémy poetiky Dostojevského* (*Проблемы поэтики Достоевского*, 1929) a *Tvorba Francois Rabelaisa a ľudová kultúra stredoveku a renesancie* (*Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*, 1965) nadviazala francúzska vedkyňa bulharského pôvodu a vedúca predstaviteľka postštrukturalizmu J. Kristevová. Napriek výraznému Bachtinovmu vplyvu na výskum a ďalší vývoj intertextuality, tento pojem po prvý raz použila práve J. Kristeva v roku 1967 v článku *Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman* publikovanom v časopise *Critique* (v upravenej podobe pod názvom *Le mot, le dialogue et le roman* v knihe *Sémiotiké. Recherche pour une sémanalyse*, 1969, v českom preklade *Slovo, dialog a román*, 1999): „Jakýkoli text se utváří jako mozaika citací, jakýkoli text je absorpcí a transformací nějakého jiného textu. Na místo pojmu intersubjektivity se staví pojem *intertextuality*, a poetický jazyk se čte jako něco, co je přinejmenším *dvojit*”, resp. „bachtinovský dialogismus označuje psaní zároveň jako subjektivitu a jako komunikativnost nebo lépe řečeno jako intertextualitu” (Kristeva, 1999, s. 9, 12). Na základe Kristevovej tvrdenia, že „intertextuálnosť označuje textovú interakciu vo vnútri daného konkrétneho textu, pričom pre jeho prijímajúci subjekt je fenomén intertextuality indikátorom toho, ako tento text interpretuje históriu a disponuje ňou” (Kristeva, 1969, s. 443, podľa Moskvin, 2015, s. 17), sa intertextualita tradične vníma ako retrospektívna kategória.

Jedným z najvýznamnejších posunov v terminologickom hľadaní intertextuality bolo vymedzenie intertextuálnych vzťahov G. Genettom, ktorý intertextualitu chápal ako jeden z typov medzitextových vzťahov. V diele *Introduction à l'architexte* (1979) Genette označil vzťahy medzi textami termínom „transtextovosť” a rozlíšil štyri typy týchto vzťahov: „1. architextovosť, tj. vzťah textu k architextu, 2. intertextovosť jako ‚faktická a doslovná prítomnosť textu v inom textu’, 3. metatextovosť jako vzťah textu a komenáre k nemu a 4. paratextovosť, tj. ‚vzťah imitácie alebo transformácie, ktorý existuje medzi pastišemi a alebo parodiemi a jejich modely” (cit. Homoláč, 1997, s. 19). V práci *Palimpsestes, La littérature au second degré* (1982) Genett na základe koncepcie „transtextuality” rozšíril predchádzajúcu klasifikáciu o piaty typ

medzitextových vzťahov, o hypertextualitu, ktorá predstavuje akýkoľvek vzťah spájajúci novovzniknutý text so starším textom (por. Genette, 1982, s. 18).

Genettova typológia konkretizujúca intertextuálnu perspektívu v prístupe k textu našla svoj ohlas napríklad u bádateľov v oblasti intertextuality v nemeckom prostredí z tzv. kostnickej školy recepcnej estetiky. Nemecký literárny vedec R. Warning istým spôsobom koriguje pojem intertextuality u J. Kristevovej, keď tvrdí, že zabúda na „instanci adresáta“ (Warning, 2001, s. 76).

Na rozdiel od Warninga sa R. Lachmannová viac orientuje na koncepty J. Kristevovej či G. Genetta. Pojem intertextuality sa podľa Lachmannovej javí „mimo hranice jakéhokoli oboru a jeho polyvalencie jako neredukovatelná“ (Lachmannová, 2001, s. 247), preto navrhuje o intertextualite uvažovať v troch perspektívach: 1. textovo teoretickej, 2. textovo deskriptívnej a 3. literárno-, resp. kultúrno-kritickej perspektíve. Práve vznikom „estetické a sémantické difference“, t.j. „dvojmo zakódovaného textu“, sa Lachmannová približuje k Bachtinovej teórii dialogickosti.

Intertextualita v českom a slovenskom výskume

Myšlienky Bachtina, Kristevovej či Lachmannovej ovplyvnili aj českých a slovenských literárnych vedcov. Do českého a slovenského jazyka boli už v 70. – 80. rokoch preložené najvýznamnejšie Bachtinove diela (*Dostojevskij umělec*, 1971; *François Rabelais a lidová kultura středověku a renesance*, 1975; *Román jako dialog*, 1980; *Problémy poetiky románu*, 1973; *Estetika slovesnej tvorby*, 1988), z Bachtinových názorov vychádza aj Mojmír Otruba. Intertextualitu označuje ako „mezitextovost“ (Otruba, 1994, s. 227) a jej podstatu vidí v tom, že sa „text nově vznikajícího díla zjevně vztahuje k jednomu textu či souboru textů svého provenienčně dřívejšího okolí, že navazuje na celek nebo na část staršího textu tím, že ho v sobě uplatňuje různě provedeným replikováním“ (Tamže, s. 228-229). Dôležitým záverom je tiež poznatok, že „nezbytným genetickým předpokladem literatury je literatura – literatura se nutně rodí z literatury“ (Tamže).

Jiří Homoláč vníma intertextualitu ako jeden z typov medzitextových vzťahov a pokladá ju za „výstavbový princip konkrétního textu“ (Homoláč, 1996, s. 40). Vo svojom výskume medzitextových vzťahov vychádza z typológie vzťahov medzi textami M. Głowińskiego, pričom podľa Homoláča pre architextovosť „není podstatné to, že texty k jistým obecným pravidlům

odkazujú, ale to, že tato pravidla, tyto kódy s jinými texty sdílejí” (Tamže, s. 42) a pod metatextovosťou rozumie „ty prípady navazování, kdy je pretext (jeho jistá část, jistý konstrukční princip) navazujícím textu explicitně tematizován” (Tamže, s. 47). Pojem intertextuality Homoláč vníma užšie ako „medzitextovosť” a považuje ju za výstavbový princíp konkrétneho textu. Za najvhodnejší spôsob výskumu pokladá analýzu recepcie intertextových vzťahov, čo prezentuje v diele *Intertextovost a utváření smyslu v textu* (1996) a prichádza k záveru, že pre intertextové a medzitextové vzťahy je charakteristické, že vždy explicitne alebo implicitne vypovedajú o pretexte, pričom nadväzovanie na pretext je afirmatívne alebo kontroverzné, okrem toho sa príslušnosť daného elementu k pretextu môže podieľať na konštituovaní zmyslu nadväzujúceho textu a absencia istého elementu pretextu v nadväzujúcom texte môže byť súčasťou významovej výstavby nadväzujúceho textu (por. Tamže, s. 56).

V slovenskom lingvistickom prostredí sa výskumu intertextuality už od 70. rokov venovali najmä A. Popovič a T. Žilka. Translatológ a teoretik prekladu A. Popovič rozpracoval teóriu metatextu na základe definovania prekladového textu ako metatextu. Špecifikom prekladového textu je, že v pomere k originálu (ako prototextu – t.j. „textu, ktorý je objektom medzitextového nadväzovania” (Popovič, 1983, s. 127)) je to druhotný, od neho odvodený text – metatext, komunikovaný v druhotnej, odvodenej komunikácii, čiže v tzv. metakomunikácii (por. Popovič, 1972, s. 49).

T. Žilka svojím výskumom nadviazal na Popovičovú teóriu o metatexte. Už v 70. rokoch spoločne dospeli k uvažovaniu nad najmenej dvoma druhmi intertextuality: autorský metatext realizovaný rôznymi formami a postupmi (napr. alúzia, citát, prepis, plagiát) a kvázi-metatext ako rekonštrukcia stratenej alebo chýbajúcej časti umeleckého diela (por. Žilka, 2011, s. 8). Pod intertextualitou Žilka rozumie „adaptačné (zjavné) alebo aluzívne (skryté) nadväzovanie jedného literárneho (umeleckého) textu na iný text (pretext)”, a zároveň „rozličné formy citácií či kvázicitácií alebo alúzií v posttexte” (Tamže, s. 9). Upozorňuje tiež na odlišnú terminológiu intertextuality v slovanskej a románskej literárnej vede (kde je zaužívaný pojem *intertextualita*) v porovnaní s anglickou (používajúcou termíny *pretext* a *posttext*) alebo nemec-kou (preferujúcou termíny *Vorlage* alebo *Prätext* a *Posttext*) (por. Tamže, s. 7).

Teória precedentnosti ako pokračovanie a rozvíjanie teórie intertextuality

Pojem intertextualita sa udomácnil aj v ruskom vedeckom prostredí, pričom nazeranie naň je možné na základe dvoch prístupov – lingvokulturologického (dôležitá je historická následnosť textov a zakódované v nich kultúrne a sociálne hodnoty konkrétneho jazykového areálu) a literárnovedného.

Znaky lingvokulturologického prístupu nachádzame v traktovaní intertextuality lingvistom J. Solodubom, podľa ktorého ide o spojenie medzi dvoma umeleckými textami rôznych autorov a v časovom vzťahu definovanými ako „skorší a neskorší” (Solodub, 2000, s. 51). N. Fatejevová rozlišuje dve stránky intertextuality – čitateľskú (výskumnú) a autorskú. Z pohľadu čitateľa je intertextualita „orientácia na (1) hlbšie porozumenie textu alebo (2) vyriešenie neporozumenia textu (textových anomálií) vďaka nadviazaniu viacrozmerných vzťahov s inými textami” (Fatejeva, 2007, s. 16), zatiaľ čo z pohľadu autora je intertextualita „spôsob genézy vlastného textu a postulovania vlastného autorského ‚JA’ prostredníctvom zložitého systému vzťahov opozícií, identifikácie a maskovania s textami druhých autorov” (Tamže, s. 20).

Literárnovedný prístup je charakteristický pre práce I. Smirnova, ktorý intertextualitu skúma v troch aspektoch: ideologickom, semiotickom a komunikatívnom (t.j. postupy, pomocou ktorých literárne dielo poukazuje „ideálnemu čitateľovi” na svoj príbeh). Podľa Smirnova je intertextualita „súčasťou širokého rodového pojmu, podľa ktorého sa zmysel umeleckého diela úplne alebo čiastočne formuje prostredníctvom odkazu na iný text nachádzajúci sa v tvorbe daného autora, v príbuznom umení, v príbuznom diskurze alebo v predchádzajúcej literatúre” (Smirnov, 1995, s. 12). N. Kuzminová v monografii *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка (Intertext a jeho úloha v procesoch evolúcie poetického jazyka)* navrhuje vlastnú definíciu intertextu: „objektívne existujúca informačná realita, ktorá je produktom umeleckej činnosti Človeka a je schopná sa do nekonečna samogenerovať na časovej osi” (Kuzmina, 1999, s. 20).

Pri výskume politického, mediálneho, reklamného a iných diskurzov (v ktorých sa na persuáziu recipienta stále využíva intertextové nadväzovanie, por. Duleba, Dulebová, 2021) je dnes pre ruských bádateľov základným znakom intertextuality precedentný fenomén.

Hyperonymický pojem precedentný fenomén sa vyvinul z pôvodného názvu *precedentný text*, ktorý sa ako predmet skúmania súčasnej lingvokulturoológie v ruskej lingvistike udomácnil už na konci minulého storočia vďaka vystúpeniu J. Karaulova na VII. Medzinárodnom

kongrese učiteľov ruského jazyka a literatúry (1986) s príspevkom *Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности (Úloha precedentných textov v štruktúre a fungovaní jazykovej osobnosti)*. Za precedentné označil texty „(1) významné pre ľubovoľnú osobnosť z poznávacieho a emocionálneho hľadiska; (2) majúce nadosobný charakter, t.j. sú dobre známe aj širokému okoliu daného jednotlivca, vrátane jeho predchodcov a súčasníkov; (3) texty, na ktoré sa v diskurze danej jazykovej osobnosti neustále odvoláva” (Karaulov, 2010, s. 216). Pokladá však za neopodstatnené spájať precedentné texty výlučne s umeleckou literatúrou, keďže môžu existovať v podobe mýtov, povestí, ústnej ľudovej slovesnosti, a zároveň precedentnými môžu byť aj biblické texty alebo publicistické diela historicko-filozofického a politického rázu. Poznanie precedentných textov je „ukazovateľom príslušnosti k danej epoche a jej kultúre, naopak, neschopnosť ich identifikácie je predpokladom pre vylúčenie zo zodpovedajúcej kultúry” (Tamže).

Na myšlienky Karaulova neskôr nadviazali ďalší ruskí lingvisti. Podľa J. Sorokina a I. Michalovovej sú precedentné texty „nomeny... ale nasledovného charakteru: sú to určité verbálne mikro- a makrojednotky (v našom prípade) plánu/scenáru ukazujúce na kognitívno-emocionálne a axiologické vzťahy v pláne/scenári, sú to určité voliteľné príznaky porovnávané s inými ‚prevzatými‘ a originálnymi príznakmi na vytvorenie ‚estetického zdania/typologického obrazu‘”, „sú to najmä prostriedky kognitívno-emocionálneho a axiologického zaostrenia zmyslového komplexu umeleckého textu ukazujúce na hĺbku individuálnej a skupinovej (sociálnej) pamäte a svedčiacej o spôsoboch umeleckého ‚spracovania‘ pre nás aktuálnych otázok a problémov” (Sorokin, Michalova, 1993, s. 104, 113). J. Prochorov navrhuje niekoľko spresnení pojmu precedentné texty: „(1) precedentné texty sú súčasťou jazykovej kultúry daného etnika, ich použitie je spojené s ich realizáciou v dostatočne stereotypnej forme v štandardných situáciách rečovej komunikácie pre danú kultúru: práve v tomto prípade môže byť precedentný text, ako súčasť pragmatikonu určitej etnokultúrnej jazykovej osobnosti, môže byť použitý v komunikácii, pretože predpokladá jeho analogickú prítomnosť u druhej osobnosti; (2) ak je samotný text súčasťou pragmatikonu osobnosti, súhrnu osobných činnostno-komunikatívnych potrieb, tak jeho použitie v reči je spojené s už lingvo-kognitívnu úroveň, t.j. systémom poznatkov o svete a obraze sveta, ktoré sa realizujú v danej etnokultúre [...]; (3) odkaz na precedentné texty má tak pragmatické smerovanie, odhaľujúce vlastnosti jazykovej osobnosti, jej ciele, motívy a smerovanie, situačné intencie, ako aj lingvo-kognitívne, ktorého

realizácia zapája osobnosť do rečovej komunikácie práve danej kultúry v danom jazyku, t.j. je namierená na určenie ‚svojho‘ medzi ‚cudzími‘” (Prochorov, 2008, s. 151-152). A. Suprun (po ňom aj J. Prochorov) hovorí o *textových reminiscenciách* (resp. *precedentných textových reminiscenciách* u Prochorova), pod ktorými rozumie „vedomé vs nevedomé, presné vs upravené citáty alebo iné odkazy na viac-menej známe skoršie vytvorené texty v zložení neskoršieho textu” (Suprun, 1995, s. 17), ako napríklad okrídlené slová, individuálne neologizmy, mená postáv, názvy diel, mená ich autorov, priame alebo nepriame upomínanie situácií a pod. V. Kostomarov a N. Burvikovová hovoria o precedentnej výpovedi, ktorá môže byť anaforická vo vzťahu k východiskovému textu, „ak je s daným textom prepojená štruktúrne a deikticky vo vzťahu k situácii, v ktorej prvýkrát vznikla” (Kostomarov, Burvikova, 1994, s. 73-74). Rozlišujú tiež ďalšie „detaily” precedentnosti, ako precedentné slovo, slovné spojenie, vetu, text, dokonca precedentnú frázu, za ktorou „stojí zmysel, nie vždy vychádzajúci zo súhrnu zmyslov tvoriacich ju slov” (Tamže, s. 76).

Vyššie spomínaná N. Kuzminová rozlišuje medzi tzv. „jadrovými” textami a precedentnými textami. „Jadrové” texty podľa nej „nezávisia od sociálno-ekonomických alebo politických predpokladov alebo od stupňa vzdelania, pretože sú zaradené do vzdelávacieho programu”, naopak, precedentné texty podliehajú móde, politike štátu, systému preferencií konkrétnej jazykovej (sociálnej) skupiny v danom časovom období (Kuzmina, 2009, s. 83).

S rôznym traktovaním jednotlivých pojmov precedentnosti sa stretávame aj v slovenskom vedeckom prostredí. E. Kollárová a J. Rybák používajú termín precedentný text, nakoľko podľa mienky J. Rybáka sú najsilnejšie pozície textu (názov, motto, začiatok a koniec) zdrojom okrídlených výrazov: „mnohé slová, slovné spojenia, vety, nachádzajúce sa v silných pozíciách – záhľavie, začiatočné frázy, koniec umeleckých diel – vyšli za hranice textu a vnikli do každodenného spôsobu života, doplnili si arzenál jazykových aforizmov ako reprodukovateľných obrazno-expresívnych jednotiek ruského jazyka” (Rybák, 1990, s. 5 podľa Virostková, 2008, s. 260). J. Sipko, jeden z najvýznamnejších slovenských bádateľov v oblasti precedentnosti, pracoval aj s pojmom literárne reminiscencie, poukazujúc na ich jednoznačnú prevahu v ruskej tlači v porovnaní s inými zdrojmi jazykových reminiscencií, kam zaraďuje biblizmy, texty piesní, príslovia a porekadlá a i. (Sipko, 1999, s. 115).

Najvýznamnejším posunom vo výskume precedentnosti bolo rozpracovanie teoretických východísk dnes známeho pojmu precedentné fenomény, o ktoré sa zaslúžili D. Gudkov, V.

Krasnychová, I. Zacharenková, D. Bagajevová. Modifikovaním pôvodnej definície precedentných textov J. Karaulova dospeli k nasledujúcej charakterizácii precedentných fenoménov: „(1) dobre známe všetkým predstaviteľom národno-lingvokultúrneho spoločenstva (majúce nadosobný charakter); (2) aktuálne v kognitívnom (poznávacom aj emocionálnom) priestore; (3) odvolávanie na ktoré sa v reči predstaviteľov toho alebo iného národno-lingvokultúrneho spoločenstva neustále obnovuje” (Krasnych, 1997, s. 9). Vzhľadom na to, že precedentné fenomény sú oblasťou výskumu tak kognitívnej lingvistiky, ako aj lingvokulturologie, z hľadiska týchto dvoch pozícií môžeme precedentné fenomény charakterizovať ako jednotky, fungujúce na úrovni jazyka, vedomia a kultúry. Ako jazykové jednotky majú precedentné fenomény slovné vyjadrenie; v komunikačnom procese nevznikajú nanovo, ale obnovujú sa; môžu meniť svoju podobu (transformovať sa) v hraniciach zachovania svojej rozpoznateľnosti. Ako jednotky vedomia sú výsledkom určitých kognitívnych operácií (redukcia, minimalizácia...); sú prostriedkom kódovania a transformácie informácií; sú modelom spracovania a hodnotenia prichádzajúcej informácie v porovnaní s už známou informáciou. Z pohľadu kultúrnych jednotiek je pre precedentné fenomény charakteristické zahrňanie istého poznania kultúrnych vlastností; vyžadujú si usúvzťažnenie s inými textami ako kultúrnymi faktami; určujú špecifiká kultúrneho priestoru (Bojarskich, 2008, s. 47).

V. Krasnychová vypracovala dnes azda najpopulárnejšiu klasifikáciu precedentných fenoménov, podľa ktorej existujú fenomény sociálno-precedentné, národno-precedentné a univerzálno-precedentné (Krasnych, 2002, s. 50-51). Etablovaným v súčasnej jazykovede je aj jej rozdelenie precedentných fenoménov na hyponymické pojmy precedentný text, precedentná situácia, precedentná výpoveď, precedentné meno (Tamže, s. 47-48).

Z prezentovanej klasifikácie precedentných fenoménov vo svojich prácach vychádzajú aj slovenskí lingvisti venujúci sa danej problematike (P. Adamka; J. Šipko; I. Dulebová; Ľ. Guzi; A. Zahorák; N. Mertová; N. Cingerová; O. Jermačkova; M. Blaho). P. Adamka obohacuje rozdelenie precedentných fenoménov o ďalšie podkategórie – precedentný údaj a precedentné pomenovanie. Precedentný údaj je „konkrétny údaj, ktorý u nositeľov jazyka má schopnosť vyvolávať široké asociácie s historickými, politickými, spoločenskými a inými udalosťami a stavmi, s ktorými je nerozlučne spätý” (Adamka, 2008, s. 6). Pre nositeľov ruského jazyka sú takými údajmi napríklad roky 988 (prijatie kresťanstva na Rusi), 1812 (vlastenecká vojna proti Napoleonovi), 1917 (Veľká októbrová socialistická revolúcia), 1945 (ukončenie Veľkej

vlasteneckej vojny) a i. Medzi precedentné pomenovania zaraďuje napríklad pojmy kolektivi-
zácia, kulak, privatizácia a pod. (Tamže). Už spomínaný J. Sipko vníma precedentné feno-
mény ako „pravidelne sa opakujúce lingvokulturémy s výraznou mierou reprezentatívnosti
najmä národných verbalizovaných hodnôt” (Sipko, 2011, s. 35). I. Dulebová a N. Cingerová
upozorňujú na dôležitosť osvojovania precedentných fenoménov v didaktickom a interkul-
túrnom aspekte, nakoľko sú jedným z prostriedkov ako sa priblížiť spôsobu vnímania sveta
nositeľa jazyka (Dulebová, Cingerová, 2021, s. 7). Zároveň rozširujú výskum precedentnosti
a intertextuality aj na neverbálne precedentné fenomény (pomníky, memoriály) a analyzujú
spôsoby aktualizácií metanaratívov minulosti prezentovaných dnes na kolektívnej úrovni,
ako aj ich potenciál pokračovať v utváraní súvisiacich diskurzov (Cingerová, Dulebová, 2020,
s. 72). A. Zahorák skúma precedentné fenomény prevažne z hľadiska translatológie a pouka-
zuje na nevyhnutnosť ich vnímania ako jazykových kódov kultúry a dejín areálu východisko-
vého jazyka prekladu (Zahorák, 2019, s. 56). O. Jermačková sa zaoberá tematikou preceden-
tnosti prevažne v aspekte jazykovej hry a potenciálu precedentných fenoménov vytvárať rôz-
norodé aktualizácie a neočakávané transformácie s cieľom upútať pozornosť recipienta (Jer-
mačkova, 2020, s. 11). Nadobúda popularitu aj výskum multimodálnych (memetických) tex-
tov z hľadiska ich intertextuality a artikulácie súčasných udalostí prostredníctvom kombiná-
cie verbálnych a neverbálnych (prevažne vizuálnych) precedentných fenoménov (Krajčovi-
čová, Dulebová, 2021, s. 99).

Teória intertextuality vytvorila dôležitý základ pre vznik a rozvoj teórie precedentnosti,
ktorá je jej logickou a terminologickou pokračovateľkou. Vzhľadom na to, že ani jeden z tex-
tov neexistuje izolovane, novovznikajúce nielen umelecké, ale aj mediálne texty v sebe nesú
odkazy na predchádzajúce texty, čím sa navzájom obohacujú, ďalej aktualizujú a dostávajú sa
tak do povedomia nových generácií recipientov. Práve častá aktualizácia je jedným z typic-
kých znakov precedentných fenoménov.

Tento príspevok je súčasťou grantového projektu VEGA 1/0452/21 *Jazyk sekuritizácie v súčas-
nom slovenskom verejnom diskurze* a projektu KEGA 003UK-4/2021 *Vysokoškolská učebnica Me-
diálna lingvistika*.

Zoznam použitej literatúry

1. ADAMKA, P. 2008. Precedentné fenomény a dekodovanie zmyslu. In: *Cizí jazyk v kontextu multikulturní Evropy* (sborník z mezinárodní konference). 2008, s. 5-10.
2. BACHTIN, M. 2012. *Sobranije sočinenij. T. 3: Teorija romana (1930 – 1961)*. Moskva: Jazyki slavjanskich kul'tur, 2012. 880 s. ISBN 978-5-9551-0500-0
3. BACHTIN, M. 1980. *Román jako dialog*. Praha: Odeon, 1980. 481 s.
4. BACHTIN, M. 1971. *Dostojevskij umělec: K estetice prózy*. Praha: Československý spisovatel, 1971. 372 s.
5. BOJARSKICH, O. 2008. *Precedentnyje fenomeny so sferoj-istočnikom „Literatura” v diskurse rossijskich pečatnych SMI (2004 – 2007 gg.)*. Nižnij Tagil, 2008. 230 s.
6. CINGEROVÁ, N. – DULEBOVÁ, I. 2021. *Kultúrne regióny Ruska*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2021, 200 s. ISBN 978-80-223-5113-3
7. CINGEROVÁ, N. – DULEBOVÁ, I. 2020. Rock beats the wall? on commemorative practices in post-Soviet Russia. In: *Journal of nationalism, memory and language politics*. Praha, 2020, Roč. 14, č. 1. s. 71-91.
8. DULEBA, M. – DULEBOVÁ, I. 2021. Reinterpretacija precedentnych imen nemeckoj literatury v rossijskom mediadiskurse In: *Funkcional'naja grammatika: teorija i praktika*. Čeboksary: Čuvaškij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet. 2021. 198 s. 406–412.
9. FATEJEVA, N. 2007. *Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti*. Moskva: KomKniga, 2007. 280 s. ISBN 978-5-484-00832-2
10. GENETTE, G. 1982. *Palimpsestes, La littérature au second degré*. Paris: Éditions du Seuil, 1982. 652 s. ISBN 978-2-02-118400-6
11. HOMOLÁČ, J. 1996. *Intertextovost a utváření smyslu v textu*. Praha: Karolinum, 1996. 115 s. ISBN 80-7184-201-X
12. JERMAČKOVA, O. 2020. Jazykovaja igra s imenami sobstvennymi v gazetnom zagolovke. In: *Pražskaja rusistika: sbornik statej konferencii*. Praha: PF UK, 2020. s. 7-14.
13. KARAULOV, J. 2010. *Russkij jazyk i jazykovaja ličnosť*. Moskva: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 s. ISBN 978-5-382-01071-7
14. KRAJČOVIČOVÁ L. – DULEBOVÁ, I. 2021. The humorous dimension of intertextual relations in contemporary Slovak creolized media text. In: *The European Journal of humour research*. Krakow: Cracow Tertium Society for the Promotion of Language Studies, 2021, VOL 9, NO 1. pp. 87-104.

15. KRASNYCH, V. 1997. Sistema precedentnych fenomenov v kontekste sovremennyh issledovanij. In: *Jazyk, soznanije, kommunikacija*, 1997, vyp. 2. s. 5-12.
16. KRASNYCH, V. 2002. *Etnopsicholingvistika a lingvokulturologija: Kurs lekcij*. Moskva: ITDGK Gnozis, 2002. 284 s. ISBN 5-994244-009-3
17. KRISTEVA, J. 1999. *Slovo, dialóg a román. Texty o sémiotice*. Praha: Sofis-Pastelka, 1999. 82 s. ISBN 80-902439-3-2
18. KOSTOMAROV, V. – BURVIKOVA, N. 1994. Kak teksty stanovjatsja precedentnymi. In: *Russkij jazyk za rubežom*, 1994, č. 1, s. 73-76.
19. KUZMINA, N. 2009. *Intertekst: tema s variacijami. Fenomeny kultury i jazyka v intertekstualnoj interpretacii*. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gos. universiteta, 2009. 228 s. ISBN 978-5-7779-1054-7
20. KUZMINA, N. 1999. *Intertekst i jeho rol' v processach evolucii poetičeskogo jazyka*. Jekaterinburg: Izd. Ural'skogo universiteta – Omsk: Omsk. gos. universitet, 1999. 268 s. ISBN 5-7525-0699-9 – ISBN 5-7779-0150-6
21. LACHMANNOVÁ, R. 2001. Intertextualita a dialogičnost. In: SEDMIDUBSKÝ, M. (eds.). *Čtenář jako výzva. Výbor z prací kostnické školy recepční estetiky*. Brno: Host, 2001. s. 243-270. ISBN 80-86055-92-2
22. MOSKVIN, V. et al. 2015. *Intertekstualnosť i figury interteksta v diskursach raznyh tipov*. Moskva: FLINTA, 2015. 352 s. ISBN 978-5-9765-2050-9
23. OTRUBA, M. 1994. *Znaky a hodnoty*. Praha: Český spisovatel, 1994. 256 s. ISBN 80-202-0464-4
24. POPOVIČ, A. ed. 1983. *Original-preklad: Interpretačná terminológia*. Bratislava: Tatran, 1983. 368 s.
25. POPOVIČ, A. 1972. Prekladateľský aspekt literárneho textu. In: *Správa o výsledkoch prvej etapy čiastkovej úlohy štátneho programu základného výskumu VIII-7-1/15 Teória textu a literárneho vývinu (1971 – 1972)*. 1972, s. 46-51.
26. PROCHOROV, J. 2008. *Nacionalnyje sociokulturnyje stereotipy rečevogo obščeniija i ich rol' v obučenii russkomu jazyku inostrancev*. Moskva: Izdatel'stvo LKI, 2008. 224 s. ISBN 978-5-382-00637-6
27. SIPKO, J. 2011. *Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturologie*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2011. 320 s. ISBN 978-80-555-0371-4
28. SIPKO, J. 1999. *Etnokulturnyj bazis russko-slovackich perevodov*. Prešov: Náuka, 1999. 143 s. ISBN 80-967602-8-9
29. SMIRNOV, I. 1995. *Poroždenije interteksta. Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorčestva B. L. Pasternaka*. Sankt-Peterburg: SPGU, 1995. 193 s.

30. SOLODUB, J. 2000. Intertekstual'nosť kak lingvističeskaja problema. In: *Filologičeskije nauki*, 2000, č. 2, s. 51-57.
31. SOROKIN, J. – MICHAĽOVA, I. 1993. Precedentnyj tekst kak sposob fiksacii jazykovogo soznanija. In: *Jazyk i soznanije: paradoksal'naja racional'nosť*. Moskva: RAN, 1993. s. 98-117.
32. SUPRUN, A. 1995. Tekstovyje reminiscencii kak jazykovoje javlenije. In: *Voprosy jazykoznanija*. 1995, č. 6, s. 17-29.
33. VIROSTKOVÁ, A. 2008. Precedentné fenomény v ruskej reklamnej tlači. In: *Médiá a text II: (zborník príspevkov z konferencie O interpretácii mediálneho textu konanej 6. 12. 2007 vo Fričovciach)*, 2008. s. 259-266.
34. WARNING, R. 2001. Imitatio a intertextualita. K dejinám lyrické dekonstrukce amorské teologie: Dante, Petrarca, Baudelaire. In: SEDMIDUBSKÝ, M. (eds.). *Čtenář jako výzva. Výbor z prací kostnické školy recepční estetiky*. Brno: Host, 2001. s. 63-99. ISBN 80-86055-92-2
35. ZAHORÁK, A. 2019. Precedent Phenomena as a Linguistic, Translation and Reception Problem, In: *A Reflection of Man and Culture in Language and Literature*. Berlin: Peter Lang, 2019. pp. 37-60.
36. ŽILKA, T. 2011. *Text a posttext. Cestami poetiky a estetiky k postmoderne*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2011. 161 s. ISBN 978-80-8094-878-8

КОНЦЕПТ «ТЕРПЕНИЕ» В РУССКОМ И СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)

Лукина Евгения Сергеевна, к.ф.н.

Институт русистики, Философский факультет, Прешовский университет в Прешове,
jevgeniya.lukina@unipo.sk

Аннотация

Článok je venovaný otázkam slovensko-ruskej frazeologickej a paremiologickej kompetencii, ktoré sú v súčasnej jazykovej situácii aktuálne. Na príkladoch ruských a slovenských parémii v článku poukazujem na axiologické črty konceptu trpezlivosti. Príspevok detailne analyzuje metódy vzniku parémii zamerané na trpezlivosť a v súvislosti s vybranou komunikačnou funkciou porovnáva ruské a slovenské slovníky príslov a porekadiel. Poukazujem na to, že koncept trpezlivosti má v ruskej a slovenskej lingvokultúre spoločné aj odlišné hodnotové príznaky.

Сведения об авторе

Лукина Евгения Сергеевна, к.ф.н. – кандидат филологических наук, преподаватель высшей школы по направлениям: русский язык и культура речи, педагогическая риторика, русский язык как иностранный, итальянский язык. Сфера научных интересов: сравнительная и когнитивная лингвистика, лингвокультурология, методика РКИ, паремиология различных языков.

Различение терминов «пословица» и «поговорка»

Многие русские и зарубежные лингвисты обращались в своих сравнительно-языковых исследованиях к паремиям, а именно к вопросам разграничения пословиц, поговорок, фразеологизмов, крылатых выражений, например, Даль В. И. (1989), Виноградов В. В. (1977), Ожегов С. И. (1974), Пермяков Г. Л. (1979), Широкова О. (1931), Дандис (1981), Млацек Й. (1983) и многие другие. При этом следует отметить, что мнения относительно определения термина паремия несколько отличаются.

В результате исследований в области паремиологической теории, Пермяков Г. Л. выявил определённые языковые признаки пословиц и поговорок, которые их

выделяют среди других паремиологических единиц. А именно то, что пословицы и поговорки имеют характер текста, представляют собой фиксированные предложения, которые никак не дополняются из контекста. (Пермяков, 1979, с. 7-61). Зарубежный лингвист Млацек Й. также в своей работе обращает внимание на замкнутость поговорки, а именно — видит в ней редукцию пословицы, или зародыш пословицы (Млацек, 1983, с. 131). Во многих случаях употребления поговорки отмечается её семантическая обобщённость, при этом по своей функции она является средством обобщения (Гаврин, 1958, с. 32).

При указании на формальный признак пословицы, Млацек Й. отмечает её императивность. При этом лингвист понимает императив не как всеобщую разделительную черту между пословицами и поговорками, а только как одно из обычных свойств пословицы (Млацек, 1983, с. 132). Дандис также определял пословицу как устойчивую фразу, предложение, в которой ни субъект, ни предикат не варьируются (Дандис, 1981, с. 11).

В процессе анализа семантики пословиц и поговорок Широкова О. в своём исследовании довольно ясно их различает: «Основным отличием пословицы от поговорки считается переносный смысл, которым обладает пословица, и отсутствие его у поговорки» (Широкова, 1931, с. 117). Здесь следует добавить, что многие русские лингвисты отмечали в пословицах поучительность содержания и цельность логического суждения. Также пословицы отличаются образной эмоциональностью и национальной специфичностью, что репрезентируется в различных концептах.

Концепт «терпение»

Исследование пословиц с одним конкретным концептом позволяет понять многообразие контекста, в котором употребляется пословица, а сравнение пословицы на разных языках расширяет понимание культурных, мировоззренческих ценностей разных народов.

В целях описания концепта, как правило, применяются специальные исследовательские процедуры толкования имени концепта и ближайших обозначений, а также проводится паремиологический анализ, который представляет собой сопоставление интерпретаций пословичных выражений с конкретным концептом и специфики

ассоциативных связей русского и словацкого языкового сознания. Таким образом, в нашем исследовании, пословицы помогают точнее понять суждение о таком явлении как терпение, а именно сходство или отличие семантики концепта в русском и словацком языках. Следовательно, мы можем согласиться с утверждением, что понятие «концепт» реализуется как квант структурированного знания, принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности (Попова, Стернин, 2005, с. 7).

Следует отметить, что не всякая пословица заключает в себе вербализацию исследуемого концепта по той причине, что «концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. В акте речи вербализуется коммуникативно релевантная часть концепта» (Попова, Стернин, 2005, с. 8). Как в русском, так и в словацком эквиваленте пословицы, отсутствие вербализации концепта «терпение» является причиной коммуникативной, поэтому «наличие или отсутствие вербализации концепта не влияет на реальность его существования в сознании как единицы мышления» (Попова, Стернин 2005, с. 8). При этом паремии с невербализованным концептом способны заключать в себе информацию одновременно о нескольких концептах, которые имеют лексическую выраженность. Для определения таких концептов используется семантико-когнитивный подход, поскольку считается, что путь исследования «от семантики единиц языка к концепту» наиболее надежен, и что анализ языковых средств позволяет наиболее простым и надежным способом выявить признаки концептов и моделировать концепт (Попова, Стернин, 2005, с. 7-9).

В случае вербализации концепта, он «по умолчанию» становится «лингвокультурным концептом (лингвоконцептом) – семантической единицей «языка» культуры, план выражения которой представляет двусторонний языковой знак». Как правило, вербализованный концепт проявляется в культурологических текстах (Воркачѐв, 2005, с. 11).

В последующих примерах словацких пословиц с вербализованным концептом, довольно часто встречаются однокоренные лексемы: **trpiet**, **trpí**, **trpiš**, **trpezlivosť**, которые имеют различные значения в статьях словацких толковых словарей и словарях синонимов. Например, в толковом словаре: **trpiet** – znášať teles.al.duš.utrpenie (перевод: терпеть — терпеть телесное или душевное страдание) (Krátky slovník slovenského

jazyka, 1987, с. 470; Historický slovník slovenského jazyka z r. 1991 – 2008), в словаре синонимов: **trpieť** – prežívať, znášať telesné al. duševné utrpenie (перевод: страдать – выживать, переносить телесные и психические страдания) (Synonymický slovník slovenčiny). Повелительная форма лексемы **trpí** образована от глагола trpieť; лексема **trpíš** – 2-е лицо ед.ч. глагола, образованного от глагола trpieť; **trpezlivosť** – vlastnosť trpezlivého človeka, vytrvalosť, strpenie (перевод: терпение – характеристика терпеливого человека, выдержка, терпение) (Slovník slovenského jazyka z r. 1959 – 1968). Таким образом, отмечается два варианта перевода глагола **trpieť** – **терпеть** и **страдать**, следовательно, в процессе перевода словацких пословиц возможно употребление любой из данных единиц, в зависимости от контекста.

Для понимания отличия или сходства семантики лексем **терпение**, **терпеть**, **страдание**, **страдать** в русском и словацком языках, необходимо также обратиться к словарным статьям русских толковых словарей (Даля В. И. (1989), Ефремовой Т. В. (2000), Ожегова С. И. (2015), Ушакова Д. Н. (1935-1940), Кузнецова С. А. (1998), Мокиенко В. М. (2007)), в которых даны следующие толкования лексем **терпеть**, **терпение** – это безропотное сохранение мужества и самообладания, настойчивость, выдержка, ожидание, надежда, физическая стойкость, страдание. Согласно толковым словарям Ефремовой Т. В. (2000), Ожегова С. И. (2015), Ушакова Д. Н. (1935 – 1940), лексема **страдание** – это физическая или нравственная боль, мучение. Проявление, выражение мучительных ощущений, переживаний. Глагол **страдать** по толковым словарям Даля В. И. (1989), Ушакова Д. Н. (1935 – 1940) означает мучиться, испытывать страдания, тяжелые, неприятные ощущения от боли (физической или душевной).

При сопоставлении словарных статей словацких и русских лексем, в определении слов **trpezlivosť** – **терпение**, **терпеть** отмечается их семантическая идентичность, однако словацкий глагол **trpieť** по своей семантике близок к русским лексемам **страдание**, **страдать**. Чтобы иметь чёткое понимание семантики употребления рассматриваемых лексем в рамках концепта «терпение», проанализируем примеры русских и словацких паремий.

При анализе русских и словацких пословиц довольно часто наблюдается общее смысловое и вербальное соответствие. Например: **Терпение всё преодолевает** –

Trpezlivosť všetko premôže (Терпение всё пересиливает), вербализация концепта выражена словами **терпение, преодолевает, пересиливает**.

Концептуальное соответствие также отмечается в пословицах: **От того терплю, кого больше люблю – Koho ľubiš, kvôli tomu najviac trpíš** (Кого любишь, из-за того больше страдаешь), однако концепт «терпение» в словацком языке вербализуется лексемой **trpí**, что переводится, как **страдаешь**. В пословицах: **Терпи, казак, – атаманом будешь – Kto trpí, ten panuje** (Кто страдает, тот и царствует), мы снова наблюдаем семантическую идентичность, но разное словесное выражение исследуемого концепта, при этом в данных примерах определяется еще один невербализованный концепт «надежда».

В случае невербализации исследуемого концепта в русских и словацких пословицах может сохраняться смысловое единство, например, **И темна ночь не навек – Keď sa zlé pomíne, všetko bude dobre** (Когда плохое закончится, все будет хорошо). В указанных паремиях речь не только о проявлении терпения, но и временности, и надежде.

Вербализованный концепт «терпение», как действие, или состояние может провозгласить результат, который отличается в русских и словацких паремиях, например: **Терпение приносит спасение – Trpezlivosť, pekná cnosť** (Терпение – прекрасная добродетель). Вербализация концепта данных паремий выражена словами **терпение, спасение, добродетель**. В русской паремии за терпение предлагается духовная награда – спасение, а в словацкой паремии за терпение наградой становится приобретение нового положительного нравственного свойства характера – добродетель. Объединяющим фактором данных пословиц является их религиозность. В следующей паре пословиц также наблюдается разный результат: **Терпенье даёт уменье – Čas a trpezlivosť ruže prináša** (Время и терпение приносят розы). В русской пословице в результате терпения приобретается **уменье**, которое может проявляться в концепте «знание». В словацкой пословице время и терпение дают эстетически приятный результат, выраженный лексемой **розы**. В обеих паремиях присутствует концепт «время».

В процессе подбора эквивалентов русским пословицам, среди словацких пословиц возможно найти более одного подходящего варианта. Например, **Любить тепло,**

любить и дым терпеть – Kto chce mať oheň, musí aj dym trpieť (Кто хочет огня, должен терпеть дым), или **Kto dym znieť nemôže, tomu ťažko zohrievať sa pri ohni** (Кто не выносит дыма, тому трудно согреться у огня). В двух словацких пословицах концепт может выражаться как вербально, так и невербально, при этом понимание семантики пословиц в русском и словацком языках идентично. Аналогичный пример можно наблюдать в следующей паре пословиц, в которых иницируется не только терпение в какой-либо трудной ситуации, но и её преодоление: **Всякую трудность терпением одолеть можно – Trpka je dobrá, kto ju môže znieť, ešte lepšia, kto ju môže zjesť** (Колочка хороша, кто может ее вынести, еще лучше, кто может ее съесть).

Заключение

На основании анализа исследовательских работ отечественных и зарубежных лингвистов относительно понимания терминов «пословица» и «поговорка», можно отметить общность научных утверждений.

В процессе сравнения русских и словацких паремий было отмечено их смысловое и формальное соответствие, то есть пословице на русском языке соответствует пословица на словацком языке.

В примерах с вербализованным концептом «терпение» также встречаются невербализованные концепты: надежда, время, знание.

На основании анализа концепта «терпение» в русских и словацких пословицах отмечается разность словесного выражения концепта, а именно в словацких пословицах часто встречается перевод лексемы **trpieť** как **страдать**, однократно встречается перевод как **терпеть**.

Сложность дефиниции **терпение** в том, что, она заключается в многих оттенках её значения, которые обусловлены национальными особенностями разных народов, их историческим прошлым.

Таким образом мы можем сделать вывод, что в русских и словацких пословицах концепт «терпение» является сложным, социально обусловленным явлением, а также имеет различные формы как лексического, так и семантического выражения, при этом смысловая идентичность паремий сохраняется.

Список использованной литературы

1. DUNDES, A. – STIBBE C. A. The Art of Mixing Metaphors: A Folkloristic Interpretation of the Netherlandish Proverbs by Pieter Bruegel the Elder. Helsinki, 1981. s. 5-71.
2. MLACEK, J. 1983. Problémy komplexného rozboru prisloví a porekadiel. In: Slovenská reč. 1983, roč. 48, č. 3, s. 129-140.
3. ВИНОГРАДОВ, В. В. 1977. Лексикология и лексикография. Москва: Наука, 1977. 312 с.
4. ВОРКАЧЁВ С. Г. 2005. Постулаты лингвоконцептологии. Антология концептов: введение. Некоторые направления современной концептологии. Волгоград: Парадигма, 2005, с. 10-13.
5. ГАВРИН С. Г. 1958. К вопросу об отличии пословицы от поговорки в современном русском литературном языке. Учен. Записки Перм. гос. пед. Ин-та. 1958. №17, с. 23-46.
6. ОЖЕГОВ С. И. 1974. О структуре фразеологии: Лексикология. Лексикография. Культура речи. Москва: Высш. шк., 1974, с.182-219.
7. ПЕРМЯКОВ Г. Л. 1979. Грамматика пословичной мудрости. Пословицы и поговорки народов Востока. Москва: Наука, 1979, с. 7-61.
8. ПОПОВА З. Д. – СТЕРНИН И. А. 2005. Основные черты семантического когнитивного подхода к языку. Антология концептов: введение. Некоторые направления современной концептологии. Волгоград: Парадигма, 2005, с. 7-10.
9. ШИРОКОВА, Ольга. 1931. Жизнь пословицы. Русский язык в школе. 1931. № 6-7. с. 117.

Словари

1. BRUKKER, G. – OPATÍKOVÁ, J. 2006. Veľký slovník cudzích slov. [online] Bratislava: Robinson, 2006. 450 s. [cit. 14-03-2021]. Dostupné na internete: <https://www.vsvu.sk/workspace/media/documents/velky_slovník_cudzích_slov-5e862893addf8.pdf>
2. HISTORICKÝ SLOVNÍK SLOVENSKÉHO JAZYKA z r., 1991 – 2008 [online]. [cit. 01-06-2021]. Dostupné na internete: <<https://www.juls.savba.sk/hssj.html>>
3. KRÁTKY SLOVNÍK SLOVENSKÉHO JAZYKA. 1987. Sloven. akad. vied. Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra. Bratislava: Veda, 1987. 587 s.
4. ĽUDO SLOVENSKÝ. Ľudové prislovía [online]. [cit. 10-03-2021]. Dostupné na internete: <<https://www.ludoslovensky.sk/prislovía>>

5. MICHÁLEK, J. – TRUP, L. 1994. Slovensko-španielska paremiológia. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 1994. 162 s.
6. SYNONYMICKÝ SLOVNÍK SLOVENČINY z r., 2004 [online]. [cit. 01-06-2021].
Dostupné na internete:
<https://www.juls.savba.sk/synonymicky_slovník.html>
7. SLOVNÍK SLOVENSKÉHO JAZYKA z r., 1959 – 1968 [online]. [cit. 01-06-2021].
Dostupné na internete: <https://www.juls.savba.sk/ssj_peciar.html>
8. ZÁTURECKÝ, A. P. 1976. Slovenské príslovia, porekadlá a úslovía. Majetok a výživa [online]. Bratislava: Tatran, 1976. [cit. 11-03-2021]. Dostupné na internete: <https://zlatyfond.sme.sk/dielo/1450/Zaturecky_Slovenske-prislovia-porekadla-a-uslovia-neznameho-vyznamu-1>
9. БАБЕНКО Л. Г. 2005. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. 2-е изд., стер. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 865 с. ISBN 5-462-00358-7.
10. ДАЛЬ В. И. 1989. Пословицы русского народа. [online]. Москва: Художественная литература, 1989. [цит. 12-04-2021]. Режим доступа: <<https://rus-dal-proverbs-dict.slovaronline.com/>>
11. ЕФРЕМОВА, Т. В. 2000. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [online]. Москва: Русский язык, 2000. [цит. 12-04-2021]. Режим доступа: <<https://www.efremova.info/>>
12. КУЗНЕЦОВ, С. А. 1998. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд., стер. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с. ISBN 5-7711-0015-3.
13. МОКИЕНКО В. М. – НИКИТИНА Т. Г. 2007. Большой словарь русских поговорок. [online]. Москва: Олма Медиа Групп, 2007. [цит. 12-04-2021].
Режим доступа: <URL: <https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com/>>
14. ОЖЕГОВ, С. И. 2015. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений. 28-е изд., перераб. Москва: Мир И образование, 2015. 1375 с. ISBN 978-5-94666-657-2.
15. УШАКОВ Д. Н. 1935-1940. Толковый словарь русского языка. [online]. Москва: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. Слов., 1935-1940. 4 т. [цит. 12-04-2021]. Режим доступа: <https://enc.biblioclub.ru/Termin/1197803_TERPET>

ЗНАЧЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ РУССКИХ ПРИЧАСТИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА – ЛИНГВИСТИЧЕСКО-ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Mgr. Monika Šnebergrová

Katedra jihoslovanských a balkanistických studií, Filozofická fakulta, Univerzita Karlova
m.snebergrova@email.cz

Аннотация

System příčastí je v ruskom jazyku veľmi bohatý. Rozlišujeme štyri typy příčastí, ktoré sa obvykle delia na činné a trpné, prítomného a minulého času. Příčastia sa používajú pomerne často nielen v náučných textoch. Pri ich preklade do iného jazyka vznikajú určité problémy. Aj keď je cieľový jazyk príbuzný, systém príčastných tvarov sa môže od ruštiny odlišovať a používať sa iným spôsobom. Prekladateľ preto musí ovládať gramatické kategórie ruských příčastí, ktoré mu pomôžu pochopiť ich význam. V predkladanom článku sa autorka venuje charakteristike základných gramatických kategórií příčastí, a to najmä vidu, času a slovesnému rodu, ako aj ich vzťahu k sémantike daných tvarov. S témou úzko súvisí problematika adjektivizácie příčastí, ktorá je súčasťou článku spolu s príkladmi sémantických rozdielov medzi „skutočnými“ a adjektivizovanými příčastiami.

Сведения об авторе

В настоящее время автор – аспирантка Философского факультета Карлова университета по специальности „Славянская филология“. В диссертации исследуется проблематика причастий в русском и южнославянских языках, прежде всего в хорватском и сербском со сравнительной точки зрения. Цель диссертации – проследить как русские причастия переводятся на сербский и хорватский языки, и можно ли доказать влияние русского языка на языки перевода. Автор также занимается педагогической деятельностью.

Применение причастий характерно для русского языка не только в рамках научных текстов – их можно встретить в художественной литературе и публицистике. В

европейских и других языках встречаются эквивалентные формы, находящиеся более или менее на пределах двух частей речи. Иногда возникают трудности, главным образом, при переводе с одного языка на другой, где причастия появляются намного реже, чем в языке оригинала. Разные типы причастий также способствуют проблемам. Примером может послужить пара языков русский – чешский. В русском языке существует система четырех типов причастий с довольно широким использованием, в чешском языке, тоже, система четырех типов причастий – три типа похожи на русские причастия, один тип отличается; но они используются с меньшей частотой. Вторым примером – пара русский и хорватский/сербский языки – куда более проблематична, так как во вторых названных языках проблематика причастных форм довольно мало исследована. В таком случае для перевода целого высказывания с причастием (или даже большим количеством причастий) оказывается существенным понятие конкретного причастия во всех его аспектах, как например выражение времени, залога или процессуальности. Для этого придется осознать, какими грамматическими и синтаксическими функциями причастия обладают, и какие их особенности, например в отношении к аналогичным функциям определенных форм глаголов. Проблематика причастий тесно связана с самым понятием причастий как глагольных или адъективных форм. Согласно нижеприведенным характеристикам причастий, мы их воспринимаем как межязычные явления, входящие благодаря своему выражению времени, залога и вида в группу неопределенных глагольных форм.

В прошлом веке, уделялось в чешской среде довольно много внимания проблемам встречающимся при переводе с русского на чешский язык, в том числе и причастиям. Бесценные пособия для перевода – это сравнительные грамматики (*Kapitoly ze srovnávací mluvnice české a ruské*, Русская грамматика V. Barnetové a kol.). Между тем, не только развитые корпусы языков несут с собой требование провести новое исследование этой проблематики с учетом на современное состояние мышления о языке.

Категории причастий

В группе причастий можно выделить категории грамматические, обычно разделяемые в категории глагольные и адъективные, и категории синтаксические. Глагольными категориями считаются вид, залог, возвратность, наклонение и время,

адъективными категориями род, число, падеж и одушевленность (Сай, 2011). Однако, в настоящее время внимание акцентируется на синтаксических функциях причастий, для которых С. С. Сай (Сай, 2011) приводит, на основе теории ван дер Ауверы и Малчукова (van der Auwera, Malchukov, 2005), для русских причастий пять основных синтаксических функций.

Мимо рамки грамматических категорий можно причастия охарактеризовать также их способностью передавать действие как признак во времени (Виноградов и кол., 1960, с. 504). Именно эта способность их связывает с категорией глаголов. Другие связи с глаголами - это лексическое значение корня, модели валентности, способность присоединять зависимые члены предложения и тем составлять самостоятельные предложения как часть сложного предложения (Сай, 2011). К этим способностям добавляется еще и способность сохранять значение переходности или непереходности, связывающая определенное причастие с мотивирующим глаголом, точнее с его категориальным и лексическим значением (Шелякин, 2001, с. 138). Наоборот, вышеперечисленные номинальные категории и синтаксическая дистрибуция (способность выступать в роли определения, совпадать в определенных грамматических категориях с именем существительным и развивать его, у некоторых причастий также способность образовывать вместе со связочным глаголом сказуемое) связывают причастия с прилагательными. Вышеприведенные глагольные категории могут послужить показателем того, идет ли речь в данном случае о причастии, или уже о прилагательном. Такая разница может оказаться существенной для понятия и перевода высказывания. Это можно рассмотреть в примерах. Выражения *Самолет вылетел в 10 часов* и *Вылетевший в 10 часов самолет...* (Шелякин, 2001, с. 138) сходятся в лексическом значении, даже если действие в первом случае выражается определенной формой глагола, а во втором причастием. Для сравнения: перевод обоих словосочетаний мог бы выглядеть следующим образом: *letadlo odletělo v 10 hodin* и *letadlo, které odletělo v 10 hodin*. В чешских словосочетаниях лексическое сходство заметно на первый взгляд, также из-за того, что русское действительное причастие прошедшего времени можно перевести на чешский похожей формой только с большими затруднениями. В сложных предложениях *Самолет, который вылетел в 10 часов, опоздал.* = *Самолет, вылетевший в 10 часов, опоздал* (Шелякин, 2001, с. 138) лексическая синонимность совсем очевидна. Перевести

данные предложения на чешский язык возможно без затруднений только с помощью относительного предложения (...*které odletělo*...). Лексическое сходство причастия и определенной формы глагола можно наблюдать также в других примерах. Итак, например причастие *сделавший* в предложении *Утешало его и то, что сделавший это американец скорее всего уже мертв* (Браун, Д. Ангелы и демоны) можно заменить определенным глаголом (...*, что американец, который это сделал, ...*) и значение предложения не изменится. На чешский язык опять будет затруднительно перевести причастие какой-то похожей формой, и поэтому бы здесь переводчик скорее всего опять использовал определительное предложение (*Konejšilo ho i to, že Američan, který to udělal, ...*). Но, с другой стороны, если рассмотреть предложения (1) *Правда, у него оставалась возможность успеть на поезд, **уходивший** в половине десятого* (Ларссон, С. Девушка с татуировкой дракона); (2) *Длинный безвоздушный туннель, **уходивший** вдаль, напомнил Пауэллу об огромной работе, сделанной Первой экспедицией с ее убогим снаряжением* (Азимов, А. Я, робот), то становится ясным, что причастие *уходивший* в первом предложении выражает движение, а во втором постоянное свойство неживого предмета. При сохранении оригинального значения можно причастие *уходивший* заменить определенной формой глагола в относительном предложении ...*который уходил*... только в первом предложении. При переводе на чешский язык возможно в обоих случаях использовать причастие, но, не действительное причастие прошедшего времени, а настоящего, хотя и в каждом предложении созданного от другого глагола (*odjíždějící* и *vedoucí / táhnoucí se*). Кроме того, в переводе на чешский возможны в обоих примерах определенные формы глагола в относительном предложении (...*který odjížděl*... и ...*který vedl / se táhl*...). Впрочем, тогда возникает проблема с количеством придаточных предложений при переводе второго примера и с исчезновением значения постоянного свойства предмета.

Выражение залога и времени в причастиях

По традиционному семантическому подходу к выражению залога в причастиях, причастия делятся на действительные и страдательные. По образованию и семантическому значению – действительные причастия являются носителями действительного признака и образуются от переходных и непереходных глаголов, страдательные

причастия несут признак страдательный и их можно образовать только от глаголов непереходных (Шведова и кол, 1980, с. 663). Но, к приведенному разделению ставится сегодня критично понятие синтаксическое, подчеркивая при этом, что свойства причастий нельзя определять прямо на основании их семантических ролей, а также способностей основных отношений диатезы мотивирующего для причастия глагола. Значит, нужно учитывать типичное взаимоотношение семантических ролей и синтаксических позиций данного глагола. Итак, действительные причастия – это такие причастия, помощью которых релятивизируют позицию субъекта, а страдательные причастия такие, помощью которых релятивизируют позицию прямого дополнения. С учетом на приведенное, определенную проблему составляют причастия, образующиеся с помощью суффиксов – *-ущ-* (*-ющ-*), *-ащ-* (*-ящ-*), *-вш-* и *-ш-* от возвратных глаголов со страдательным значением (напр. *Строящаяся в Дагестане табачная фабрика со временем также могла бы стать инвестором производства табачного листа в регионе и его потребителем (...)*. Жизнь национальностей, 2004) (Сай, 2011). "Возвратные" причастия можно разделить на два типа: причастия, соответствующие своим значением действительным возвратным глаголам, и причастия, соответствующие значению несовершенного пассива с постфиксом *-ся*. Второй тип возвратных причастий синонимичен страдательным причастиям настоящего и прошедшего времени без постфикса *-ся*. В многих случаях именно эту форму предпочитают причастия с суффиксом *-мый*. Кроме того, ее преимуществом является также способность образовываться от глаголов, от которых нельзя образовывать причастие на *-нный* (пр. *Дом, строящийся...* – не совсем подходящим было бы причастие "*строимый*"; *Слово, пишущееся с большой буквы* – причастие "*писанное*" здесь использовать нельзя) (Шелякин, 2001, с. 139-140). Такое богатство причастных форм в русском языке может иногда вести к проблемам при переводе, в том случае, если необходимо в переводном тексте в некоторой мере сохранить богатство форм. Так, выражение *дом, строящийся...* можно на чешский язык перевести с помощью причастий: *dům, stavící / stavějící se...* или *dům, stavěný...* Первый пример может показаться носителю языка не очень удачным (приведенные причастия используют чаще в значении "имеющий мнение"; редкие примеры использования данного причастия в том же значении, как и в русском примере, можно все-таки найти в Чешском национальном корпусе), второй пример теряет динамичность действия,

включенную в русское действительное причастие настоящего времѣни. Самый подходящий перевод – перевод с помощью относительного предложения *dům, který se staví...* Это, с семантической точки зрения, несомненно правильно, но с учетом частого, по сравнению с чешским языком, присутствия причастий в русском тексте придется обдумывать еще и другие возможности перевода. На этом месте можно привести еще и другие примеры с возможными переводами на чешский: (1) *Тем более что во времена Донателло эта связь была более явственной, чем сейчас, – это был кенотаф посреди кладбища, правда, поднятый на очень высокий постамент, что позволяло ему соотноситься с церковью, и с основных точек зрения читающийся на фоне неба* (С. А. Еремеева. Лекции по истории искусства) – *...který je možné číst na pozadí nebe.../...se dá číst...* (2) *Уже давно известно, что фосфаты, содержащиеся в синтетических моющих средствах, при попадании в водные объекты способствуют увеличению численности водорослей* (Форум: Моющие средства (альтернатива)). – *...které jsou obsaženy... / ...obsažené v...*

Разница между причастиями настоящего и прошедшего времени часто описывается следующим образом: причастия настоящего времени выражают одновременное действие, а причастия прошедшего времени действие, предшествующее какому-нибудь другому действию. Но не всегда причастиями пользуются в прямой связи с тем, как бы в данной ситуации использовали определенные глагольные формы. Тогда необходимо определить время, выражаемое причастиями не только по их грамматической форме, но и в соотношении с другим действием (Сай, 2011). Это тесно связано с требованием различать, когда причастия - носители значения абсолютного времени (пр. (3) *Я получил письмо от друга, живущего в Киеве.*), а когда значения релятивного времени (пр. (4) *Я увидел / вижу мальчика, приносившего / принесшего мне письмо.*) (Шелякин, 2001, с. 140). В переводе на чешский могут приведенные примеры звучать следующим образом: (3) *...který žije / žijící...*, (4) *...přinášejícího / který mi přináší... / ...který mi přinesl...* В чешской академической *Русской грамматике* (Barnetová a kol., 1979) проблематика дополнена характеристикой временного контраста посредством контраста тзв. процессуально-страдательного члена (страдательные причастия настоящего времени) со значением действия одновременного действию подлежащего, и тзв. процессуально-результативного (перфективного) члена со значением тзв. причастного не-прошедшего (настоящего) времени, выражающего действие предшествующее другому действию.

Данную проблематику дополняет С. С. Сай (Сай, 2011) интересным и характерным примером: *Первые три читателя, дозвонившиеся в редакцию и правильно ответившие на вопросы, получают по тысяче рублей каждый* (Вечерняя Москва). В приведенном примере действительные причастия прошедшего времени относятся к будущему. Самым простым способом перевода на чешский язык кажется конструкция с относительным предложением, но тогда определенные формы глаголов должны нести временной признак соответствующий семантическому времени оригинального предложения (а не грамматическому). В таком случае нам придется использовать настоящее (простое будущее) время глагола совершенного вида (...*kterí se dovolají a správně odpoví...*). Приведем еще один похожий пример: *Громадный эффект воздействия: один грамм вещества может содержать от одного до ста квинтиллионов (10^{18} - 10^{20}) активных молекул патогена, и если это молекулы амплифицирующихся РНК или ДНК, каждая молекула, **попавшая** в организм, будет размножаться и заражать окружающие особи (в последнем заключается принципиальное отличие от химического оружия)* (А. С. Спиринов. Фундаментальная наука и проблемы экологической безопасности // «Вестник РАН», 2004) – ...*která se dostane....*

Вид в причастиях

Сохранение вида – еще одна из особенностей, позволяющих отнести причастия к категории глаголов. Уже вид мотивирующего глагола влияет на самые возможности образования причастий – так, от глаголов несовершенного вида регулярно образуются причастия настоящего и прошедшего времени, от глаголов совершенного вида только причастия прошедшего времени (это касается прежде всего литературного языка). Однако, категория вида у причастий не совпадает полностью с категорией вида у определенных форм глаголов – причастия могут включать в себя интерпретацию, отсутствующую у соответствующих определенных форм, а наоборот интерпретация вида определенной формы глагола может у соответствующего причастия отсутствовать.

В течение процесса образования причастий видовая основа остается в отношении к мотивирующему глаголу неизменной, но, с точки зрения содержания, необходимо анализировать меру согласия вида определенных и неопределенных форм у каждого причастия отдельно (Князев, 2007, с. 492-493). Причем самые большие различия в

отношению к виду между причастием и определенной формой глагола можно наблюдать у действительных причастий и страдательных причастий прошедшего времени (Князев, 2007, с. 492-493).

Что касается семантики, целая система вида у причастий является равномерной: с одной стороны, ее образуют одновидовые причастия настоящего времени несовершенного вида, а с другой стороны, парные причастия прошедшего времени. Значит, видовая система выглядит следующим образом: *читающий, читаемый и читавший / прочитавший, читанный / прочитанный*. У парных причастий существует еще другая неравномерность – действительные причастия прошедшего времени образуют видовую оппозицию довольно регулярно, в отличие от страдательных причастий прошедшего времени, у которых преобладают причастия совершенного вида (этот факт затем влияет на возможность их адъективации). Однако, нельзя забывать, что функциональные свойства вида причастий определяют также их залог и их предикативно-атрибутивная функция (Шелякин, 2001, с. 140).

Значительные различия наблюдаются в значении совершенного вида страдательных причастий прошедшего времени и соответствующих определенных форм глагола. Несмотря на вид мотивирующего глагола, данные причастия могут передавать значение оконченного действия (выраженное главным образом совершенным видом) и состояния в смысле результата действия. Это касается причастий от глаголов несовершенного и совершенного вида (хотя разница более заметна у причастий от глаголов СВ) (Князев, 2007, с. 485-488).

Вышеупомянутое ведет к заключению, что при переводе причастий, нельзя придерживаться только значения мотивирующего глагола, но скорее всего, семантического значения определенного причастия в данном предложении.

Проблематика адъективации причастий в контексте перевода

Зачем следовало детально изучать вид причастий, видно при взгляде на способность причастий адъективироваться – как правило, если причастие теряет значение вида, то открывается возможность его адъективации. Способность адъективироваться свойственна разным типам причастий не одинаково. Но, тут появляется основное затруднение – нельзя определить резкую границу между прилагательным и

причастием, так как способность адъективироваться исходит из самой природы русских причастий, которая может проявить себя в большей или меньшей степени у каждого причастия (Сай, 2011).

Одно из условий адъективации описывает Н. Ю. Шведова (Шведова и кол., 1980, с. 663) как значение действия в смысле свойства или признака, слабо определенного по времени. В примечании дальше приводится, что одно развитие адъективных значений еще не перемещает причастия в категорию прилагательных, особенно если адъективные значения в то же время сохраняют связь со значениями времени, вида и залога соответствующих причастий (Шведова и кол., 1980, с. 663). В таком случае придется ориентироваться также на другие свойства прилагательных: способность образовывать краткие формы, образовывать степени сравнения и связываться с прилогами меры.

При переходе причастия в прилагательное, можно заметить два явления: во первых, причастие используют в переносном смысле и прилагательное потом приобретает омонимическое значение; во вторых, причастие переходит в категорию прилагательных без приобретения нового значения; но на основе вида, времени и залога оно получает дополнительные семантические значения, типичные для отглагольных прилагательных. В таком случае причастие не теряет полностью связи со своими исходными категориями, но теряет признак проявления во времени (напр. *Плавающие бревна загромождали реку, а Плавающие танки принимали участие в маневрах*). Речь идет о функциональном переходе; тогда исчезает даже управление, типичное для причастий (напр. *любимый всеми, а любимый торт*) (Шелякин, 2001, с. 142).

На этом месте рассмотрим свойства причастий, способствующие или препятствующие адъективации. Так, прошедшее время больше препятствует адъективации, чем настоящее со значением одновременности с действием определенной формы глагола. Невершенный вид также не оказывается серьезным препятствием адъективации; наоборот, им является действительный залог, значение процессуальности и наличие видовой пары причастий. Итак, довольно ясно, что меньше всего адъективируются действительные причастия прошедшего времени. Что касается страдательных причастий настоящего времени, то, также из-за их ограниченного использования, нет согласия около широты возможности их адъективации.

Довольно большая возможность адъективации у действительных причастий настоящего времени и у страдательных причастий прошедшего времени. Одна из причин довольно частой адъективации вторых названных – это факт, что их редко используют вместе с реальным источником действия. В этом случае, их помогает различить орфография, когда причастия пишутся с двумя *-нн-*, а прилагательные с одним *-н-*; пусть это правило применяется не всегда тщательно, что свидетельствует о том, как данную форму ощущает сам писатель. Довольно простой адъективации страдательных причастий прошедшего времени способствует и их результативное значение. Однако выходит, что у адъективации причастий причины не только семантические, но и грамматические – связь между семантикой и грамматическими категориями причастий оказывается их отличительной чертой.

Заключение

Хотя и причастия свойственны для русского литературного языка, в обучении русскому языку как иностранному или в сочинениях, посвященных переводу с русского языка, им часто не уделяется заслуженное внимание в связи с тем, насколько часто они встречаются в текстах. Для правильного понимания русского текста следует понимать отдельные причастия, а не только знать их мотивирующий глагол и способ их образования. Как указано в статье, в многих случаях причастие более или менее семантически удаляется от своего мотивирующего глагола, прибавляет себе новые значения и функции, а другие теряет. Одним из основных факторов понятия значения причастия в предложении являются его грамматические категории, отличающиеся иногда от категорий определенных форм глагола. Это видно прежде всего в случае, когда причастие перешло в категорию прилагательных, и обе формы – "настоящее" причастие и адъективированное причастие – существуют друг возле друга, формально выглядят одинаково, но семантически существенно различаются. Поэтому при переводе с русского языка необходимо учитывать не только семантическое значение причастия в связи со значением его мотивирующего глагола, но и его функцию в предложении и грамматические категории – особенно вид, время и залог.

Список использованной литературы

1. BARNETOVÁ, V. a kol. *Русская грамматика 1*. Praha: Academia, 1979.
2. HÖCK, Ch. *Zur syntaktischen und kommunikativen Struktur slavischer Partizipial- und Gerundialkonstruktionen*. München: Verlag Otto Sagner, 1979. ISBN: 3-87690-165-0.
3. ISAČENKO, A. *Gramatická stavba ruštiny v porovnaní so slovenčinou. Morfológia II*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1960.
4. RAJNOCHOVÁ, N. – RUNŠTUKOVÁ, N. – VAVŘÍN, M. *Korpus InterCorp – ruština, verze 13 z 1. 11. 2020*. [online]. Praha: Ústav Českého národního korpusu FF UK, 2020. Dostupné na internetu: <<http://korpus.cz>>
5. VAN DER AUWERA, J. – MALCHUKOV, A. *A semantic map for depictive adjectivals*. In: HIMMELMANN, Nikolaus P., SCHULTZE-BERNDT, Eva (eds). *Secondary predication and adverbial modification. The typology of depictive constructions*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
6. ВИНОГРАДОВ, В. В. и кол. *Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология*. Москва: Издательство АН СССР, 1960.
7. ВОЙВОДИЧ, Д. П. К проблеме грамматического статуса причастных форм / конструкций в славянских языках. In: *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*, 2016. Т. 15. № 2.
8. БОНДАРКО, А. В. *Глагольные категории в системе функциональной грамматики*. Москва: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. ISBN: 978-5-94457-315-5.
9. БОНДАРКО, А. В. *Теоретические проблемы русской грамматики*. Санкт-Петербург: С.-Петербургский государственный университет, 2004. 5-8465-0265-2.
10. БОНДАРКО, А. В. *Теория морфологических категорий*. Ленинград: Наука, 1976.
11. БОНДАРКО, А. В. – БУЛАНИН, Л. Л. *Русский глагол*. Ленинград: Просвещение, 1967.
12. КАЛАКУЦКАЯ, Л. П. *Адъективация причастий в современном русском литературном языке*. Москва: Наука, 1971.
13. КНЯЗЕВ, Ю. П. *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*. Москва: Языки славянских культур, 2007. ISBN: 5-9551-0178-0.
14. *Национальный корпус русского языка* [online]. Copyright © 2003-2021. Режим доступа: <<https://ruscorpora.ru/new/>>

15. ШВЕДОВА, Н. Ю. и кол. *Русская грамматика. Том II. Синтаксис*. Москва: Издательство Наука, 1982.
16. ШВЕДОВА, Н. Ю. и кол. *Русская грамматика. Том 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология*. Москва: Издательство "Наука", 1980.
17. ШЕЛЯКИН, М. А. *Функциональная грамматика русского языка*. Москва: Издательство "Русский язык", 2001. ISBN: 5-200-03024-2.
18. САЙ, С. С. (2011). Причастие. In: *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* [online]. На правах рукописи. М. 2011.
Режим доступа:
<<http://rusgram.ru/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B5>>

АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ О СИБИРИ: ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Марина Васильевна Трунова, Анна Владимировна Хизниченко, канд. филол. наук

Кафедра русского языка, филологический факультет, Томский государственный университет, trunova87@yandex.ru, anna_khiznichenko@mail.ru

Аннотация

The interrelations between culture and language has long been studied and considered in the methodology of Russian as a foreign language, but the most interesting today are the possibilities of aspect learning in a specific language environment. This article describes the possibilities of using poetic texts of Tomsk writers, defines meaningful parameters of learning in the linguistic and historical aspect. Having included in the process of teaching international students a linguistic and local history component, we create an educational situation of cultural dialogue, expand their ideas about Siberian mentality for full mastery of the Russian language.

Сведения об авторах

Марина Васильевна Трунова – окончила ТГПУ по специальности «Учитель русского языка и литературы», в настоящее время студент 1 курса магистратуры филологического факультета ТГУ по направлению «Русский язык как иностранный».

Анна Владимировна Хизниченко – доцент кафедры русского языка, автор более 40 научных работ по лингвосенсорике, идиостилю Б. Пастернака и других писателей, а также автор статей по методике преподавания русского языка как иностранного.

При современном подходе к методике преподавания РКИ доминирующей и первостепенной целью обучения считается формирование у иностранных студентов коммуникативной компетенции. Существует множество подходов к трактовке компонентного состава коммуникативной компетенции, но при этом большинством методистов признается тот факт, что неотъемлемой ее частью является культурный компонент.

Нет сомнения в том, что развитие страноведческой и лингвокраеведческой компетенции учащихся имеет большое значение для успешного овладения языком на разных этапах обучения. Знания о стране культурного и социального характера, удовлетворяющие всем коммуникативным и познавательным потребностям иностранных учащихся, выступают мощнейшим стимулом для работы со всеми видами речевой деятельности и способствуют становлению общеучебных умений и навыков.

Каждая культура, каждый язык состоит из национальных и межнациональных компонентов. В той области, где две культуры совпадают и пересекаются, преподаватель РКИ может использовать перевод на язык-посредник или указание на соответствие элементу родной культуры, но в области несовпадения реляционно-переводная методика абсолютно бесполезна. В учебном пособии Е.М. Верещагина и В. Г. Костомарова говорится о необходимости «вырабатывать в сознании обучающихся понятия о новых предметах и явлениях, не находящих аналогии ни в их родной культуре, ни в их родном языке. Следовательно, речь идет о включении элементов страноведения в преподавание языка, но это включение качественно иного рода по сравнению с общим страноведением. Так как мы говорим о соединении в учебном процессе языка и сведений из сферы национальной культуры, такой вид преподавательской работы предлагается назвать лингвострановедческим преподаванием» (Верещагин – Костомаров, 1990, с. 30).

Лингвокраеведческий аспект в системе обучения РКИ направлен на реализацию конечной цели обучения и ориентирован на учет особенностей места проживания и обучения иностранных учащихся. Лингвокраеведческая компетенция включает в себя систему знаний о локальной культуре, извлеченных из языковых единиц, обладающих регионально-культурной коннотацией. Совокупность лингвокраеведческих умений позволяет осуществлять речевую деятельность на русском языке применительно к культурному пространству края, региона, города. Поскольку развитие лингвокраеведческой компетенции у иностранных учащихся является важнейшей и неоспоримой составляющей учебного процесса, появляется необходимость включения текстов регионально-художественной литературы в курс РКИ. В рамках нашего исследования был изучен поэтический текст томского писателя Сергея Заплавного, являющийся репрезентантом региональной культуры и представляющий некоторые факты и

особенности Томской области (климат, рельеф, природные ресурсы, исторические памятники архитектуры). Изучение региона на основе художественных произведений предполагает многогранную работу с текстом, его составляющими и различными языковыми единицами, через которые проявляется связь языка и культуры. Поэтические тексты региональных поэтов способствуют активизации у студентов интереса к иной культуре, облегчают процесс снятия коммуникативных и психологических барьеров в общении.

Для успешной работы с региональными художественными текстами иностранным учащимся необходимо овладеть краеведческими знаниями о Томске на предшествующих уроках: общая характеристика региона, климат, особенности географического положения, основные исторические факты, региональные праздники и традиции, современная жизнь города. Это успешно реализуется в рамках кампусных курсов по РКИ и «Русского клуба» в Томском государственном университете: студенты знакомятся с особенностями региона, активно пользуясь массовым открытым онлайн-курсом «Зарисовки о Сибири. Город Томск», учебником «Томские этюды. Изучаем русский язык на текстах о Сибири» и другими материалами.

В методической литературе в зависимости от готовности аудитории к восприятию поэтических произведений выделяются разные подходы и разные этапы интерпретации текста: они включают в себя и работу, направленную на понимание текста, и рассмотрение изобразительных средств и образного строя произведения, и лингвистическое комментирование новой лексики. Цель предтекстового этапа работы с краеведческим текстом – заинтересовать учащихся данным художественным произведением о регионе или городе, в котором они живут, ведь основу лингвокраеведческой компетенции составляют региональные фоновые знания, вызывающие смысловые ассоциации у иностранных студентов. Преподаватель должен мотивировать студентов на прочтение и понимание стихотворения, несмотря на возможные трудности, связанные с интерпретацией единиц фоновой лексики, встречающихся в тексте.

Ю.С. Сабаяева отмечает, что «в качестве предтекстовой работы может выступать сообщение биографических сведений о поэте, чьё произведение предложено для анализа. Сведения, предлагаемые учащимся, должны быть достаточными, в то же время

не должны быть перегружены информацией. Следует выбрать самые яркие и запоминающиеся факты из жизни автора» (Сабаева, 2017, с. 88).

Заплавный Сергей Алексеевич – поэт, прозаик, член Союза писателей России, член Совета старейшин Города Томска, автор более 20 поэтических и прозаических книг, изданных в Москве и Сибири. Значительная их часть посвящена Томску, его истории, его людям: повести «Земля с надеждой», «Рассказы о Томске», «Чистая работа», «Неистовый Ростислав», романы «Укрепи мою память», «Клятва Тояна», альбомы «В краю кедровом», «Томские просторы». Важное значение для Томска имело выступление писателей С.А. Заплавного и Т.А. Калёновой (жены писателя) в мае 1989 года в еженедельнике «Литературная Россия». В открытом письме «Отнятое право» они подняли вопрос о тех ведомственных преполах, которые мешали Томску получить статус исторического города. В «Красном знамени» появляется постоянная рубрика «Быть ли Томску городом историческим», где идут общественные обсуждения на предприятиях и в учреждениях города и области, в Министерство культуры РСФСР были направлены официальные запросы, а в 1990 году Томск получил статус исторического города.

В работу с художественными текстами краеведческой направленности на уроке РКИ предлагается включить стихотворение С. Заплавного «На трёх холмах». После первого прочтения следует обратить внимание учащихся на малознакомые или неизвестные слова (в тексте, приводимом ниже, они выделены жирным шрифтом):

*На трёх **холмах**,
на четырёх **ветрах**,
в **краю таёжном**
посреди Сибири
стоит мой город
над рекою синей,
стоит и **отражается**
в **веках**.*

*От белых **рощ**,
от гордых **теремов**,
одетых в деревянные **узоры**,
родные начинаются
просторы.
Дороги в мир.
И **зрелость**.
И **любовь** (2004).*

Притекстовая работа предполагает выразительное прочтение стихотворения преподавателем, и далее в ходе аудиторной работы закладывается основа понимания смысла анализируемого текста, у студентов формируется начальное представление о

нём. Лингвистический аспект особенно ярко проявляется именно на этапе притекстовой работы.

При комментировании первой строки стихотворения следует актуализировать краеведческие знания и упомянуть о трёх главных возвышенностях Томска и Томской области, отметив при этом, что рельеф региона, расположенного в юго-восточной части Западно-Сибирской равнины, в большинстве своем отличается исключительной равнинностью, а также дать определение понятию «холм», используя наглядно-контекстную выборочную семантизацию, привлекая при необходимости визуальные опоры или родной язык обучающихся.

Самой главной возвышенностью в Томской области является Воскресенская гора, именно здесь был заложен город. Горой её называют только потому, что это самая высокая точка города, но на самом деле это обрывистый холм в северо-западном районе, на слиянии рек Томь и Ушайка. При семантизации новой лексики («холм», «гора», «равнина», «рельеф» и др.) интерес учащихся можно привлечь, используя запоминающиеся факты, так как без страноведческого фона коммуникация затрудняется или даже вовсе становится невозможной.

В учебном пособии «Томские этюды. Изучаем русский язык на текстах о Сибири» под редакцией Н.Г. Нестеровой приводится исторический факт, относящийся к 19 в., с которым можно познакомить учащихся на притекстовом этапе работы со стихотворением: «На Воскресенской горе, где раньше стояла крепость, построили пожарную вышку. С Воскресенской горы и сегодня весь город виден как на ладони. На самой высокой точке вышки дежурил пожарник. Сигналом о том, что в городе случился пожар, служили воздушные шары красного, синего и белого цвета. В каждом районе города был свой цвет шаров, их надували пожарные на башне. По цвету шара определяли, в каком районе города пожар и из какой полицейской части надо везти воду. Так были спасены многие деревянные строения, которые дожили до сегодняшнего дня» (Нестерова и др., 2016, с. 12).

Поскольку в стихотворении С. Заплавного говорится о трёх холмах, следует познакомить учащихся также с горой Кулайкой, являющейся объектом культурного наследия, и рассказать студентам, какое место занимает гора в культуре сегодняшних сибиряков. Завершить работу по семантизации лексики, относящейся к теме «Рельеф»,

предполагается кратким рассказом о Синем Утесе с использованием различных визуальных опор, видеоматериалов краеведческой направленности, а также привлекая пособие «Томские этюды. Изучаем русский язык на текстах о Сибири»: «Геологический памятник природы Синий утёс – это крутой обрыв к реке Томи с обнажением каменных пород. Голубовато-серый цвет пород и дал название утёсу. Вскоре после основания Томска на Синем утёсе была поставлена сторожевая башня. С неё когда-то караульщики передавали сигналы сторожам Лагерного сада, а оттуда новости попадали защитникам Томской крепости. Здесь же находится старинная церковь, построенная в 1644 году» (Там же, с. 137).

Не следует упускать возможности мотивировать краеведческий интерес учащихся с помощью художественного текста, ведь его содержательная ценность определяется его страноведческим наполнением. В учебном пособии Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова также отмечается, «чем больше текст содержит страноведческих сведений, чем существеннее они для нашей культуры, чем легче они воспринимаются и запоминаются, тем выше его содержательная ценность» (Верещагин – Костомаров, 1990, с. 116).

Продолжая работу с новыми языковыми единицами, целесообразно обратить внимание учащихся на словосочетание «в краю таежном», рассказав студентам о природных богатствах Томского края, отмечая и то, что большая часть территории региона труднодоступна, так как 63% от общей площади области занимает тайга, в которой произрастают сосна, сибирский кедр, ель, пихта, берёза, осина. Томские леса всегда обеспечивали жителей области, России и других стран древесиной, пушниной и ягодами, орехами, грибами. Например, сибирский кедр известен ценной древесиной и кедровыми орехами. В ходе дальнейшей работы с новой лексикой студентам предлагается поразмышлять над значением слов «посреди», «рощи», «просторы». Поскольку новую лексику мы вводим через контекст поэтического текста, то используем здесь демонстрирующую семантизацию, сведения о языковой единице сообщаются непосредственно через демонстрацию обозначаемого явления, возможно с помощью языковой догадки. На данном этапе можно предложить студентам ответить на вопросы: «Почему автор упоминает именно «белые рощи»? Как вы думаете, связано ли это с зимним временем года или же все-таки с деревьями, которые произрастают в этих

рощах?». Здесь можно затронуть непосредственно семантику слова «береза», заключающую в себе информацию страноведческого характера, обратившись к этнолингвистическому словарю «Славянские древности» под ред. Н.И. Толстого: «Береза – одно из наиболее почитаемых деревьев (наряду с дубом, вербой и др.) дерево «счастливое», оберегающее от зла, и одновременно вредоносное, связанное с нечистой силой и душами умерших. Во многих поверьях, обрядах и фольклорных песнях береза символизирует женское начало и противопоставляется дубу (реже другим деревьям) как мужскому символу» (Толстой, 1995, с. 156).

Так как в процессе обучения русскому языку иностранных студентов формирование лингвокраеведческих знаний осуществляется с помощью введения различных языковых единиц с регионально-культурной семантикой, то специально отобранный, специфический языковой материал должен отражать многочисленные особенности региона изучаемого языка. В завершении работы на притекстовом этапе студентам предлагается поразмышлять над лексическим значением слова «терема», указав на причастный оборот «одетых в деревянные узоры». При возникновении трудностей семантизации данной лексемы, следует использовать наглядно-визуальные опоры и определение из словаря С.И. Ожегова: «ТЕРЕМ, -а, в тереме и в терему, мн. -а, -бв, м. В Древней Руси: высокий богатый дом с покатой крышей, с надворными постройками; жилое помещение в верхней части такого дома». Томск издавна славился своей деревянной архитектурой, поэтому, изучая и анализируя этот поэтический текст, следует обязательно воспользоваться возможностью познакомить иностранных студентов с некоторыми шедеврами исторической деревянной застройки, которые сохранились и до наших дней, образовав настоящий музей деревянного зодчества под открытым небом.

В процессе работы над художественным текстом присутствует двунаправленность: выявляются значения и формы языковых единиц, а далее особенности их репрезентации в тексте, контекстные наращения, связь с идейным замыслом произведения. В ходе работы по семантизации новой лексики закладывается основа понимания смысла поэтического текста, у студентов складывается представление о нём, при этом требуются определённые мыслительные усилия, чтобы смысл анализируемого стихотворения был освоен учащимися в полной мере, для этого следует сопоставить

некоторые элементы текста и установить отношения между ними. Во второй половине стихотворения автор говорит о том, что «от гордых теремов» начинаются «родные просторы». Обращая внимание учащихся на соотношение эпитетов «гордые» и «родные», делаем вывод об отношении автора к своему городу, о любви к родному краю. Именно в родных местах у каждого человека зарождается его жизненный ориентир, является дорога в светлое будущее, наполненное миром и любовью.

Послетекстовая работа может быть представлена в виде небольшого эссе на тему любви к родине, к родному краю и (или) различных упражнений по тексту стихотворения, направленных на закрепление лексико-грамматических навыков (например, попросить учащихся выписать из текста все существительные с предлогами в В.п. и Р.п.).

Н.В. Кулибина утверждает, что «непосредственно следующий за чтением контроль (проверка) мало что даёт. Точнее, с помощью прямых вопросов по тексту можно проверить, поняли ли обучаемые отдельные «внешние» его детали, но глубину понимания и тот личностный смысл, который извлечён читателем из текста, проверить таким образом не удаётся. Прежде всего, потому, что для этого требуется определённое время» (Кулибина, 2001, с. 264). В качестве домашнего задания студентам предлагается подготовить выразительное чтение стихотворения и презентацию своего родного города. В заключение занятия можно провести рефлексию в форме беседы или дискуссии с обсуждением и высказываниями учащихся по теме урока.

При работе с поэтическим текстом на уроке РКИ иностранные учащиеся с помощью преподавателя должны попытаться осмыслить аутентичный источник как целостное коммуникативное явление, существующее в рамках художественного дискурса и отражающее особенности русского языкового сознания и русской языковой картины мира. Краеведческие сведения, полученные иностранными учащимися, могут способствовать расширению и конкретизации их знаний в области страноведения и регионоведения, повышать уровень коммуникативной компетенции непосредственно в общении с жителями города, способствовать адаптации и помогать ориентироваться в новой местности. Реализация лингвокраеведческого подхода в преподавании РКИ может значительно повысить эффективность обучения в условиях

языковой среды, усилить мотивационный фактор в процессе усвоения языка и активизировать познавательные интересы иностранных учащихся.

Список использованной литературы

1. ВЕРЕЩАГИН, Е. М. – КОСТОМАРОВ, В. Г. 1990. *Язык и культура*. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство. Издание 4-е, переработанное и дополненное. Москва: «Русский язык». 246 с. ISBN 5-200-01076-4
2. КУЛИБИНА, Н. В. 2001. *Зачем, что и как читать на уроке*. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного. СПб.: Златоуст. 300 с. ISBN 978-5-86547-897-3
3. НЕСТЕРОВА, Н. Г. и др. 2016. *Томские этюды*. Изучаем русский язык на текстах о Сибири. Учебное пособие. Под редакцией Н.Г. Нестеровой, 2-е издание, исправленное и дополненное. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета. 172 с. ISBN 978-5-94621-483-4
4. РОГОВА, К. А. *Анализ художественного текста*. Учебное пособие для иностранцев
5. САБАЕВА, Ю. С. 2017. Поэтический текст в формировании лингвострановедческой компетенции иностранных студентов (на материале стихотворений томских поэтов). In: *Современные образовательные технологии – средство и инструмент преподавания русского языка и литературы*. Материалы международной научно-практической конференции. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. С. 88–90.
6. ТОЛСТОЙ, Н. И. 1995. *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь: А – Г. Из серии в 5 т. 584 с. ISBN 5-7133-0704-2

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ «СТАЛИН» КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ

Mgr. Gabriela Turisová

Институт русистики, философский факультет, Прешовский университет в Прешове,
gabriela.turisova@unipo.sk

Аннотация

V našej publikácii skúmame precedentné meno Stalin, ktoré vypovedá o lingvokulturologických hodnotách na základe získaných jazykových, historických, kulturologických a kognitívnych vedomostí. Zameriavame sa na definíciu a analýzu pojmu precedentné meno v rámci jeho postavenia medzi lingvokulturologickými javmi a následnou analýzou konkrétnych lexikálnych jednotiek precedentného mena Stalin v sovietskej tlači. Pozornosť venujeme predovšetkým lexikálnym jednotkám (okrídleným výrazom, metaforám a perifrázam), ktoré zohrávali a naďalej zohrávajú významnú ideologickú úlohu v sovietskom a ruskom kultúrnom priestore. Sústreďíme sa na kreovanie osobnosti Stalina v sovietskej tlači pred XX. zjazdom Komunistickej strany Sovietskeho zväzu a po ňom, kedy bol kult Stalina odmietnutý.

Сведения об авторе

Габриела Турисова является заочной аспиранткой Института русистики философского факультета Прешовского университета в Прешове. К области её научного интереса относится область лингвокультурологии.

Введение в проблематику прецедентности

Филологические исследования в последнее время направлены на исследование языковых единиц, отражающих ценности языкового образа мира. В современных науках все чаще и чаще подчёркивается, что язык не только носитель определённого значения и средство коммуникации, но прежде всего лингвокультурный феномен. Нами исследованные языковые единицы, которые отражали и до сих пор отражают идеологические значения в советском культурном пространстве, подтверждают узкое взаимодействие языка и культуры. Важную роль в исследовании подобных единиц

играют прецедентные феномены, которые как предмет исследования лингвокультурологии в российской лингвистике начали анализировать в конце прошлого столетия. Один из первых уделял внимание проблематике прецедентности российский лингвист Ю. Н. Караулов, который в 1986 году на Международном конгрессе учителей русского языка и литературы начал употреблять понятие «прецедентный текст». Проблематика прецедентности затем все чаще и чаще начала привлекать внимание лингвистов. Исследования в этом плане проводили российские учёные, среди которых И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Г. Г. Слышкин, В. В. Воробьёв, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Е. А. Нахимова, В. А. Маслова и другие. Среди словацких исследователей известны научные труды следующих лингвистов и культурологов: A. Virostková, P. Adamka, J. Hlopková, I. Dulebová, N. Cingerová, K. Hrčková, J. Sipko, L. Guzi, M. Blaho и N. Mertová.

Одним из первых учёных дал определение прецедентным текстам Ю.Н. Караулов, который понимал тексты как значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, такие тексты, которые хорошо известны и широкому окружению (Караулов, 2010, с. 216). При исследовании прецедентности важным является обращение к источникам прецедентных феноменов и текстов. Г. Г. Слышкин считает, что прецедентным текстом может стать «любой отвечающий жизненной идеологии эпохи текст. Поэтому к прецедентным текстам могут быть применены любые типологии, составленные для обычных текстов» (Слышкин, 2000, с. 75-76). Имеются ввиду русские культурные тексты, напр. фольклорные произведения, авторские тексты, анекдоты и лозунги. Е. А. Нахимова приводит более широкую классификацию источников прецедентных текстов в дискурсе массовой коммуникации. Выделяет следующие области источников: *социальная область* (политика, экономика, образование, развлечения, медицина, война, криминал, спорт), *искусство* (литература, театр и кино, изобразительные искусства, музыка, архитектура, мифология и фольклор), *наука* (математика, физика, химия, биология, история, география, филология) и *религия* (прецедентные феномены, которые восходят к религиозным текстам) (Нахимова, 2007, с. 89-90).

По наблюдениям В. В. Красных существуют прецедентные феномены вербальные и невербальные. К вербальным относятся такие вербальные единицы, как напр.

названия литературных произведений, главных героев произведений, тексты песен, анекдоты или политические тексты. Под невербальными феноменами понимает произведения живописи, архитектуры, музыкальные произведения и т.д. (2002, с. 46-47). Кроме того выделяет также в рамках прецедентных феноменов прецедентную ситуацию, прецедентный текст, прецедентное имя и прецедентное высказывание. Нами исследованное прецедентное имя согласно В. В. Красных – «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, *Печорин*, *Теркин*), или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин*); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного (например, *Ломоносов*) или более сегментов (например, *Куликово поле*, «*Летучий голландец*»), обозначая при этом одно понятие.» (Красных, 2002, с. 48).

Д. Б. Гудков под прецедентным именем понимает индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (Обломов, Тарас Бульба), или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (Иван Сусанин, Колумб), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (Моцарт, Ломоносов). (Гудков, 2003, с. 108). Как утверждает Е. А. Нахимова система прецедентных феноменов – «один из инструментов трансляции «культурной памяти» народа от одного поколения к другому и одновременно способ объединения народа вокруг его культурных ценностей и нравственных идеалов.» (Нахимова, 2007, с. 12). Подчеркивает, что прецедентное имя может быть использовано как в основном, так и в метафорическом значении, может характеризовать человека (в том числе литературного героя) по ряду параметров, напр. по характеру, оценках и т.д.

Согласно словацкому лингвисту и лингвокультурологу Й. Сипко в прецедентных именах содержится «определенная социально-коммуникативная модель поведения конкретной личности (из мифологической, исторической, литературной, художественно-культурной, научной, общественно-политической, спортивной и др. областей жизни), которая становится сопоставительным языковым средством при оценке других лиц» (Сипко, 2013, с. 11). Расширяет области возможных источников

конкретных личностей. Словацкий лингвист Л. Гузи дополняет, что без понимания так называемых «фоновых знаний» и полного комплекса культурно-исторических фактов невозможно понять данный смысл текста или явления. Подчёркивает, что аксиологическая функция наглядно заметна в СМИ, художественных, а также научных текстах (Guzi, 2014, с. 171).

В средствах массовой коммуникации широко распространяется метафорическое использование имени собственного для обозначения в переносном значении человека. Н. И. Клушина приводит две основные тенденции в использовании антропонимов в современном газетном языке. Во-первых – экспрессивная игра со словом, а во-вторых – идеологическое использование антропонима, являющегося важным оружием в руках журналистов (Клушина, 2002, с. 53).

Таким образом на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что прецедентные тексты обладают не только основными языковыми, но также глубокими фоновыми значениями, т.е. глубоким познанием определённого культурно-исторического пространства. В масс-медиальном дискурсе часто наблюдаем использование прецедентных феноменов. Некоторые советизмы из медиального дискурса исчезают, а некоторые активны до наших дней. Часто можно наблюдать за использованием таких прецедентных имен как, напр. В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. И. Брежнев, Н. С. Хрущёв, В. В. Путин и т.п. В центре нашего внимания – анализ и исследование прецедентного имени И. В. Сталин в некоторых выбранных советских газетах.

Образ Сталина в советской прессе

Иосиф Виссарионович Сталин (1878 – 1953) был и остаётся самой спорной политической фигурой XX века. Его деятельность до сих пор вызывает множество споров, мифов и вопросов, на его политическую деятельность не существует односторонний взгляд. У некоторых преобладает мнение, что необходимо отстранить культ личности Сталина, некоторые высоко ценят вождя за заслуги, в том числе и за Великую Победу над фашизмом. В СМИ возникало множество крылатых выражений, которые отражали разные ассоциации и взгляды в зависимости от определённого времени. За прецедентным именем, связанным с мифологизированной языковой личностью И. В. Сталина можно наблюдать в разные периоды по-разному. Можно выделить особое

восприятие Сталина в обществе перед Великой Победой, после Великой Победы, после смерти Сталина и после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Положительное восприятие Сталина наглядно заметно уже в 30-е годы когда культ личности Сталина активно поддерживали советские СМИ, одной из главных патриотических советских газет была газета «Правда», в которой регулярно печатали идеологические статьи, восхваляющие Сталина. В названной газете за период, когда у власти находился Сталин, во многих статьях упоминалось имя вождя в превосходной степени, напр. в газете № 253 от 13 сентября 1937 года, в которой можно прочитать несколько положительных цитат, связанных со Сталиным, среди них: *«нашему родному Сталину – пламенный привет!»*, *«мы говорим большое горячее спасибо нашей партии, нашему великому, любимому Сталину!»*, *«для нас нет большей радости и счастья, чем носить великое звание сталинской молодежи, сталинского племени»* (Правда, 1937, 13 сентября, № 253, с. 2). В указанных цитатах наглядно показано позитивное отношение к И. В. Сталину, на первый план выдвигается благодарность советского народа, включая советскую молодёжь за поступки и заслуги И. В. Сталина. В газете был создан образ друга и защитника молодёжи, а также всего советского народа. Сталина называют родным, великим и любимым человеком. В той же газете № 63 от 5 марта 1938 года можно прочитать подобные крылатые фразы и обращения, восхваляющие И.В. Сталина как, напр.: *«вождь и учитель народов великого Сталина»*, *«Да здравствует наш великий и мудрый учитель, отец и вождь трудящихся всего мира товарищ Сталин!»*, *«вождь всех трудящихся великий Сталин!»* (Правда, 1938, 5 марта, № 63). Согласно нашему анализу выбранных статей и крылатых выражений и перифраз И. В. Сталина называли другом, учителем, товарищем и любимым вождем. В данном случае И. В. Сталина характеризуют эпитеты великий и мудрый. В цитатах выделяется особое словосочетание *«вождь трудящихся»*, которое усиливает и подтверждает важность и значение труда для каждого советского человека того времени.

Самое позитивное восприятие прецедента «Сталин» находим в советской прессе после Великой Победы. В газете «Известия» было в мае 1945 года напечатано несколько положительных обозначений Сталина, среди них: *«Да здравствует солнце нашей победы – великий Сталин!»*, *«Мир явился свидетелем великих боевых подвигов советских людей во главе с гениальным и мудрым вождем И.В. Сталиным»*. (Известия, 1945, 9 мая, №

107, с. 2). После Великой Победы в советских газетах был создан образ И. В. Сталина с его стратегическими и превосходными способностями и качествами, что подтверждают следующие цитаты той же газеты: *«победа есть результат гениального сталинского руководства»*, *«бесстрашный революционер, гениальный теоретик, великий организатор»* (там же). Образ И. В. Сталина интерпретировался как образ защитника и гениального полководца и вождя советского народа. И. В. Сталина называли «солнцем победы», так как в народе говорилось, что освящает путь советскому народу к победе. Весь народ видел в И. В. Сталине всемогущую личность и руководителя страны. Позитивный образ Сталина создавали во всех уголках Советского Союза, как утверждает Д. Ю. Асташкин (2012, с. 6), кроме обозначений отец использовались также обозначения *«учитель, друг, товарищ, гений человечества, любимый ученик Ленина, гениальный полководец»* и т.д. Некоторые использовались также в превосходной степени, напр. *«величайший полководец всех времен и народов»*, *«гений всех времен и народов»*. Использовались прежде всего выразительные и яркие эпитеты, которые наглядно описывали и дополняли сверхличностные качества И.В. Сталина, среди них: *«бесстрашный, любимый, гениальный, мудрый, великий»*, а также множество других.

В газете «Правда» 29 июня 1945 г. информировали о Великой Победе следующим заголовком: *«Советский народ выражает горячую любовь к товарищу Сталину – Генералиссимусу Советского Союза, вдохновителю и организатору нашей победы!»*. В заголовке газеты внимание читателей направлено на позитивное восприятие И. В. Сталина как главного и единственного вдохновителя и организатора Великой Победы. В рамках названной статьи были напечатаны тексты, содержащие информации с именем великого Сталина: *«Сталин – это победа»*, *«Отец народа – первый герой Родины»*, *«Товарищ Сталин провел нас через все трудности Великой Отечественной войны»*, *«Товарищ Сталин – учитель всех наших маршалов, генералов, офицеров, бойцов и сержантов. Он подлинный Генералиссимус – генерал генералов!»* (Правда, 1945, 29 июня, № 154, с. 1-2). В указанных цитатах внимание уделено бессмертным подвигам и превосходным и божественным качествам в управлении советской армией под руководством И. В. Сталина. И. В. Сталин возглавлял советский народ, именно под его руководством одержал Советский Союз победу над фашизмом, что наглядно отражают данные цитаты, в которых его

называют героем Родины и генералом генералов. Имя И. В. Сталина ассоциируется в данном случае с победой и с обращением *«Генералиссимус»*.

После смерти Сталина 5 марта 1953 года все газеты и журналы информировали о смерти вождя. В «Литературной газете» реагировали на смерть вождя следующим заголовком *«Нельзя погасить солнце»* (Литературная газета, 1953, 12 марта, № 31, с. 3). В СМИ И. В. Сталина называли солнцем счастья, поэтому в заголовке подчёркивается, что солнце невозможно погасить, так как и дела Сталина будут вечными и бессмертными. Крылатое выражение можно сравнить аналогично с известным крылатым выражением *«Солнце русской поэзии закатилось»*, которое закрепилось в народе после смерти русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

В газете «Известия» опубликовали статью со следующим текстом: *«скончался Иосиф Виссарионович Сталин, соратник и гениальный продолжатель дела Ленина, мудрый вождь миллионных масс, наш родной, горячо любимый учитель и отец»*, (Известия, 1953, март, № 57, с. 1). В данном случае связывают И. В. Сталина с В. И. Лениным, как продолжателя дел Ленина. В том же номере вышеуказанной газеты можно также прочитать следующее: *«два великих чувства владеют сегодня умами и сердцами советских людей – безмерная боль, вызванная кончиной родного, горячо любимого И.В. Сталина, и чувство глубокой любви и преданности»* (Известия, 1953, март, № 57, с. 1-3). Смерть Сталина воспринимало население как личную трагедию и утрату великого человека. В текстах на первый план выдвигается боль, преданность и любовь советского народа. В газетах также печаталось о вечной жизни И. В. Сталина: *«Вечная слава в веках величайшему гению всех времен и народов – самому живому из всех живых людей на земле – другу, отцу, учителю – Сталину»* (Известия, 1953, март, № 57, с. 3). В советских газетах, по нашим наблюдениям, использовали для обозначения И. В. Сталина прежде всего многочисленные богатые эпитеты с эмоционально-позитивной семантикой, которыми влияли на эмоциональную сторону реципиента, самые известные среди них: *«великий вождь и учитель»*, *«гений всех времен»*, *«мудрый отец»*, *«зодчий коммунизма»* и т.д.

В 1950–1960-е гг. началось разоблачение так называемого «культа личности» Сталина. Начало десталинизации было положено докладом *«О культе личности Сталина и его последствиях»* первого секретаря Коммунистической партии Советского Союза Н. С. Хрущёва на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза, который

прошёл в феврале 1956 года. На закрытом заседании XX съезда КПСС Н. С. Хрущёв публично признал проведение репрессий И. В. Сталина. Подвергал Сталина серьёзной критике, обозначая при этом также его отрицательные качества, что подтверждает следующая цитата: *«Сталин был человек очень мнительный, с болезненной подозрительностью»*. (Хрущёв, 1989, с. 144). Подчеркнул также, что *«жертвами деспотизма Сталина оказались многие честные, преданные делу коммунизма, выдающиеся деятели партии и рядовые работники партии»* (Хрущёв, 1989, с. 32). Первый секретарь ЦК КПСС рассказывал об огромной власти, которой обладал Сталин следующим образом: *«неограниченную власть, он допускал жестокий произвол, подавлял человека морально и физически»* (Хрущёв, 1989, с. 135). И. В. Сталина подвергали критике кроме прочего также за его нетерпимость, грубость и злоупотребление властью. Таким образом в обществе началась постепенная критика Сталина. Массы охотно поддерживали доклад Н. С. Хрущёва, и тем резко рушился позитивный пропагандистский образ И. В. Сталина среди советского населения.

В связи с критикой И. В. Сталина был переименован город Сталинград в Волгоград, были демонтированы памятники И. В. Сталину, его тело вынесли из Мавзолея и захоронили у Кремлёвской стены. Позже в СМИ начали появляться такие обозначения для Сталина как, напр. *«диктатор, деспот и тиран»*. После разоблачения культа личности получила известность фраза, приписываемая обыкновенно М.А. Шолохову *«Был культ, но была и личность!»*, что отражает мысль того, что в истории России не существует более неоднозначной и по значительности фигуры, чем И. В. Сталин. Его деятельность до сих пор вызывает множество споров, мифов и вопросов, что отразилось, а также до сих пор ещё наглядно отражается, в современных СМИ.

Заключение

Проведенное нами исследование на материале трёх советских газет («Правда», «Известия» и «Литературная газета») показало, что в советских газетах прецедентное имя Сталин являлось востребованным и его основная часть сохраняет традиционную интерпретацию, сходную с интерпретацией в советской лингвокультуре. Исследование языковых единиц подтвердило, что восприятие Сталина менялось от позитивного, когда культ личности Сталина возникал, самым высоким было в 30-х гг. и после

Великой Победы. После смерти Сталина отношение постепенно менялось, после разоблачения культа личности Сталина Н. С. Хрущёвым на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза началась серьёзная критика и медиальный образ Сталина изменился. Нами проанализированное прецедентное имя Сталин и перифразы, связанные с именем, доказывают, что приемы применения прецедентных имен и образования перифраз открывают сложную аксиологию, на основе культурно-исторических фоновых знаний. Используются прежде всего выразительные этикетты, описывающие сверхличностные способности и качества И. В. Сталина. Запас прецедентного имени «Сталин» неисчерпаем.

This contribution is the result of the project implementation: *VEGA № 1/0285/19 Analysis, typology and interpretation of contemporary Russian language personality (Lexikon - thesaurus - pragmatikon)*.

Список использованной литературы

1. GUZI, Ľ. 2014. *Ruský jazyk a spoločnosť v revolučnom a sovietskom období* / Recenzenti Jozef Sipko, Andrey Krayev. 1. vyd. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2014. - 216 s. ISBN 978-80-555-1158-0.
2. АСТАШКИН, Д. Ю. 2012. Образ И. В. Сталина в послевоенной советской пропаганде 1945-1956 гг. (На примере новгородской области) In: *Вестник Новгородского государственного университета*. № 69, с. 6-9.
3. ГУДКОВ, Д. Б. 2003. *Теория и практика межкультурной коммуникации*. Москва: «Гнозис», 288 с. ISBN 5-94244-007-7.
4. ИЗВЕСТИЯ. 1945. 9 мая, № 107 (8717). [online]. [цит. 18-02-2021]. Режим доступа: <<http://oldgazette.ru/izvestie/09051945/index1.html>>
5. ИЗВЕСТИЯ. 1953. 8 марта, № 57 (11128). [online]. [цит. 18-02-2021]. Режим доступа: <<http://oldgazette.ru/izvestie/08031953/index1.html>>
6. КАРАУЛОВ, Ю. Н. 2010. *Русский язык и языковая личность*. Изд. 7-е. — Москва: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с. ISBN 978-5-382-01071-7.
7. КЛУШИНА, Н. И. 2002. *Имя собственное на газетной полосе* / Н. И. Клушина // *Русская речь*. — 2002. — № 1. с. 53-56.
8. КРАСНЫХ, В. В. 2002. *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Курс лекций*. Москва: «Гнозис», 284 с. ISBN 5-94244-009-3.
9. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА. 1953. 12 марта, № 31. (3060). [online]. [цит. 18-02-2021]. Режим доступа: <<http://oldgazette.ru/litera/12031953/index1.html>>

10. НАХИМОВА, Е. А. 2007. *Прецедентные имена в массовой коммуникации*: монография. Екатеринбург, с. 207. ISBN 5-7186-0238-X.
11. О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ. *Доклад Первого секретаря ЦК КПСС товарища Хрущева Н.С. XX съезду КПСС. Известия. ЦК КПСС 1989. № 3. с. 128-170 [online]. [цит. 02-04-2021]. Режим доступа: <<https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/213/2/hruchev.pdf>>*
12. ПРАВДА. 1937. 13 сентября, № 253, (7219). [online]. [цит. 07-02-2021]. Режим доступа: <<http://oldgazette.ru/pravda/13091937/index1.html>>
13. ПРАВДА. 1938. 5 марта, № 63, (7388). [online]. [цит. 07-02-2021]. Режим доступа: <<http://oldgazette.ru/pravda/05031938/index1.html>>
14. ПРАВДА. 1945. 29 июня, № 154, (9925). [online]. [цит. 07-02-2021]. Режим доступа: <<http://oldgazette.ru/pravda/29061945/index1.html>>
15. СИПКО. Й. 2013. *Прецедентные имена в позиции оценочных средств*. Прешов: Философский факультет Прешовского университета в Прешове, 265. с. ISBN 978-80-555-0910-5.
16. СЛЫШКИН. Г. Г. 2000. *Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*. Москва: Academia, с. 137.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И ЧЕШСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Татьяна Занько, аспирант

Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика, Брно,
Чешская Республика, zanko@phil.muni.cz

Аннотация

The article examines the features of the functioning of phraseological transformations used in the current Russian and Czech publicistic discourses; in particular, it examines these units from the point of view of cultural linguistics with specific examples. The functioning of the transformed units is closely related not only to the stylistic specifics of the genre of publications, but also to its purpose. Particular attention is paid to the functions of transformed units in media texts, which influences the transformation process itself.

Сведения об авторе

Татьяна Занько – аспирант IV курса Университета им. Масарика – занимается исследованием особенностей функционирования фразеологических трансформаций в актуальном русском и чешском медиадискурсе с точки зрения лингвокультурологии; а также является преподавателем Института славистики, занимается методикой преподавания русского языка как иностранного для студентов Института славистики.

Фразеологизмы, представляя очень насыщенный и динамично развивающийся пласт лексики, все еще не перестают нас удивлять, и, несмотря на то, что фразеология считается довольно молодой наукой, представители различных научных направлений и различных культур уже на протяжении столетий занимаются сбором и описанием главных предметов исследования фразеологии, демонстрируя тем самым метафорический потенциал фразеологических единиц (далее ФЕ), который продуктивно используется не только авторами художественных произведений. Ученые с большим

интересом относятся к языковым универсалиям подобного рода также и по той причине, что ФЕ «всегда каким-то образом аномальны и выходят за рамки обычных семантических и/или грамматических языковых правил» (Šermák, 2007, s. 13). Последние десятилетия, характеризующиеся повышенным интересом исследователей к фразеологии, В. М. Мокиенко называет «эпохой Фразеологизации всей страны» (Мокиенко, 2012, с. 59). Использование ФЕ не только придает образность и экспрессивность нашим высказываниям, но и проявляется в виде нарушения фразеологических норм и правил, т. е. процесс трансформации ФЕ является нередко частью нашей речи, проявляясь главным образом в публицистическом дискурсе, к которому мы бы и хотели обратиться.

Вслед за Гусейновой, мы считаем, что в процессе трансформации происходит «отклонение от общепринятой нормы, закреплённой в лингвистической литературе, а также импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях» (Гусейнова, 1997, с. 7), иными словами, это процесс «актуализации» языковых средств, которые использованы в тексте с определенной стилистической целью, поэтому они привлекают внимание читателя в первую очередь своей необычностью. Трансформация фразеологизмов рассматривается в работах многих исследователей фразеологии: В. В. Виноградова, Н. М. Шанского, А. И. Молоткова, Т. С. Гусейновой, Э. Д. Головиной, В. В. Горлова, Ф. Чермака, Э. Минаржовой, Б. Юнковой, Й. Йодаса и др. Публицисты «используют фразеологию не только в том виде, в котором она существует в языке, но и изменяют ее, обновляя семантику, структуру и экспрессивно-стилистические свойства фразеологических оборотов» (Перепелица, 2012, с. 161). Большинство исследователей (Б. В. Кривенко, Е. М. Бебчук, Т. С. Гусейнова, В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович и др.) выделяют два типа индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц: семантические (смысловые, неаналитические) и структурно-семантические. Структурно-семантическая трансформация, в отличие от семантической, вносит изменения в словесный состав фразеологизма, к ней относятся: *экспликация* или *импликация* (т. е. *расширение* или *сокращение компонентного состава ФЕ*), *замена компонента ФЕ*, *фразеологическая контаминация*, *ролевая инверсия ФЕ*, *образование окказиональной ФЕ по узальной модели*. В то время как к семантическому типу трансформаций относятся *буквализация значения ФЕ*, *двойная актуализация значения ФЕ* и

др. Чтобы трансформированная фразеологическая единица (далее ТФЕ) произвела необходимый эффект, ключевым моментом является ее **узнаваемость**, т. е. читатель должен без особого труда узнать исходную форму ФЕ, в структуре и/или семантике которой произошли изменения. **Принцип преобразования семантики и/или структуры** является единым для всех классификаций, существующих на современном этапе развития данного направления в лингвистике.

В настоящей публикации нам бы хотелось рассмотреть некоторые особенности функционирования ТФЕ в текстах, главным образом, аналитического характера интернет-порталов и онлайн-версий печатных изданий, а именно: www.kommersant.ru («Коммерсантъ»), www.gazeta.ru, www.lenta.ru, www.ng.ru («Независимая газета») и др., и чешских онлайн-изданий www.lidovky.cz (*Lidové noviny*, конкретно рубрика *Názory*, рус. *Мнения*), www.respekt.cz (*Respekt*) и др. Выбор был обусловлен тем, что данные электронные издания отличаются серьезной подачей информации, специализируются на оперативных новостях, содержат аналитические материалы о чешской, российской и международной политике, о бизнесе и финансах. Данные интернет-ресурсы в большинстве своем ориентируются на стандартный литературный язык. Тем не менее, и в этих, относительно серьезных изданиях, мы довольно часто сталкиваемся с использованием ФЕ, а также их трансформированных вариантов. Нам было интересно проследить, какие функции они выполняют в текстах общественно-политической и экономической тематики.

По М. Брандесу (Брандес, 2001, с. 72) соотношение публицистической функции и стилистических функций ТФЕ в текстах СМИ можно изобразить следующим образом:

Подтип текста	Типы публицистической функции	Основные стилистические функции трансформированных ФЕ
Информационный	Пропаганда (распространение) информации	Привлечение внимания читателя, усиление экспрессивности текста
Аналитический	Информационная; функция объяснения, толкования	Отражение авторского мнения, усиление оценочности, формирование общественного мнения
Художественно-публицистический	Синтез объективно-аналитического, эмоционально-экспрессивного и субъективно-личностного содержания	Создание сатирического эффекта, формирование общественного мнения
Диалогические жанры	Сообщение о событиях и мнении людей об этих событиях	Усиление оценочности, отражение личного мнения, усиление экспрессивности текста

Таблица 1. Соотношение публицистической функции и стилистических функций ТФЕ в текстах СМИ

Нас интересуют информационный и аналитический типы текста и соответственно функции ТФЕ в данных текстах. Таким образом, можно выделить следующие функции:

- Информативная (познавательная)
- Людическая (языковая игра)
- Отражение авторского мнения (экспрессивная)
- Прогностическая
- Культурологическая (отражение ценностей и норм народа, особенностей национального характера носителей языка)
- Смешение нескольких функций

В связи с ограничениями по объему статьи рассмотрим только некоторые функции ТФЕ. А именно, обратимся к реализации **информативной**, **людической** и **культурологической** функций. В некоторых случаях происходит смешение данных функций, что связано с образностью и огромным метафорическим потенциалом ФЕ.

1. Мы считаем, что основной функцией является **информативная**. Данная функция ТФЕ исходит из такой же функции публицистических текстов в целом, в задачи которой входит донести до аудитории ту или иную информацию. В рамках текста понимание данной функции сужается: ТФЕ, особенно в тех случаях, когда они

употребляются в заголовке или подзаголовке публикации, кратко информируют читателя о предмете или объекте речи, предоставляют своеобразный анонс.

Например: *Росгвардия умерила тыл. Ведомство Виктора Золотова собрались покинуть его первый заместитель и куратор тыловых вопросов.*²⁷

В данном примере используется ТФЕ *умерить тыл*, которая образована от узурального фразеологизма *умерить пыл*, т. е. уменьшить требования. Здесь ТФЕ *умерить тыл* употребляется в заголовке статьи, в которой речь идет о руководителях Росгвардии. Поскольку автор рассказывает о военной сфере, то и для названия публикации он использует военную лексику: *тыл* – «территория позади фронта, за боевой линией» (Ожегов 2006, с. 681), – так как в статье говорится о руководителях, которые в военных действиях лично не участвуют. Трансформация основана на паронимии похожих слов *пыл* и *тыл*.

Начертательная биометрия. *Новая технология полноценно так и не заработала.*²⁸ В статье идет речь о современной технологии хранения биометрических данных человека. Автор пишет о том, что сбор данных происходил, но полноценно обработать их так и не смогли. Благодаря использованию в заголовке слова биометрия, автор указывает на то, о чем пойдет речь в статье. Трансформация ФЭ **начертательная геометрия** (*начертательная биометрия*) производится в целях привлечь внимание читателя к публикации. Возможно, также автор указывает, что методам обработки биометрических данных еще придется научиться, прежде чем их применять на практике, в связи с этим он и использует фразеологизм, называющий учебный предмет.

*Постепенная нормандизация отношений. Москва и Киев разморозили диалог об урегулировании конфликта на востоке Украины.*²⁹

«Нормандский формат, созданный в июне 2014 года, в последнее время был в глубокой заморозке» – в связи с тем, что в статье идет речь о странах-участницах «нормандской четверки», в заголовке используется окказионализм *нормандизация* вместо слова *нормализация*, которое входит в состав ФЭ **нормализация отношений**.

---

²⁷Газета "Коммерсантъ" № 112 от 01.07.2019, стр. 1

²⁸Газета "Коммерсантъ" № 113 от 02.07.2019, стр. 1

²⁹Газета "Коммерсантъ" № 122 от 13.07.2019, стр. 1

Приведем еще несколько примеров реализации информативной функции ТФЕ в чешском и русском медиадискурсах:

- Рунет **сбился с трафика**. Замедление Twitter совпало с массовыми сбоями в работе интернет-сервисов (уз. ФЕ **сбиться с пути**, совр. **сбиться с графика**)
- Глава ЕК: мы устали **быть козлами отпущения по поставкам вакцин** (уз. ФЕ **быть козлом отпущения**)
- **Палка раздора**. Александр Большунов в схватке с Йоханнесом Клэбо потерял золото, но приобрел серебро (уз. ФЕ **яблоко раздора**)
- O Sehnalovi aneb Kdyby... zdatný kšeftman, který dokázal státu pronajmout za 50 mega letňanskou halu coby nikdy nevyužitou provizorní nemocnici, zkrátka chlapík, který v tom umí chodit, **šlápl zatraceně vedle** (уз. ФЕ **šlápnout vedle**)
- **Test testováním**. Státem uložená povinnost musí jít splnit (уз. ФЕ **zkouška ohněm**)
- **Přišel jsem, pohrozil jsem, odešel jsem**. ... Asi už nikdo nezjistí, jak rychle vyhrál Caesar bitvu, po které následovalo ono „veni, vidi, vici“. Rychlost další prohry důvěry ve schopnosti pana Blatného tomu ale může směle konkurovat... (уз. ФЕ **Přišel jsem, viděl jsem, zvítězil jsem**.)
- Virus **nadzdvihl západnímu světu pokličku, pod níž to už vřelo**. (уз. ФЕ **zvednout pokličku, vřít pod pokličkou**)
- ... Bude tedy velmi záležet na tom, zda senátoři **udrží svá zdivočelá ega na uzdě**. (уз. ФЕ **držet někoho na uzdě**)

Как следует из приведенных примеров, информативная функция ТФЕ реализуется с помощью следующих типов преобразований, связанных, главным образом, с изменением в структуре лексических единиц: расширение состава ФЕ, замена компонента/-ов, контаминация (переплетение двух ФЕ), использование окказионализмов, а также с изменениями в семантике (парономазия). В чешском дискурсе, кроме прочих, появляется даже построение, создание новой ФЕ по структурному образцу уже существующей (*test testováním* из уз. ФЕ **zkouška ohněm**). Автор данной статьи информирует читателя о том, что чешское правительство решило «протестовать» против эпидемии

корпоративным тестированием, используя так называемое самотестирование. Эта ситуация будет своего рода проверкой на выдержку (экзаменом/тестом) не только для компаний – из-за невозможности провести достаточное количество тестов за определенный промежуток времени для своих сотрудников, но и для государства – с точки зрения функционирования механизмов государственной власти.

2. Следующая функция ТФЕ – **людическая** (игровая). Под названием людическая ее рассматривают несколько исследователей (Гак, 1998), (Crystal, 2001). Известно, что человек в своей речевой деятельности удовлетворяет потребность в игре, получает и выражает положительные эмоции. Данная функция в контексте трансформации ФЕ относится как к автору, так и к читателю. Автор «предлагает» читателю вступить в игру, отгадать определенную загадку, заключенную в ТФЕ, а читатель вступает и, в основном, будучи носителем одного с автором языка, загадку расшифровывает. Таким образом, это «способность фразеологической единицы участвовать в языковой игре, в том числе породить ее» (Доброва, 2019, с. 195).

В некоторых случаях игровая функция побуждает адресата речи к вступлению в «интеллектуальную игру», т. е. автор «зашифровывает» в своем высказывании некий ребус, который читателю необходимо отгадать. Если рассматривать подобное высказывание с точки зрения Р. Якобсона, выделявшего в структуре высказывания такой компонент, как код, которым для осуществления успешной коммуникации должен владеть и адресант речи, и адресат, то загадка в заголовке статьи служит кодом, при знании которого коммуникация осуществится. Такой код, например, содержится в следующих высказываниях:

Замкнутый многоугольник. *Чем грозит российским производителям избыток угля на европейском рынке.*³⁰

В ТФЕ **замкнутый многоугольник** содержится указание на химическую формулу угля, представленную в графическом виде. Такая формула представляет собой многоугольник. Основой для данной ФЕ послужил узуальный фразеологизм **замкнутый круг**. Лексема *круг* заменяется лексемой *многоугольник* на основе семы «геометрическая фигура». Автор делает именно такую трансформацию, поскольку ему важно

---

³⁰Газета "Коммерсантъ" №116 от 05.07.2019, стр. 10

сохранить значение ФЕ *замкнутый круг*, выдвинуть на первый план именно этот смысл, обозначив с помощью лексемы *многоугольник* предмет речи. В словаре ФЕ *замкнутый круг* означает «безвыходное положение, нерешаемую проблему» (БФСРЯ). Отсюда следует, что избыток угля – это безвыходная ситуация, решение которой найти невозможно, – на эту тему и размышляет автор статьи. Негативная коннотация, которая содержится в значении исходной ФЕ, сообщает такую же коннотацию и ТФЕ.

В настоящее время языковой игрой называют ряд явлений, которые имеют место как в художественной литературе, так и в разговорной речи, публицистике и рекламе. Подтверждают это также слова В. М. Мокиенко о том, что «фразеология в силу своей структурно-системной парадоксальности и экспрессивности является естественным материалом для языковой игры, а различные способы трансформации фразеологических единиц повышают потенциал языкового обыгрывания» (Мокиенко, 2012, с. 100).

Приведем примеры, на основе которых можно сделать вывод, что людическая функция ТФЕ в тексте реализуется с помощью структурных преобразований: замены компонентов ФЕ, экспликации, образование окказионализма, параномазии.

Резвость – норма жизни. «Регуляторные песочницы» могут стать законом быстрого перехода эксперимента в норму.³¹

В ТФЕ *резвость – норма жизни* произошла замена компонента узуального фразеологизма *резвость* (***резвость – норма жизни***) с помощью параномазии, т. е. звукового сходства слов *резвость* и *резвость*. В статье идет речь о детских песочницах, выбранная лексема (*резвый*) имеет значение «подвижный и веселый», которое характеризует поведение детей – подвижность, веселость. Автор не ставит перед собой никакой другой задачи, кроме создания языковой игры. В данном случае даже не столько важна информативная функция, как функция создания языковой игры.

Приведем еще несколько примеров реализации людической функции:

- Начавшаяся вакцинация зажгла свет в конце ковидного тоннеля. (уз. ФЕ свет в конце тоннеля)

---

³¹Газета "Коммерсантъ" № 122 от 15.07.2019, стр. 1

- Любишь море – смотри с берега. Минобороны РФ дискредитирует наградную систему в армии и на флоте (уз. ФЕ Любишь кататься – люби и саночки возить.)
- Сбербанк поплыл по ипотечению. Сумма рефинансирования сторонних кредитов увеличена в несколько раз (уз. ФЕ плыть по течению)
- Денег на гендер не бросая. Россияне сокращают траты на 23 февраля и 8 марта (уз. ФЕ бросать деньги на ветер)

Чешские публицисты чаще всего достигают комического эффекта, соответствующим образом расширив ФЕ новым компонентом или несколькими компонентами. Например:

- Můžeme si hodit eurem či korunou? (уз. ФЕ hodit si korunou)
- Starýho PSA novým kouskům přece jen naučíš (уз. ФЕ Starého psa novým kouskům nenaučíš. – парем.)
- ...princ bude pravděpodobně u nás odsouzen a do své ropozemě půjde princovsky pykat, český vlk se nažere, katarská koza zůstane celá... (уз. ФЕ Vlk se nažral a koza zůstala celá. – парем.)
- Když se kácí les evropského levého středu, létají třísky i z německé SPD... (уз. ФЕ Když se kácí les, lítají třísky. – парем.)
- ...nikoho však nenechal na pochybách, že lidovecká ruka už je v budoucím koalčním rukávu ODS. (уз. ФЕ už je ruka v rukávě)
- Oč jde, to je vážný a morálně vyfutrovaný důvod přejít po volbách do koalice s ODS, pokud Bůh a volič dá. (уз. ФЕ když Pánbůh dá)

Б. Ю. Норман определяет языковую игру как «использование языка в особых – эстетических, социальных и т. п. – целях, при котором языковая система наилучшим образом демонстрирует свою «мягкость»: языковые единицы, их классы и правила их функционирования получают тут большую степень свободы по сравнению с иными речевыми ситуациями» (Норман, 2006, с. 5-6). Ученый выделяет следующие основные особенности языковой игры: «обязательно содержит эстетический момент», «очень часто сопряжена с комическим эффектом», «в основе ее лежат некоторые внутренние, «природные» свойства самого языка – его строения и функционирования в обществе...

языковая игра – это постоянное нарушение каких-то правил или ... балансирование на грани нормы. И в то же время сами эти нарушения не бессистемны и случайны, а также происходят по определенным правилам, подчиняются некоторым закономерностям» (Норман, 2006, с. 10).

3. Вслед за Барановым и Добровольским мы считаем, что **культурологическая** функция ТФЕ очень тесно связана с функционированием *национально-культурного* либо *национально-исторического компонентов* во ФЕ как некой новой реалии в данной ФЕ, т. е. в ней отражаются национально-культурные ценности народа, а ФЕ через понятие (денотат) или опосредованно (через соотнесенность образа со стереотипами культуры данного народа) содержат и передают культурную информацию о мире, обществе. Рассмотрим это на примерах:

- Сибирь **встретила премьера Алтаем**. Михаил Мишустин собрал пожелания депрессивного региона (уз. ФЕ **встречать хлебом-солью**)
- **В Крым со своим топором**. Приход на полуостров инвестора из Татарстана обернулся экологическим скандалом (уз. ФЕ **В Тулу со своим самоваром не ездят**. – парем.)
- Projev za projevem. **Kdo nežvaní, není Čech**. Všechno, co má v politice v zadku díru, musí mít poslední dobou televizní projev... Kdo se neprojeví, jako by byl mrtvým mužem. Televize to z nějakého důvodu vysílají, patrně míní, že tím veřejnosti poslouží... (совр. уз. ФЕ **Kdo neskáče, není Čech, hop, hop, hop!**)
- **Test respirátorem**. Jak ob stojí stát, nemůže-li počítat s kutilstvím? (уз. ФЕ **zkouška ohněm**)

В каждой из приведенных ФЕ находится какой-либо национально-культурный компонент (аспект, историческое событие, традиция и др.), в котором проявляется либо семантика гостеприимства русского народа (*встречать хлебом-солью*), либо национально-исторический аспект: Тула – город самоваров, поэтому «*В Тулу со своим самоваром не ездят*», т. е. не стоит совершать нецелесообразный поступок, заниматься напрасным трудом. Чехи считаются страстными болельщиками за отечественных спортсменов, причем, в любых видах спорта – отсюда семантика народного самовыражения чехов с помощью относительно новой единицы, появившейся в конце

прошлого века и в полной мере считающейся ФЕ, используемой не только в области спорта (*Kdo neskáče, není Čech*). Мы можем также наблюдать образование по узуальному образцу новой ФЕ *test respirátorem* (уз. ФЕ *zkouška ohněm*), используя которую автор подчеркивает сплоченность чешского народа в борьбе против пандемии. Борьба на первоначальном этапе проявилась в мастерском изготовлении масок чехами в домашних условиях – как известно, чехи любят «самодельничать», делать что-либо своими руками (*kutílství*). Маски впоследствии сменили респираторы, которые сделать руками непросто.

Таким образом, удачное трансформирование фразеологизмов становится сильным инструментом в повышении уровня экспрессивности и имплицитного выражения авторской оценки. Составной частью данного процесса является не только органичное слияние данных единиц с текстом, но и ирония, юмор, а также языковая игра.

Авторы аналитических статей обращаются к трансформации фразеологизмов не только для того, чтобы кратко и выразительно передать основную идею текста, но и для привлечения внимания к выбранной теме публикации. Изменения во ФЕ добавляют игровой, развлекательный элемент в акт коммуникации между автором статьи и ее читателем. Кроме того, такой прием позволяет избежать штампов и сухого изложения в аналитической публикации. Тенденция такова, что узуальные фразеологизмы практически перестают использоваться в публицистических текстах, все больше укрепляясь в художественном и разговорном стилях. Измененные же фразеологизмы становятся маркерами современного публицистического дискурса, главным образом аналитического. Трансформации ФЕ реализованы в подобных текстах по-разному: замена компонента, экспликация, импликация, контаминация, образование окказиональной ФЕ; распространены также комбинации перечисленных преобразований.

Электронные СМИ не только широко используют трансформированную фразеологию, но и выступают ее популяризаторами. Функциональность и высокая оценочность данного пласта лексики, а также доминирование экспрессивной функции над номинативной создают особый прагматический эффект в публицистических текстах.

Список использованной литературы

1. БРАНДЕС М. П. – ПРОВОТОРОВ В. И. 2001. *Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков)*. Учебное пособие. 3-е изд., стереотип. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 224 с. ISBN 5-89191-038-1.
2. ГАК В. Г. 1998. *Языковые преобразования*. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с. ISBN 5-7859-0063-7.
3. ГУСЕЙНОВА, Т. С. 1997. *Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии*: Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Махачкала, 1997. 188 с.
4. ДОБРОВА, М. 2019. *Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект*. Univerzita Palackého v Olomouci, 2019. 284 с. ISBN 978-80-244-5507-5.
5. МОКИЕНКО, В. М. 2012. Жизнь русской фразеологии в современной речи. In: *Вестник КемГУ*. № 4, 2012 (52), Т.4, с. 59–62.
6. МОКИЕНКО, В. М. 2012. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла. In: *Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського*. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. 2012, Т. 25 (64), № 2 (1), с. 100–109.
7. НОРМАН, Б. Ю. 2006. *Игра на гранях языка*. М.: Флинта Наука, 2006. 344 с. ISBN 5-89349-790-2.
8. ПЕРЕПЕЛИЦА, М. С. 2012. Основные способы трансформации фразеологизмов в русскоязычной глянцевої прессе в Украине. In: *Мова*. 2012, № 17, с. 160–164.
9. (БФСРЯ) Большой фразеологический словарь русского языка. [online]. М.: АСТ-Пресс. Е. Н. Телия. 2006. Режим доступа: <<http://endic.ru/default.htm>>
10. ŠERMÁK, F. 2007. *Frazeologie a idiomatika česká a obecná*. Czech and general phraseology. Praha: Karolinum, 2007. 718 s. ISBN 978-80-246-1371-0.

**IV. Sekcia dejín a kultúry Ruska a krajín
Východného partnerstva**

N. L. PUŠKARIOVOVÁ – PRIEKOPNÍČKA DEJÍN RODOVÝCH VZŤAHOV A DEJÍN ŽIEN V RUSKU

Mgr. Zuzana Bujačková

Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií, Filozofická fakulta, Univerzita Komenského v Bratislave, zuzana.bujackova@uniba.sk

Abstrakt

Статья посвящена основательнице направления женской и гендерной истории в российской исторической науке. Н. Л. Пушкарева – автор множества исследований по истории русских женщин, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН и Президент Российской ассоциации исследователей женской истории. Автор статьи обращает внимание на основание этих дисциплин и их развитие за последние 30 лет, влияние Н. Л. Пушкаревой на развитие дисциплин и ее взгляд на будущее российских исследований в указанной области. Рассматриваются работы авторов посвященные истории развития женской истории и ее особенностям, а также тексты, которые стали частью общественного дискурса (интервью и публикации предназначенные для широкой публики).

O autorke

Mgr. Zuzana Bujačková vyštudovala odbor prekladateľstvo a tlmočníctvo v kombinácii anglický jazyk a kultúra – ruský jazyk a kultúra. V súčasnosti pôsobí ako doktorandka v odbore slavistika na Katedre rusistiky a východoeurópskych štúdií Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave. Témou jej dizertačnej práce je Ženy pod Červenou hviezdou: z dejín komunizmu v Európe. V rokoch 2018 – 2019 bola súčasťou projektového tímu GACY '68, vďaka čomu sa venovala aj otázkam Pražskej jari a jej reflexii v preklade či literárnom živote.

Úvod

Dejinám rodových vzťahov a dejinám žien sa v duchu samostatných vedných disciplín v Rusku začala venovať pozornosť až na prelome 80. a 90. rokov 20. storočia. Zmeny v tamojších humanitných a spoločenských vedách, ako aj metódach a cieľoch výskumu, boli

podmienené zásadnými zmenami v politickom systéme, sociálnych štruktúrach a, prirodzene, kultúre. V kontexte hľadania nových výskumných metód a progresívneho prístupu k skúmaniu dejín sa dejiny žien spolu s dejinami rodových vzťahov stali najmä v 90. rokoch populárnymi disciplínami, čo viedlo k nevyhnutným inováciám a novým pohľadom na historiografiu. Vďaka tomu vznikli nové metódy historickej analýzy založené na kategórii rodu a sústredené na ženskosť a mužskosť (Repina, 2006). Podľa viacerých súčasných autorov nastal tento zásadný prelom práve v roku 1989, keď časopis *Kommunist* zverejnil článok *Kak my rešajem ženskij vopros* (A. Posadskaja, N. Rimaševskaja a N. Zacharova), ktorý sa v súčasnosti považuje za akési programové vyhlásenie či manifest počiatkovej fázy výskumu a ženského hnutia vo všeobecnosti (Resňanskij, Amiantova, 2019). V tom istom roku vyšla monografia Natalie Lvovny Puškariovej, *Ženščiny Drevnej Rusi*, ktorá v určitom zmysle slova spôsobila v ruských historických vedách revolúciu.

Aj napriek tomu, že Puškariovej meno v Rusku v určitých kruhoch rezonuje (nedávno jej vyšla aj kniha určená pre širšiu verejnosť vo vydavateľstve *Novoje literaturnoje obozrenije*¹), je pravdepodobné, že na Slovensku to tak nie je. Mojm cieľom je preto priblíženie práce Puškariovej, ktorá je autorkou množstva publikácií o dejinách ruských žien, vedúcou sekcie etnických a rodových štúdií na Ústave etnológie a antropológie Ruskej akadémie vied a prezidentkou Ruskej asociácie výskumníkov dejín žien.

Adaptácia pojmu rod/ gender bola jedným z prvých krokov pri etablovaní rodových štúdií v Rusku i na Slovensku. Zároveň je stále veľmi časté, že práve terminologické nepresnosti zahmlievajú porozumenie príslušných textov a v ruskom prostredí nesprávne používanie pojmu rod/ gender dokonca vedie k diskreditovaniu rodových štúdií ako nevedecký alebo „kvázi-vedecký“ odbor, ktorý navyše zle vplýva na verejnú mienku (Šnyrova, 2018). Preto považujem za účelné venovať prvú časť tohto príspevku otázke terminológie a pojmového aparátu rodových štúdií.

Vymedzenie pojmov

Pojem rod/ gender sa chápe ako sociálno-kultúrne konštruované označenie pre pohlavie, resp. ho vnímame ako označenie pohlavných diferencií, ktoré fungujú ako dôležitý

---

¹ Pozri <https://www.nlobooks.ru/books/gendernye_issledovaniya_1/22887/>

prostriedkov na formovanie mocenských vzťahov a organizáciu spoločnosti. „Ako analytická a diferenčná kategória sa gender v historickom výskume etabloval až pod vplyvom jazykového obratu² v druhej polovici 80. rokov minulého storočia, aj napriek tomu, že v angloamerickej historiografii sa používal už skôr. Gender history teda v súčasnom zmysle slova v období pred jazykovým obratom vlastne neexistovala“ (Storchová, 2014). Disciplíny, ktorým sa v tomto príspevku budem ďalej venovať sa vo svojej dnešnej podobe etablovali až koncom 80. rokov, v prípade Ruska či krajín Východného bloku ide skôr o obdobie 90. rokov spojené s koncom komunistického režimu. Tento časový posun medzi Západom a Východom čiastočne definoval rozdiel medzi ďalším vývojom dejín žien a rodových vzťahov – západná historiografia sa pri skúmaní „druhého pohlavia“ vybrala dvoma smermi: „optika útlaku žien“ a „optika ženskej skúsenosti“ (Lenderová, 2016). Pri porovnávaní objektov výskumu v Čechách, na Slovensku ale i Rusku je zrejmé, že na Východe je výskum orientovaný iným smerom³. Pojem gender sa v jednotlivých kultúrach a jazykoch adaptoval rôzne – pre potreby tohto príspevku sa budem venovať len slovenskému a ruskému prostrediu. V slovenčine sa ustálil termín rod (adjektívum rodový), pričom je potrebné upozorniť na problém, ktorý sa týka najmä textov sústredených na staršie historické obdobia, a to fakt, že musíme rozlišovať rod a šľachtický rod (Dudeková, 2016). Následne sa akceptovali preklady názvov súvisiacich disciplín: gender studies – rodové štúdiá, gender history – dejiny rodových vzťahov a women’s history – dejiny žien. Aj napriek ustáleným slovenským variantom „musíme konštatovať, že terminológiu v oblasti rodových štúdií charakterizuje určitá rozkolísanosť. V odborných textoch spoločenských a humanitných vied je terminológia výrazne ovplyvnená odbornou profiláciou výskumníka a metódami využívanými v jeho profilovom odbore vrátane historickej

---

² Jazykový obrat (linguistic turn) je paradigmatický posun v humanitných a spoločenských vedách v 20. storočí, založený na vzťahu medzi filozofiou a jazykom – jazyk konštruuje spôsob, akým ľudia vnímajú svet. Jazykový obrat vo vede umožnil skúmanie rôznych aspektov spoločnosti cez prizmu rodu/genderu.

³ V ruských historických vedách sa výskum dlhodobo orientoval prevažne na obdobie Starej Rusi a stredoveku, kde rezonuje napr. téma vplyvu spoločnosti, (ortodoxnej) cirkvi a politickej situácie na intímny život, rodový mysticismus a každodenný život aristokracie. Rozšíreným trendom je aj sústredenie sa na anglickú a francúzsku aristokraciu či západné ženské hnutia. Otázky dejín žien a rodových vzťahov 20. storočia, resp. sovietskeho Ruska, sa postupne dostávajú do popredia, v súčasnosti je badateľné, že sa im venujú najmä mladé výskumníčky z oblasti histórie a sociológie. Aj sama Puškariovová začínala výskumom Starej Rusi a postupom času sa dopracovala k 20. a 21. storočiu. Pre všetky tri výskumné tendencie je skôr príznačný prístup z pohľadu dejín žien, dejiny rodových vzťahov majú menšie zastúpenie.

vedy“ (Dudeková, 2016). Rozkolísanosť terminológie nabera ďalší rozmer keď sa pokúsime čítať príslušné ruské texty, v ktorých je hranica medzi gender studies a gender history mäťuca (nehovoriac o takmer neexistujúcej hranici medzi women’s history a gender history), ak nie úplne zotretá alebo naopak, rod sa ukrýva pod neutrálnejšie pojmy ako je ženskosť, mužskosť či výskum rodiny. Problém však nespočíva v preklade terminológie – v ruštine sa podobným spôsobom ako v češtine ustálili pojmy gender, gendernyj – гендер, гендерный (Vasecha, Fursova, 2020), s príslušnými prekladmi vedných disciplín: гендерные исследования, гендерная история a история женщин. Otázka adaptácie a interpretácie pojmu gender v ruštine však nie je témou tohto príspevku a vyžaduje si ďalší podrobný výskum. Chápanie dejín rodových vzťahov je veľmi dynamická záležitosť, ktorú navyše ovplyvňuje politika, inštitúcie a špecifické akademické tradície⁴.

Storchová definuje rozdiel medzi dejinami žien a dejinami rodových vzťahov na základe toho, že v rámci dejín žien skúmame ženský rod (v zmysle pohlavia ako kultúrneho konštrukt) oddelene, až izolovane od mužského rodu. V centre pozornosti dejín žien stoja významné ženské osobnosti, emancipácia, profesionálne uplatnenie (na Slovensku sa značná časť výskumu venuje aj vzdelávaniu dievčat a žien) či žena ako obeť patriarchálneho útlaku alebo prenasledovania. Dejiny rodových vzťahov predstavujú novší smer, ktorý možno nazvať aj „dejinami oboch pohlaví“ – skúma ich vzájomnú interakciu, dopady príslušnosti k pohlaviu, obraz pohlavia, spoločenské roly a častokrát nás vedie k popísaniu či definovaniu rodového usporiadania spoločnosti (gender order). Špecifikom ruského výskumu v oblasti dejín žien je orientácia na každodenný život – istorija povsednevnosti (everyday life history, Alltagsgeschichte, histoire de la vie quotidienne), ktorá skúma každodenný život človeka v kontexte historických, kultúrnych, politických, etnických a náboženských determinantov. Sústreďí sa na všetko „normálne“, opakujúce sa, všetko, čo je v živote ľudí rôznych spoločenských vrstiev bežné, vrátane ich emócií, reakcií na rôzne životné udalosti a motívy ich správania (Radina, 2019). V Rusku sa pojem rod/ gender stal súčasťou historických vied, no je potrebné upozorniť na fakt, že mnoho vedcov nerozlišuje dejiny žien od dejín rodových vzťahov. Tu sa naskytá otázka, či sa zo slova gender nestal nebezpečný termín, a preto sa radšej všetko „skrýva“ pod dejiny žien a istoriju povsednevnosti. Ruská asociácia výskumníkov dejín žien

---

⁴ Podrobnejšie Storchová, 2014

usporadúva každý rok konferenciu, výsledkom ktorej sú zborníky. Ak by sme im venovali väčšiu pozornosť, prišli by sme na to, že väčšina príspevkov sa venuje dejinám žien. Jedným z ilustračných príkladov je článok samotnej Puškariovej (a Zolotuchinovej) o stave dejín žien a rodových vzťahov v Rusku⁵ – ako upozornila Garstenuerová (2018), názov vytvára dojem, že sa text sústreďuje na dejiny rodových vzťahov, no väčšina priestoru sa venuje výlučne dejinám žien.

Puškariovej vklad v oblasti používanej terminológie je založený na spracovaní teoretických, metodologických a jazykových otázok v monografii *Gendernaja teorija i istoričeskoje znanije* (2007). V knihe sa venuje širokému diapazónu tém: vznik historickej feminológie a dejín žien i rodových vzťahov, ich miesto v historických vedách, súvislosť medzi rodom a pamäťou či kolektívnou pamäťou, feminizmus v Rusku, metodológia výskumu, kategória rodu v etnológii a spoločenských vedách, atď. K ustáleniu terminológie prispela aj vystúpeniami na konferenciách, ktoré sa venovali podobným otázkam⁶ a svojou pedagogickou činnosťou.

Smerovanie k „ženskej otázke“

Puškariovová študovala na prelome 70. a 80. rokov na fakulte dejín MGU, kde sa prvýkrát dostala k výskumu tzv. ženskej otázky. Blízky rodinný priateľ, historik V. T. Pašuto, jej načrtol tému záverečnej práce, v ktorej mala skúmať dejiny žien v období Starej Rusi. Výber témy však spôsobil, že sa nikto nechcel stať jej školiteľom (Pašuto v tom čase pracoval v akadémii vied a nevenoval sa pedagogickej činnosti). Starší kolegovia jej odporúčali, aby „prestala fantazírovať“ a začala sa venovať niečomu „skutočne dôležitému“. Otázku dejín žien považovali za nedostatočne vedeckú, hodnú „maximálne na novinársky článok“ a nepotrebnú – tento prístup sa nezmenil ani keď Puškariovová obhajovala záverečnú prácu a nastúpila na doktorandúru⁷. Nakoniec sa jej školiteľom stal archeológ V. L. Janin, ktorý s témou súhlasil len pod podmienkou, že sa ho na nič nebude pýtať a všetko potrebné vypracuje samostatne (Belova, Muchina, 2019). S Janinom ďalej spolupracovala aj ako doktorandka – v roku 1985 obhájila

---

⁵ Pozri Puškariova, N., Zolotuchina, M. (2018) Women's and Gender Studies of the Russian Past: two contemporary trends. *Women's History Review*, 27 (1): 71–87.

⁶ Napr. rovnomená konferencia *Gendernaja teorija i istoričeskoje znanije* v Syktyvkare (2005), kde v rámci príspevku *Čto takoje gender?* popísala vývin terminológie, ako aj jej vlastné chápanie daných termínov.

⁷ Pozri <<http://pushkareva.narod.ru/interview/vm06032002.htm>>

dizertačnú prácu pod názvom *Položenije ženščiny v semje i obščestve Drevnej Rusi*. Text vypracovala na základe rôznych typov dobových dokumentov z Moskvy a Petrohradu a dospela pritom k záveru, že ženy zohrali v danom období nesmiernu úlohu v ekonomike, politickom živote i kultúre Rusi. Aj napriek tomu, že ju rovnako ako počas štúdia kolegovia odhovárali, hneď po obhájení dizertácie sa rozhodla ponúknuť rukopis práce vydavateľstvu *Mysl'*. Vydavateľstvo rukopis prijalo pod podmienkou, že ho rozšíri a prepracuje. *Ženščiny Drevnej Rusi* nakoniec vyšli v roku 1989 v náklade, ktorý je najmä z dnešného pohľadu nepredstaviteľne veľký – stotisíc kusov – a hneď zaznamenali čitateľský úspech⁸. Aj napriek tomu nemala v ruských časopisoch táto publikácia žiaden ohlas. V zahraničí bola situácia opačná. Kniha si rýchlo získala pozornosť amerických slavistov a ohlasy na ňu boli zaznamenané vo viac než dvadsiatich časopisoch. Prvé rozhovory, ktoré Puškariovová poskytla boli tiež prácou západných periodík. V tom čase už Puškariovová pracovala v ústave etnografie Ruskej akadémie vied, kde bol rodovo orientovaný výskum stále vytláčaný na okraj, či dokonca, bol považovaný za istý druh exotiky. Dejinám žien sa teda venovala len čiastočne, a to popri „oficiálnej“ práci, ktorú jej stanovil ústav (Belova, Muchina, 2019). Bez ohľadu na to, že v tom čase akademická obec odmietala prijať jej výskum ako validnú súčasť modernej historiografie, Puškariovovej „boj za tému“ stál za etablovaním dejín žien a rodových vzťahov a takpovediac pripravil pôdu nielen pre ňu a kolegov, ale aj pre generáciu jej študentiek a študentov.

„Genderové deväťdesiate“ a neskorší útlm

Koniec minulého storočia získal v ruskom akademickom prostredí prívlastok „genderové deväťdesiate“. Nikdy predtým a doteraz ani nikdy potom nebolo rodovým otázkam v humanitných a spoločenských vedách venovaného toľko priestoru. Puškariovová toto obdobie nazýva aj zlatým vekom rodových štúdií v Rusku (Šnyrova, 2018). Akademici získali nové možnosti financovania svojho výskumu a ďalšieho vzdelávania vďaka zahraničným (západným) fondom. Dôležitým centrom, ktoré spájalo Východ so Západom sa stala budapeštianska Stredoeurópska univerzita, ktorá organizovala množstvo „genderových konferencií“, kde sa stretávali odborníci z oboch strán sveta (Barchunova, 2009). Sama Puškariovová využila nové grantové možnosti; pracovala v Nemecku a Francúzsku, kde sa venovala prevažne

---

⁸ Pozri <<https://gorky.media/context/ya-istorik-i-ponachalu-ya-boyalas-slova-feminizm/>>

archívneho výskumu paralelných materiálov a porovnávala tak život stredovekej ženy v Nemecku, Francúzsku a Rusku. Počas tohto výskumu sa dostala aj k téme protofeminizmu a dejinám ženského hnutia⁹. Postupne sa začala venovať aj dejinám žien neskorších období, feministickej teórii a otázke práv žien. Tieto témy prehĺbili jej záujem o dejiny intímneho života a emócií – podobné otázky boli v ruskom historickom výskume stále takmer neznáme¹⁰. So slovom gender sa prvýkrát stretla náhodne, na konferencii, ktorá sa nijak netýkala jej výskumných záujmov. Niekoľko z prednášajúcich vo svojom príspevku spomenul termín „džender“ (v tom období bola ustálená práve taká výslovnosť), dokonca hovoril o „dženderových“ štúdiách. Puškariovová v rozhovore pre časopis *Gorkij* spomína, ako sa vtedy čudovala, že s tou témou dlho pracuje a predsa sa nikdy so slovom gender nestretla. Objavenie termínu gender ju dovedlo k tomu, že sa od začiatku 90. rokov začala venovať aj rodovým štúdiám. V deväťdesiatych rokoch vznikli aj prvé rodovo zamerané periodiká: *Adam i Eva* (vôbec prvé ruské periodikum orientované výlučne na dejiny rodových vzťahov), *Odissej*, *Dialog so vremenom* a *Kazus*. Puškariovová je doteraz členkou redakčnej rady v časopise *Adam i Eva*¹¹. Rodové štúdiá sa etablovali aj vďaka ich inštitucionalizácii – počas deväťdesiatych rokov bolo založených niekoľko výskumných centier (v Moskve, Petrohrade, Ivanove, Tveri, Samare, Uljanovsku a Saratove) a rodové štúdiá i dejiny žien a rodových vzťahov sa stali súčasťou univerzitných kurzov.

Ďalším medzníkom bol Puškariovovej bibliografický katalóg (2003), ktorý zahŕňa približne 8000 titulov (knihy aj články) za obdobie rokov 1800 – 2000 venovaných dejinám žien a rodových vzťahov. V knihe *Russkaja ženščina: istorija i sovremennost'. Istorija izučeniija „ženskoj temy“ russkoj i zarubežnoj naukoj 1800 – 2000* spracovala všetky náučné materiály, s ktorými pracovala počas svojho výskumu od polovice osemdesiatych rokov a zároveň ňou akoby symbolicky uzavrela „genderové deväťdesiate“.

Začiatok 21. storočia sa spája s útlmom záujmu o rodové otázky a ostrou diskusiou medzi prívržencami a protivníkmi prieniku politického diskurzu do vedy (pričom sa feminizmus vníma ako súčasť politiky), rovnako ako diskusiou medzi prívržencami feminizmu a antifeminizmu (Belova, Muchina, 2019). Na konci prvého desaťročia silnel názor, že gender je

---

⁹ Tamže

¹⁰ Tamže

¹¹ Pozri <<https://roii.ru/publications/adam-and-eve/issue/28>>

importovaný zo Západu a pre spoločnosť (či dokonca mládež) je škodlivým javom. Podľa Šnyrovej (2018) v tomto probléme zohrala svoju úlohu vláda, ortodoxná cirkev a snaha niektorých vedcov zdiskreditovať rodové štúdiá. Situácia ďalej eskalovala, až kým bol v roku 2012 prijatý zákon proti „zahraničným agentom“ a následne v roku 2015 zákon o „nežiadúcich organizáciách“ – tieto kroky takmer úplne znemožnili finančnú podporu, ktorú čerpali univerzity, výskumné centrá a iné organizácie na rodovo orientované projekty (Garstenauer, 2018). Puškariovová však poznamenáva, že Západ nikdy nemal v záujme skutočne pomôcť ženskému hnutiu v Rusku, a teda ani výskumu venovanému ženám či rodovým vzťahom¹². Vo výsledku zostal v Rusku len jeden študijný odbor zameraný na rodové štúdiá, a to na súkromnej Európskej univerzite v Petrohrade. Rodové štúdiá či dejiny žien a rodových vzťahov sú len súčasťou vybraných univerzitných kurzov. Časť odborníkov sa presunula do mimovládnych a feministických organizácií. Zároveň aj naďalej aktívne funguje Centrum rodových štúdií v Ivanove¹³ a Ruská asociácia výskumníkov dejín žien¹⁴, ktorej predsedá jej zakladateľka Puškariovová. Na webových stránkach asociácie je k dispozícii elektronická databáza bibliografických odkazov, ktorou Puškariovová nadväzuje na jej prvý knižný katalóg tohto charakteru s presahom o ďalších 10 rokov (heslá z obdobia rokov 1800 – 2010)¹⁵.

Momentálne sa Puškariovová venuje novým témam. Zaujíma sa o otázku žien vo vede, najmä o prácu historičiek, ktorá je podľa nej prehliadaná. Tvrdí, že vedecké úspechy ruských žien 20. storočia sú známejšie v zahraničí než v Rusku¹⁶. Sústreďí sa na antropológiu súčasného akademického života a aktívne o ňom píše, spracováva rozhovory. V rámci dejín žien pokladá za najaktuálnejšiu tému problémy spojené s rodovými aspektmi migrácie a adaptáciou na nové prostredie (Belova, Muchina, 2019) a sústredenie sa na nielen ekonomické bázy postavenia žien spoločnosti, ale aj na geografické a klimatické vplyvy na akékoľvek sociálne procesy¹⁷. Okrem toho sa venuje ďalšej veľkej téme – dejinám reprodukčného správania a všetkému, čo k nemu patrí vrátane vplyvu historického vývinu na súčasnosť (napr. prístup lekárov k rodičkám v nemocniciach). Skúma všetko, čo súvisí s pôrodnými asistentkami či

---

¹² Pozri <<http://pushkareva.narod.ru/interview/vm06032002.htm>>

¹³ Pozri <<http://icgs.ru/ru/>>

¹⁴ Pozri <<http://www.rarwh.ru/>>

¹⁵ Pozri <<http://www.rarwh.ru/baza/index2.html>>

¹⁶ Pozri <<https://gorky.media/context/ya-istorik-i-ponachalu-ya-boyalas-slova-feminizm/>>

¹⁷ Tamže

babicami, históriou pôrodov, sexuálnym životom, antikoncepciou, potratmi, potratovými klinikami, pôrodnicami, ako aj súvisiacou hmotnou kultúrou, teda nástrojmi, nábytkom a všetkým, čo bolo potrebné pre zabezpečovanie takejto práce¹⁸. Do dnešného dňa napísala Puškariovová okolo 700 vedeckých a populárno-náučných textov a v rámci historických vied patria jej knihy k tým najcitovanejším v Rusku (Belova, Muchina, 2019) – práve preto ju možno považovať za priekopníčku dejín žien a rodových vzťahov v Rusku.

Zoznam použitej literatúry

1. BARCHUNOVA, T. Gender Studies in Russia as a Transnational Project. In: *Gender in Trans-it. Transkulturelle und Transnationale Perspektiven*. Zuerich: Chronos Verlag, 2009. S. 95-105.
2. BELOVA, A., MUCHINA Z. 2019. Natalia L'vovna Puškariova: osnovopoložnica izučeniya ženskoj i gendernoj istorii v otečestvennoj istoriografii. In: *Gender v fokuse antropologii, etnografii semji i socialnoj istorii povsednevnosti*. Moskva, 2019. S. 7-17.
3. GARSTENAUER, T. 2018. Gendernyje i kriv-issledovaniya v Rossiji. In: *Sociologija vlasti* 30 (1). S. 160-174.
4. LENDEREROVÁ, M. 2016. Bádání o minulosti českých žen v evropském kontextu. In: *Česko-slovenská historická ročenka 2014 – 2015*. Bratislava 2016. S. 297-308. Veda. ISBN 978-80-224-1552-1
5. RADINA, N. Istorija povsednevnosti v sovremennom istoričeskom issledovanii. In: *Gender v fokuse antropologii, etnografii semji i socialnoj istorii povsednevnosti*. Moskva, 2019. S. 239-248.
6. REPINA, L. Gender studies in Russian historiography in the nineteen-nineties and early twenty-first century. In: *Historical Research* 2006. Vol. 79, No. 204. S. 270-286.
7. RESŇANSKIJ, S. – AMIANTOVA, I. Gender v rossijskoj istorii: obzor novejšich issledovanii. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*, 2019, No. 18.
8. ŠNYROVA, O. This dangerous word “gender”: the development of gender studies in Russia. In: *RINGS conference “The State of the Art of Feminist and Gender Studies: Convergences, Divergences and Plurality of Views”*, 2018.
9. STORCHOVÁ, L. Gender. In: *Koncepty a dějiny proměny pojmů v současné historické vědě*. Praha, 2014. S. 194-204. ISBN 978-80-872-7187-2

---

¹⁸Tamže

10. VASECHA, M. – FURSOVA, J. “Male” and “Female”: Gender in the Focus of Domestic Historical Research (Course Materials “Fundamentals of Cultural Anthropology”). In: *Vestnik NSU*, 2020, Vol. 19, No. 5. S. 22-33.

PODOBY HRDINSTVA AKO OSOBITÉHO JAZYKOVÉHO FENOMÉNU

Mgr. Katarína Biacková, PhD.

Katedra slovanských jazykov, Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici, katarina.biackova@umb.sk

Abstrakt

Nастоящая статья посвящена теме героизма как своеобразному языковому феномену, который интересен и сточки зрения социологии и культурологии. В центре внимания доклада находится сопоставительный анализ понятия героизма в русском и словацком языках. Раскрыты такие понятия, как герой и героизм, интерпретация этих понятий в современном мире. В докладе рассматриваются словацкие и русские публицистические тексты, в которых с помощью анализа дискурса рассматриваем параллели и расхождения между героизмом современности и героизмом прошлого в словацком и русском контекстах. Именно частотность употребления приводит к подтверждению гипотеза, что, хотя это понятие довольно устойчивое, оно подвергается изменениям в случае важных событий, например, текущего кризиса, связанного с коронавирусом.

O autorke

Mgr. Katarína Biacková, PhD. pôsobí ako odborná asistentka na Katedre slovanských jazykov FF UMB v Banskej Bystrici. Vedecky sa zameriava na analýzu dynamiky jazykových procesov v Rusku 20. a začiatku 21. storočia, špecifiká ruskej kultúry a ich odraz v lingvoreáliách.

V prvých desaťročiach 20. stor. ovládla ľavicovo orientovanú ruskú inteligenciu predstava o jednoduchej transformovateľnosti reality (Pešková, 2012, s. 7). V duchu hesla „*rozkážeme vetru, dažďu*“¹⁹ sa budovatelia komunizmu snažili o dosiahnutie utopistických „krajších

---

¹⁹Tento ustálený výraz sa v slovenskom (resp. česko-slovenskom) kultúrnom priestore zakorenil ako ideový základ postoja bolševikov k prírode a realite všeobecne. V našom skoršom skúmaní sme sa mu venovali ako precedentnému výroku v porovnaní ruského a slovenského mediálneho diskurzu –

zajtrajškov“. Ideológovia novovzniknutého Sovietskeho zväzu pochopili, že na zaangažovanie „ľudových más“ do budovania novej reality budú potrebné aj silné príbehy – spočiatku to boli obrazy kolektívov, ktoré ako jeden kráčajú do „svetlej budúcnosti“ a neskôr, najmä v období Stalina, sa začali objavovať obrazy silných individuálnych hrdinov, ktorí prekonávajú prekážky v duchu archetypálnych hrdinských príbehov.

Hrdina, samozrejme, nie je pojem, ktorý by bol neznámy. Na druhej strane však treba podotknúť, že hrdina môže byť rôzne modelovaný, archetypálne vlastnosti sa môžu prispôbovať prostrediu a času, v ktorej je konkrétny hrdina či hrdinský mýtus vytvorený, alebo do ktorého je zasadený. Jedine tak sa dá vysvetliť, že za hrdinov môžeme považovať tak rozdielne historické osobnosti a skupiny ľudí, súčasníkov alebo aj fiktívne postavy – za hrdinov považujeme aj likvidátorov černobyľskej havárie, aj ostreľovača Zajceva, aj matku Terezu. Je však zrejmé, že musí existovať jednotiaci prvok, či súbor základných vlastností na základe, ktorých prisudzujeme postave hrdinský status. S.T. Allison a G.R. Goethals v svojej knihe *Heroism and Heroic Leadership* píšú, že aj náhľad na hrdinstvo a hrdinov sa mení v čase, a hoci ho považujú za pojem nejednoznačný, vydeľujú niekoľko základných vlastností typických pre hrdinu (Allison – Goethals – Kramer, 2016, s. 11). Hrdina musí odzrkadľovať hodnoty danej spoločnosti, dodržiavať normy správania, mať jasné zásluhy, byť altruistický a odvážny, musí byť ochotný riskovať, musí byť múdry a prejavovať túžbu konať dobro v prospech budúcich generácií. Aby sme však rozlíšili hrdinstvo od altruizmu, alebo iných, pomerne bežných, ľudských prejavov (napr. filantropia, dobročinnosť, podpora charity), F. Zeno a jeho spolupracovníci vyzdvihli najmä spomínaný risk ako zásadnú zložku hrdinstva (Zeno, 2011, s. 99). Hrdina je ochotný riskovať omnoho viac, ako bežný človek, a jeho základnou črtou je ochota obety v najširšom slova zmysle – od straty sociálneho postavenia až po smrť. Rovnako hrdinstvo v sebe skrýva mnoho atribútov, ktoré samostatne nemusia poukazovať na hrdinské činy, no spoločne tvoria práve hrdinský fenomén.

---

zaujímavým výsledkom bolo, že kým v ruskom diskurze sa originálny výrok I. Mičurina „Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача.“ vyskytoval v neutrálnej pozícii, jeho upravená prekladová podoba „rozkážeme vetru, dažďu“ sa v slovenskej publicistike objavuje ako hodnotiaci prostriedok, pričom autor predpokladá, že čitateľ je oboznámený s kultúrnym pozadím daného výroku a často nadobúda negatívnu či posmešnú konotáciu. Príklad: <<https://dennikn.sk/1136235/cesi-peniaze-a-sucho/?ref=list>>

Práve tieto ľudské vlastnosti typicky spájané s hrdinstvom reflektuje aj jazykoveda. Príkladom môže byť analýza lexikografických diel, ktoré nám poskytujú výklad pojmu hrdina či hrdinstvo. Slovník súčasného slovenského jazyka z roku 2015 hrdinu definuje ako toho, „kto v rozhodujúcich situáciách vyniká odvahou, smelosťou, rozhodnosťou, kto koná ušľachtilé, často život ohrozujúce skutky“ alebo ako „ústredná postava literárneho, dramatického, filmového, rozhlasového diela“, prípadne ako toho, kto „je predmetom obdivu“. Z danej definície môžeme vidieť, že aj výkladový slovník zachytáva vlastnosti spomínané v sociologických výskumoch, najmä odvahu, a hoci explicitne nespomína obeť, resp. obetavosť ako hlavnú črtu hrdinu, spomína život ohrozujúce skutky (na mieste je však otázka, či ide o ohrozenie života daného hrdinu alebo jeho protivníkov). Zaujímavými sa javia aj príklady uvedené pri pojme hrdina v slovníku – na prvom mieste sú uvádzané slovné spojenia „vojnový hrdina; hrdinovia odboja; padlí hrdinovia“, ktoré jednoznačne odkazujú na vojenských hrdinov, ktorí bezpochyby spĺňajú atribúty klasického hrdinu ako odvaha či obeť (aj keď diskutabilná sa môže javiť vyššie popisovaná snaha o konanie dobra). Ďalšími príkladmi sú slovné spojenia „ospevovaný hrdina; hrdina pretekov“, ktoré ilustrujú definíciu o predmete obdivu. Z hľadiska semiotiky ide o podstatnú zmenu vo vnímaní obsahu pojmu: ak v prvom význame sa vysvetľuje „hrdina“ na základe vnútorných znakov a vyžaduje sa konkrétna „zásluha“, pričom vonkajšie okolnosti – vnímanie hrdinu zo strany spoločnosti – sa chápu ako druhotné, definícia zachytáva aj opačný stav: na zaradenie človeka medzi „hrdinov“ je pre používateľa slovenčiny podstatný obdiv spoločnosti a jeho zásluhy sú okolím len predpokladané. V Kuznetsovom výkladovom slovníku z roku 1998 je slovo герой definované nasledovne: 1. „Человек, совершивший подвиг, проявивший личное мужество, самоотверженность, готовность к самопожертвованию“; 2. „Тот, кто привлёк к себе внимание, вызывает интерес, восхищение и т.п., является для кого-л. предметом поклонения, образцом для подражания“; 3. „Лицо, воплощающее в себе характерные, типичные черты своей эпохи, среды“; 4. „Главное действующее лицо литературного произведения“. Ruské definície hrdinu sú zaujímavé z niekoľkých hľadísk. Hneď prvý výklad slova sa významovo približuje k slovenskej definícii s akcentáciou odvahy, no ide ešte ďalej a priamo za charakteristickú črtu hrdinu považuje odhodlanie k samoobetovaniu. Z definície je zjavné, že hrdinský status je v ruskom priestore silnejšie spájaný s najvyššou možnou obeťou. Ako príklady sú pri prvom výklade uvedené nasledujúce slovné spojenia, napr. „Герои Великой

Отечественной войны, погибнуть героем, Город-герой“ a iné. Aj z príkladov jasne vyplýva, že označenie hrdina si zasluhujú najmä postavy spojené s vojnovými udalosťami. Sovietske obdobie však prinieslo aj iné možnosti využitia tohto slova – namiesto vyzdvihovania pripravenosti obetovať život, akcentuje úsilie či obeť pre vlasť v podobe práce – v skúmanom slovníku je v tomto kontexte uvedený nasledovný príklad: „Г. Социалистического Труда“. Rovnako druhý uvedený význam sa približuje k výkladu, ktorý bol použitý v slovenskom slovníku a poukazuje na vonkajšie okolnosti a vnímanie hrdinov jeho okolím. Z pohľadu nášho článku je však najzaujímavejší tretí význam a to popis hrdinu ako osoby, ktorá stelesňuje črty určitej epochy alebo prostredia. A práve z tejto definície vyplýva aj hypotéza tohto článku, t.j. tvrdenie, že koncept hrdinstva môže podliehať zmenám v prípade dôležitých udalostí. Z pohľadu rozboru slovníkov ešte považujem za zaujímavé spomenúť použitie slova „geroj“ v slovenskom jazyku. V Slovníku súčasného slovenského jazyka ho totiž nájdeme s definíciou „kto koná veľké činy al. je predmetom obdivu, hrdina“, no s kvalifikátormi expresívne slovo a ironické slovo. Uvedené príklady „bol z neho veľký, ozajstný g.; robiť zo seba geroja“ rovnako spadajú do kategórie ironických slov. Z pohľadu sémantiky predpokladáme, že slovo geroj postretol podobný osud ako vyššie spomínaný výrok o ovládnutí prírody – slovo sa desémantizovalo a nadobudlo ironickú konotáciu. Potvrďuje to aj ilustračná sonda do súčasného slovenského diskurzu – ako vzorka nám poslúžili blogové príspevky z roku 2020 a z prvých mesiacov roku 2021, ktoré sú prejavom bežného jazyka autorov bez redakčných úprav a tým nám dovoľujú utvoriť obraz reálneho použitia tohto slova v slovenčine. Na najčítanejšej slovenskej blogovej platforme blog.sme.sk sme v skúmanom období našli 3 texty, v ktorých sa toto slovo vyskytuje. V prvom texte sa slovo používa vo vete „Ale ty si geroj, ty si ideš svoje.“, kde je jasne vyjadrený ironický postoj autora k nedodržiavaniu pandemických opatrení, druhý príklad „Ukázal všetkým, aký je geroj.“ je taktiež ironický a kritizuje sporné výsledky testovania na Covid a posledný blog napísaný vo forme satirickej básne v nárečovej slovenčine obsahuje hľadané slovo vo vete „Alebo si geroj, hrdina, že Covid neňi tvoja rodina?“. Táto ilustračná vzorka potvrdzuje, že slovo geroj je v slovenčine používané výsostne ironicky, pričom súčasná pandémia koronavírusu prispela k jeho používaniu vo význame človeka, ktorý odmieta hrozbu ochorenia a vystupuje skôr ako záporný hrdina.

Ako sa teda používa slovo hrdina v praxi? Z pravidelného využitia slova hrdina by sa mohlo zdať, že jeho význam je ustálený a nepodlieha zmenám. Predpokladáme ale, že práve

obdobie nákazy novým koronavírusom môže spôsobiť, že sa význam tohto slova začne mierne meniť – nebude sa v prvom rade asociovať s odvážnymi vojakmi, ale skôr s odvážnymi pracovníkmi prvej línie, ktorí ošetrojú chorých, prípadne s vedcami, ktorí nenasadzujú svoje životy, ale pomáhajú zachraňovať životy ostatných. Na preskúmanie tejto hypotézy sme sa rozhodli analyzovať súčasný mediálny diskurz. Za vzorku nám poslúžia ruské a slovenské mediálne texty, uverejňované v mienkotvorných periodikách, v období od marca 2020 dodnes. Predpokladáme, že zmeny sa budú týkať obrazu hrdinu a jazykových prostriedkov spojených s hrdinom v období koronakrízy. Lingvokulturologický prístup nám umožní uchopiť možné jazykové stereotypy, zmyslové asociácie a konotácie, ktoré nemusia byť priamo v texte vyjadrené. V rámci analýzy budeme skúmať lexiku, ustálené slovné spojenia, epitetá, a pod. Vzhľadom na rozsah tohto článku sa obmedzíme len na prierezovú analýzu päť textov v ruskom jazyku a päť textov v slovenskom jazyku, v ktorých sme v spojení s koronavírusom našli aj slovo hrdina.

V niektorých slovenských analyzovaných článkoch sme slovo hrdina našli už v nadpise, napr. „Pred koronavírusom zachránil celú krajinu. Hrdinom Faerských ostrovov je veterinár“. V texte sa opisuje príbeh veterinárneho vedca Debesa Christiansena, „ktorého oslavujú ako národného hrdinu“. Vedec upravil test, ktorým sa testovali ryby na zistenie koronavírusu a tak sa mu podarilo zastaviť nákazu na ostrove. Hneď v tomto prvom texte vidíme, že slovo hrdina sa nespája s fyzickým bojom či vojnou, no s inteligenciou a ochotou pracovať pre ostatných. V ďalšom texte sa spomína začiatok pandémie v čínskom Wu-Chane, autor píše: „Tragickým hrdinom tejto počiatočnej fázy je doktor Li Wen-liang, oftalmológ, ktorý si vďaka kontaktom s inými lekármi pospájal informácie, pochopil, že sa začala šíriť nová a nebezpečná nákaza, a začal pred nebezpečenstvom varovať cez sociálnu sieť WeChat. Bol za to potrestaný a musel svoje slová verejne odvolať.“ Lekár následne na nákazu koronavírusom zomrel a „v Číne je dnes považovaný za národného hrdinu, za jedného z „mučeníkov covidu“. Aj v tomto texte je na hrdinský piedestál postavený lekár, ktorý odhodlane varoval pred chorobou, bol potrestaný a napokon umrel. Zo slov o hrdinovi – mučeníkovi covidu je jasné, že hrdinský status nadobúda hagiografické črty a do popredia vystupuje sebaobeta. V nasledujúcich dvoch textoch sa ako hrdinovia označujú celé kolektívy: „Nielen lekári, ale aj učitelia, kuchári či iní dobrovoľníci sú hrdinami v čase pandémie koronavírusu. V novej situácii sa vynasli a priniesli riešenia v núdzových situáciách. ... Hrdinami sú nielen obchodníci, ktorí

zažívajú veľký nápor kupujúcich, ale aj poštári či smetiari.“ Práve od vytrvalej práce týchto kolektívov závisí bežný život ostatných v čase pandémie. Označenie si zaslúžili tým, že jednoducho vykonávajú svoju profesiu – nemusia byť nadaní ani robiť inovatívne výskumy, jednoducho si robia svoju prácu v ohrození nákazy. Aj tu je prítomný prvok obety – zabezpečiť služby pre ostatných aj za cenu možnej nákazy. Na druhej strane, treba podotknúť, že práca je pre nich aj výhodná a potrebná na zabezpečenie živobytia, keďže mnohí iní počas pandémie o prácu prišli. A hoci sa teda dá na výkon ich povolania pozeráť aj zo sebeckejšieho pohľadu, stále v diskurze prevláda altruistické podanie. V nasledujúcej analyzovanej ukážke sa opäť objavuje v pozícii hrdinu lekár – „Například začiatkom 20. storočia doktor Joseph Goldberger, ktorý sa, mimochodom, narodil na Slovensku. Dnes je považovaný za nedoceneného hrdinu americkej klinickej epidemiológie.“ Za hrdinu je považovaný preto, že poukázal na liečbu choroby, no jeho postupy sa začali využívať až oveľa neskôr. Opäť sa teda stretávame s hrdinom, ktorý svoj um využil v prospech spoločnosti.

V ruských médiách sme tiež hľadali pojem герой a hneď prvý analyzovaný text ho má rovno v názve: „Герой Труда «красной зоны». Врач о том, как не перегореть в борьбе с Covid.“ Hrdina práce spomínaný v nadpise je Mariana Lysenko, lekárka, ktorá sa stará o chorých pacientov v čase pandémie. Rovnako sa tu okrem zaužívaného ocenenia spomína boj s nákazou, čo hrdinku posúva do ofenzívnej pozície, kde nielen pomáha, ale priamo bojuje proti chorobe. Okrem oficiálne udeleného hrdinského statusu jednotlivcovi sa v texte spomínajú aj ostatní hrdinovia: „герои все они — больничные врачи“. Znova sa vysoko oceňuje medicínsky personál a za svoju obetavú prácu sú celé kolektívy označené ako hrdinovia. V nasledujúcom texte opäť nachádzame kolektívnych hrdinov, autor píše: „Герои 2020. ... К счастью, есть люди, которые находят силы помогать в это трудное время другим. Это медики, волонтеры, спасатели, предприниматели. Спасибо вам за то, что вы есть!“ V článku si môžeme prečítať príbehy konkrétnych ľudí, ktorí pomáhajú počas koronakrízy a patria k vyššie menovaným skupinám ľudí. Opäť sa slovom hrdina oceňuje ich práca v prospech ostatných. V treťom analyzovanom príspevku sa veľmi jasne ukazuje konceptuálna metafora vojny – boj s koronavírusom sa predstavuje ako boj vo vojne, v ktorej vojakov zamenili lekári. Názov príspevku je totiž „Все на фронт: как врачи борются с коронавирусом в «красной зоне»“. Hrdinovia sa v texte spomínajú v priamej reči lekárov a zdravotných sestier, napr. „... героем себя не чувствую. Это моя работа. В такой ситуации мы просто

встали и пошли работать“. Sami lekáři sa teda za hrdinov nepovažujú, hoci spoločnosť ich takto často tituluje – považujú za nutnosť plniť si pracovné povinnosti. Vo veľmi podobnom duchu sa nesú aj nasledujúce dve ukážky, v ktorých sa hovorí, že „Настоящими героями во время пандемии стали рядовые медики“ a „сотрудники поликлиник и водители скорых, хирурги и терапевты — заслуживают звания героев уходящего года. Правда, сами они свой подвиг называют работой.“ Nad hrdinstvo je opäť kladená povinnosť a hrdinami sa stávajú celé kolektívy.

Hoci N.A. Kupinová hovorí, že v rámci koronavírusového diskurzu sa objavujú metafory vojny, ktoré obsahujú slová ako bitka, boj, front, frontová línia, ofenzíva, útok, obrana, v našej krátkej sonde sme našli iba jeden takýto text (Купина, 2020, s. 5). V súboroch skúmaných článkov z oboch krajín sme sa stretávali najmä s „mierovým“ vyobrazením hrdinu – t.j. hrdinom sa stávali lekáři a iní pracujúci, ktorí naďalej obetavo vykonávali svoju prácu. Vo všeobecnosti možno zhrnúť výsledky nasledovne – v slovenských ukážkach sme trikrát našli slovom hrdinu označeného konkrétneho lekára, akcentuje sa jeho um a inteligencia, snaha uľahčiť situáciu ostatným. Jeden z týchto lekárov bol aj perzekvovaný a umrel na následky covidu. Dvakrát sme sa stretli s kolektívnym hrdinom, ktorý svojou prácou pomáhal iným, pričom dôraz bol kladený na obeť pre blaho spoločnosti. V rámci ruských ukážok sme našli lekárku, ktorá boli označená za hrdinku a v štyroch ukážkach sa spomínali hrdinské kolektívy. V ruských textoch bol väčší dôraz kladený na povinnosť a nie invenciu a raz sme natrafili na priame použitie metafory vojny. Vidíme, že v textoch o hrdinoch dnešných dní sa neakcentuje priama obeť života a status hrdinu sa skôr posúva do pozície pomocníka, ktorý pomáha svojim umom (najmä v textoch slovenského pôvodu) a plnením si povinností (najmä v ruských textoch).

Zoznam použitej literatúry

1. ALLISON, S. – GOETHALS, G. – KRAMER, R. *Handbook of Heroism and Heroic Leadership*. New York: Routledge, 2016. 571 p. ISBN 978-1-138-91563-3
2. BUZÁSSYOVÁ, K. – JAROŠOVÁ, A. a kol. 2006. *Slovník súčasného slovenského jazyka*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2006. 1105 s. ISBN 80-224-0932-4
3. CAMPBELL, J. 2000. *Tisíc tváří hrdiny*. Praha: Portál, 2000. 338 s. ISBN 8071783544

4. PEŠKOVÁ, M. 2012. *Idea „nového člověka“ v ruské literatuře 20. a 30. let 20. století.* Plzeň: Vydavatelství ZČU, 2012. 221 s. ISBN 978-80-261-0134-5
5. ZENO, F. 2011. Heroism: A Conceptual Analysis and Differentiation Between Heroic Action and Altruism. In: *Review of General Psychology*. 2011, roč. 15, č. 2, s. 99-113.
6. КУЗНЕЦОВ, С. А. 1998. *Большой толковый словарь русского языка.* Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с. ISBN 5-7711-0015-3
7. КУЛЯПИН, А. И. – СКУБАЧ, О. А. 2005. *Мифы железного века: семиотика советской культуры 1920-1940-х гг,* Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. 78 с. ISBN 978-57-904-0428-3
8. КУПИНА, Н. А. 2020. Пандемия коронавируса: метафорическая диагностика тревожной реальности в текстах СМИ. In: *Журналистика и массовые коммуникации, Известия Уральского федерального университета.* 2020. том 26, № 3, с. 5-13.

ANALÝZA PILÍŘŮ BĚLORUSKÉHO REŽIMU ALEXANDRA LUKAŠENKA V SOUVISLOSTI S PROTESTY PO PREZIDENTSKÝCH VOLBÁCH 2020

Mgr. Tereza Soušková

Ústav politologie, Filozofická fakulta, Univerzita Karlova, souskova@iir.cz

Abstrakt

V srpnu 2020 g. v Belarusi stozali prezidentstkie vyboru, kotore vyzvzali mno-
gocislenne grazdanskie protesty. Nastozij text posvzzen analizu mehanizmov
deyatelnosti glavnyh opor nastozijeho rezhimu, kotore do sikh por podporjuvzvajut ego
funkcionirovanie. Takovymi oporami javljajutsja: naselenie, pravoochranitelnye
organy, goszavody, mezdunarodnye sojuzniki, t. e. Rossija, i ideologičeskij obrz
rezhima. Statija obrzazetsja takze k stepeni ustojčivosti etogo rezhima kak takovogo.

O autorke

*Mgr. Tereza Soušková vystudovala politologii a východoevropská studia na Filozofické fakultě Uni-
verzity Karlovy. Specializuje se na region východní Evropy, Ruska a Kavkazu. V rámci doktorského
studia se zaměřuje na ruskou zahraniční politiku, výzkum demokracie v postsovětských zemích a na
problematiku neuznaných států. V současnosti pracuje jako šéfredaktorka časopisu Mezinárodní po-
litika vydávaného Ústavem mezinárodních vztahů v Praze a působí na Ústavu politologie Filozofické
fakulty Univerzity Karlovy.*

Běloruské prezidentské volby 2020

Od nástupu Alexandra Lukašenka²⁰ do prezidentské funkce v roce 1994 byly každé prezidentské volby provázeny demonstracemi, avšak žádné nedosáhly rozměrů z léta 2020. Již několik měsíců před volbami se napětí v běloruské společnosti začalo stupňovat v důsledku několika faktorů jako neadekvátní reakce běloruských úřadů na pandemii Covid-19 a následný

---

²⁰Tento text používá transliteraci jmen z běloruštiny, kromě jména běloruského prezidenta, kde se drží zavedeného úzu přepisu jeho jména z ruštiny, tedy Alexandr Lukašenko, a ne Aljaksandr Lukašenka.

kolaps zdravotnictví, hospodářská stagnace, dlouhodobá únava z Alexandra Lukašenka. Rovněž se vyprázdnila ideová představa o ekonomické a sociální stabilitě jeho vlády (Leshchenko, 2008).

Ty, kteří se rozhodli ucházet o prezidentský post, můžeme obecně rozdělit do tří kategorií: Alexandr Lukašenko, který byl zamýšleným vítězem, prorežimní kandidáti, již měli vyvolat zdání výběru, avšak neměli reálnou šanci na zvolení, a představitelé opozice. Poslední kategorie zahrnovala několik osob, již v průběhu předvolební kampaně začaly nabírat nevídanou popularitu. Jednalo se především o blogera Sjarheje Cichanouského, bývalého ředitele Belgazprombanky Viktora Babaryka a bývalého diplomata Valeryje Capkala. Všichni byli postupně donuceni se svých úmyslů vzdát, první dva byli uvězněni, Valerij Capkala byl donucen emigrovat (BBC, 14. 06. 2020).

První protesty se začaly v červnu 2020 v souvislosti se zastrašováním opozičních kandidátů a režim reagoval zatýkáním a policejním násilím. Opoziční snahy se koncentrovaly kolem manželky zatčeného blogera Cichanouského Svjatlany, které se podařilo kandidaturu registrovat. Režim ji nejspíš nepovažoval za hrozbu, naopak ji chtěl využít jako demonstraci demokratičnosti volebního procesu. Kolem Cichanouské se zformovalo tzv. ženské trio představované dále Maryjí Kalesnikavovou, šéfkou štábu uvězněného V. Babaryka a Veranikou Capkala, manželkou V. Capkala. Svjatlana Cichanouská, která rovněž byla posléze úřady donucena emigrovat, je dnes Bělorusy považována za hlavní postavu opozičních aktivit (Быковский, 2020).

Volby se konaly 9. srpna 2020 a Svjatlana Cichanouská podle oficiálních údajů získala 10,1 %, Alexandr Lukašenko 80,1 % (Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам). Volební podvody a především jasně zfalzifikované výsledky vedly k zahájení protestního hnutí Bělorusů, které kontinuálně trvá více než půl roku. Evropská unie výsledky voleb neuznala a uvalila sankce na režimní představitele. Režim Alexandra Lukašenka proti demonstrantům použil represivní prostředky a zcela se přimkl k Rusku, jakožto jedinému spojenci, který mu zbyl. Od srpna manévruje tak, aby se mu podařilo udržet stávající režim a sebe v prezidentské funkci (Euractiv, 19. 08. 2020).

Analýza pilířů

Alexandr Lukašenko budoval běloruský režim téměř 26 let, za kterých se mu podařilo

vybudovat tzv. vertikálu moci, tedy stav, kdy zákonodárná, výkonná a soudní moc a bezpečnostní aparát podléhá přímo jemu (Marple, 1999). Další část příspěvku se bude zabývat strukturou režimu, konkrétně představí pět pilířů²¹, na nichž režim stojí a zanalyzuje, zda se v průběhu protestního hnutí začaly hroutit.

1. Obyvatelstvo

Období 2020-2021 představuje bezprecedentně největší mobilizaci obyvatelstva od dob vyhlášení nezávislosti Běloruska po rozpadu Sovětského svazu (SSSR). Zároveň jsou to i nejdéle trvající protesty, neboť probíhají od srpna až do dnešního dne (duben 2021). V mobilizaci obyvatel po 9. srpnu 2020 jsou dva nové prvky odlišné od přechozích demonstrací. Prvním je počet lidí, kteří vyšli do ulic. Nezávislé zdroje a lidskoprávní organizace spočítaly, že v prvních dnech byly v ulicích až stovky tisíc lidí, proti tomu vládní zdroje uvádí řádově nižší čísla (Wesolowsky, 2021b). Demonstrace v prvních dnech a týdnech probíhaly každý den, ale nejvíce lidí se soustředilo o víkendech. Časem však ztratily na intenzitě především kvůli násilné reakci režimu, ale rovněž je po určité době zasáhla pokračující frustrace ze situace, která se nikam neposouvala (protesty se proměnily do tzv. zákopové a opotřebovovací války), ekonomická situace demonstrujících (hrozba ztráty zaměstnání) a s příchodem zimy i teploty klesající hluboko pod nulu. Hlavní postavy protestního hnutí, především tzv. ženské trio Cichanouská, Capkalo a Kolesnikava a poté i opozicí vytvořený orgán Koordinační rada, byli nuceni emigrovat ze země, nebo byli zatčeni, což limitovalo jejich vliv na domácí dění (World Report 2020: Belarus, 2021).

Druhým prvkem je proměna sociální a regionální stratifikace protestujících oproti minulým demonstracím. Těch se účastnili spíše mladší lidé s vyšším vzděláním a protesty se omezovaly na hlavní město. Po prezidentských volbách se demonstrace rozšířily mimo Minsk do regionů, do menších měst. Poprvé od druhé poloviny 90. let můžeme hovořit o skutečně masových demonstracích konajících se po celé zemi. Rovněž došlo k rozšíření protestních nálad i do vrstev společnosti, které dříve byly politicky pasivní (v tomto smyslu nechodily na

---

²¹ Definice pilířů vychází částečně z 3. kapitoly policy paperu, jehož jsem spoluautorkou, která identifikuje 3 pilíře. Tento text rozšiřuje pojetí pilířů na 5. Viz Havlíček, Pavel. Lebduska, Michal. Soušková, Tereza. *Běloruské protesty 2020: výzva pro českou východní politiku*. Asociace pro mezinárodní otázky. Praha: 2020. Dostupné z: https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2020/11/AMO_Beloruske_protesty_2020.pdf

demonstrace), označovaly se jako apolitické (tj. nejevily zájem o politiku) a ty, které představovaly režimní elektorát (tedy vykazovaly autentickou podporu prezidentovi Lukašenkovi). Věkově se z většiny jedná o občany ve středním až důchodovém věku, kteří zažili dobu SSSR nebo si ji spojují s pozitivními konotacemi (Troianovski, 2020).

Proměna účastníků demonstrací je dána několika faktory. Pandemie Covid-19 zasáhla obyvatelstvo Bělorusko stejně jako ostatní evropské země, avšak běloruská vláda k situaci přijala odmítavý postoj, odmítla zavést ochranná opatření, zlehčovala rozsah zdravotních komplikací způsobených virem a prezident Lukašenko se ve svých projevech vyjadřoval k obavám z nákazy posměšně (TUT.by, 26. 10. 2020). Jarní první vlna onemocnění a postoje vlády zasáhly především dříve politicky neaktivní občany, kteří došli k poznání, že politická rozhodnutí vlády (zavést, nebo nezavést protipandemická opatření) mají přímý vliv na jejich život.

Rovněž padl mýtus o tom, že Lukašenkova vláda zajišťuje stabilitu a relativně pokojné podmínky k životu výměnou za omezení některých demokratických prvků. Kolabující běloruské zdravotnictví, zamlčování skutečných počtů úmrtí a falšování úmrtních listů zemřelých pro mnohé občany odhalily vyprázdněnost režimu. Dlouhodobá frustrace vlivem pandemie eskalovala a daleko více lidí začalo režim vidět jako skupinu přátel kolem prezidenta Lukašenka, která se obohacuje na úkor běžných lidí, jež jsou kvůli nečinnosti státu vydány na pospas smrtelnému onemocnění (Soušková, 2020).

2. Bezpečnostní aparát

Do tohoto pilíře spadají všechny oddíly, které režim může mobilizovat proti obyvatelstvu, tedy např. policie, vnitřní rozvědka, mobilní oddíly speciálního určení (OMON) atd. Režim v prvních dnech proti demonstrantům zasáhl s nebyvalou mírou násilí. Ozbrojené složky byly a zatýkaly protestující na ulicích bez ohledu na pohlaví nebo věk, a to i novináře vykonávající na místě svou profesi. Do dnešního dne bylo v souvislosti s protesty zatčeno přibližně 30 000 lidí, mnozí z nich byli ve věznicích mučeni. Situace eskalovala po několika úmrtích demonstrantů po zásahu policejních sil, což vytvořilo bod zlomu, kdy se otevřelo okno příležitostí pro erozi ozbrojených složek, ke které však nedošlo (World Report 2020: Belarus, 2021).

Po první fázi násilného potlačování demonstrací a masivního zatýkání, které vyvolalo i silnou reakci mezinárodního společenství, a tudíž pro režim nežádanou pozornost světových médií a politických lídrů, režim změnil taktiku a začal násilí uplatňovat selektivně. Represe

mířily proti opozičním lídrům a lidem s mobilizačním potenciálem. Režim cílil na eliminaci organizátorů protestů a novináře nezávislých médií (Wesolowsky, 2021a). Nicméně ve chvíli, kdy se režim cítil silný, míra násilí užitého proti demonstrantům byla vyšší, než v době, kdy situace byla nejistá.

Alexandr Lukašenko za své vlády z příslušníků bezpečnostního aparátu vytvořil elitní vrstvu, jejíž loajalitu si zajišťoval ekonomickými i sociálními výhodami. Svou roli ale rovněž hraje obava, že pokud by režim padl, znamenalo by to pro samotné příslušníky nejistou budoucnost, ztrátu výsadného postavení, a především soudní stíhání za činy spáchané za předchozího režimu (Marples, 1999). Jedná se tedy o dvousečnou zbraň, která na jedné straně režim udržuje, ale ve chvíli, kdy by významná část příslušníků vypověděla loajalitu a přidala se na stranu demonstrantů, znamenalo by to vážnou erozi režimu samotného. Do dnešních dní však žádná jednotka jako celek režim neopustila, pouze jedinci odmítli být nadále součástí represivního aparátu. Několik z nich však veřejně vypovědělo loajalitu nebo v prvních hodinách a dnech po volbách odmítli zasáhnout proti demonstracím. Jednalo se však o malá města, kde místních sil bylo méně než demonstrantů a někteří policisté byli s demonstrujícími spojeni osobními vazbami. Ani pozdější výzvy Svjatlany Cichanouské apelující na morální cítění a záruka nestíhatelnosti těm, kteří by složky opustili, neměly výraznější efekt na erozi bezpečnostního aparátu (Ash, 2020).

3. Státní podniky

V Bělorusku proběhla po rozpadu SSSR privatizace jen omezeně, většina velkých podniků zůstala ve státních rukou. Pro udržení stability a zaměstnanosti v posledních letech stát dokonce některé nerentabilní podniky dotoval (Parker, 2007, s. 54). Zaměstnanci státních podniků mají možnost vyvinout na režim nátlak prostřednictvím stávek a zastavením výroby, což by byl podstatný zásah do vratké ekonomiky země a tedy podstatný vyjednávací nástroj v rukou opozičního hnutí. Během první fáze protestů těsně po volbách bylo vyhlášeno několik stávek v největších podnicích jako např. Minský traktorový závod nebo v chemičce v Hrodnu, kterých se však neúčastnili všichni zaměstnanci, a trvaly jen omezenou dobu. Proběhlo několik pokusů o vyhlášení generální stávky, k nimž se přidaly např. některé univerzity nebo soukromé firmy, nicméně apel měl pouze omezený dopad a k plošnému zastavení výroby nedošlo (Грузьдзіловіч, 2020; Соўсь, 2020).

Prorežimní vedení podniků se zaměřilo na potlačení stávek prostřednictvím ekonomického nátlaku, hrozbou propouštění a soudů. Rovněž nedostatečná koordinace s protestním hnutím, limitované možnosti koordinace stávkujících v různých podnicích mezi sebou, represe ozbrojených složek a vyčerpávání celého opozičního hnutí přispělo k tomu, že se tento pilíř významně otrásal, ale nakonec k jeho erozi prozatím nedošlo (Radio svaboda, 17. 03. 2021).

4. Zahraniční spojenci (Rusko)

Zahraniční spojenci, v tomto případě Rusko, nejsou klasickým pilířem domácí politiky jako ty předchozí, nicméně představuje zásadní faktor, proč se Lukašenkovu režimu daří držet situaci pod kontrolou. Politické vztahy těchto dvou zemí oscilují mezi konfliktem a kooperací, avšak Bělorusko tahá za kratší konec. Od dob SSSR se běloruská ekonomika netransformovala ani nediverzifikovala a je stále úzce propojená s ruským trhem. Hlavní příjem Běloruska představuje zpracování a prodávání ruské ropy a zemního plynu koncovým uživatelům v Evropě (Parker, 2007, s. 174). Pro Bělorusko byl tudíž velkým zásahem zavedení tzv. daňového manévru Ruskem, který zvedl nákupní ceny na energetické suroviny, takže Bělorusko od ledna 2020 mělo kupovat tyto suroviny za tržní ceny, a ne s výraznou slevou jako doposud (Belta, 6. 2. 2020). Tento moment vyvolal v době předvolební kampaně roztržku mezi Alexandrem Lukašenkem a ruským prezidentem Vladimírem Putinem (Marples, 1999).

I přes vzájemné spory se Rusko od počátku protestů jednoznačně postavilo za běloruským režimem. Rusko dlouhodobě pomáhá Alexandru Lukašenkovi navyšovat jeho legitimitu. Po prezidentských volbách jej podpořilo finančně novými půjčkami, verbálně na mezinárodním poli, vysláním poradců a novinářů, kteří nahradili stávkující moderátory běloruské státní televize i nabídkou poskytnutí pořádkových sil pro zvládnutí nepokojů (Davidzon, 2020). Navíc pokud by situace zašla tak daleko, že by Lukašenkův režim padl, Rusko poskytne útočiště bývalým autoritářům a jim loajálními osobám, kterým by za nové vlády hrozilo stíhání. Rusko je tedy i garantem bezpečnosti těchto osob, představuje poslední útočiště, budou-li nuceni uprchnout a je to pro ně určitá jistota „klidného stáří“ (Radio Free Europe, 26. 2. 2020).

5. Ideová sebe prezentace režimu

Tento pilíř znamená soubor představ, které o sobě režim šíří prostřednictvím státních médií a prorežimních novinářů. Potírání opozičních informačních zdrojů a ovládnutí mediálního prostoru představuje pro autoritářský režim důležitou součást sebe prezentace a sebezachování. Alexandr Lukašenko se soustředil na budování mediálního obrazu Běloruska jako země, kde vládne stabilita, bezpečnost a občané jsou uchráněni zhoubných ideových produktů liberalismu a individualismu západní provenience (Leshchenko, 2008).

Tyto představy se začaly vyčerpávat především u mladých a vzdělanějších Bělorusů čerpající informace z jiných kanálů než státních. Lidé ve středním až důchodovém věku, jejichž hlavním zdrojem informací jsou státní kanály, si uvědomovali jejich limity jen v omezené míře. Vliv na proměnu vnímání státních médií měl způsob, jakým informovaly o koronaviru a počtech nemocných, o prezidentských volbách a posléze o protestech (Хартыя'97%, 15. 06. 2020). Demonstranti byli médii demonizováni, dehonestováni a označováni za státní nepřítel, případně za mentálně postižené (např. Belta, 10. 08. 2020).

V době největších demonstrací těsně po volbách někteří novináři režimních médií rezignovali na své pozice. Bodem obratu pro ně bylo policejní násilí na demonstrantech. Zásadním momentem byla stávka moderátorů a zaměstnanců státních televizních kanálů, kteří odmítli informovat o protestech tak, jak požadoval režim. V den stávky se na televizních obrazovkách objevilo prázdné studio s oznámením o stávce. Nicméně vliv stávky byl rychle eliminován, neboť z Ruska přejeli novináři, kteří okamžitě nahradili stávkující Bělorusy (Belta, 21. 8. 2020).

Závěr

Z pěti pilířů režimu se nejvíc narušil pilíř obyvatelstva a nejméně zahraniční spojenec Rusko. Bezpečnostní aparát a státní podniky se otráasaly a v určitých momentech byly blízko ke zhroucení, avšak režimu se podařilo je udržet a znovu upevnit. Dnes režim stojí především na represivních složkách. Pilíř ideové sebe prezentace režimu se silně otrásl především na začátku, a jeho účinnost a věrohodnost se silně vyčerpala. Dnes představuje fasádu, jíž skutečně věří historicky minimální procento obyvatel.

Opoziční hnutí jako celek momentálně stagnuje. Masové demonstrace v Bělorusku ustaly, silné osobnosti s organizačním potenciálem byly eliminovány režimem. Opoziční

představitelé soustředění kolem Svjatlany Cichanouské, kteří jsou v zahraničí, se věnují především mezinárodní advokacii a na domácí dění mají z exilu omezený vliv. Doufají, že se na jaře podaří opět rozdmýchat protestní hnutí a vyhlásit generální stávkou. Otázkou ale je, zda se protestní potenciál již nevyčerpá. Mezitím i režim nabírá druhý dech a snaží se vyztužit pilíře a pojistit se proti dalším demonstracím. Nicméně je nepravděpodobné, že by se režimu podařilo navrátit status quo ante a nejspíš bude muset udělat nějaké ústupky. Otázka však je, zda se bude jednat o reálné kroky nebo spíše kosmetické úpravy, aby se dav "nažral", ale režim zůstal celý.

Seznam použité literatury

1. LESHCHENKO, N. 2008. The National Ideology and the Basis of the Lukashenka Regime in Belarus. In: *Europe-Asia Studies*. 2008, roč. 60, č. 8, s. 1419-1433.
2. MARPLES, D. R. 1999. *Belarus: a denationalized nation*. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1999. 139 s. ISBN 9057023431.
3. PARKER, S. 2007. *The last Soviet Republic: Alexander Lukashenko's Belarus*. Victoria: Trafford, 2007. 249 s. ISBN 978-1-4251-3527-0.

Internetové zdroje

1. ASH, L. A police officer with a conscience who left Belarus. *BBC*, [online] 01. 12. 2020 [cit. 17-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://www.bbc.com/news/stories-55135636>>
2. Belarus election: Hundreds protest after Lukashenko's rivals barred. *BBC*, [online] 14. 06. 2020 [cit. 17-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://www.bbc.com/news/world-europe-53411735>>
3. Belarus' losses due to tax maneuver in Russia close to \$330m in 2019. *Belta*, [online] 06. 02. 2020 [cit. 09-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://eng.belta.by/president/view/belarus-losses-due-to-tax-maneuver-in-russia-close-to-330m-in-2019-127876-2020/>>
4. DAVIDZON, V. Russia loses patience with Belarus dictator Lukashenka. *Atlantic Council*, [online] 29. 11. 2020 [cit. 17-03-2021] Dostupné na internetu: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/russia-loses-patience-with-belarus-dictatorlukashenka/?fbclid=IwAR0vZVhRsqiEpnvoIC4NIk6qxWGVELSe9SEB5rk32a44fxRyR4G4Ik_NfJE>

5. EU neuznává výsledky běloruských voleb. Lídři na summitu podpořili uvalení sankcí. *Euractiv*, [online] 19. 08. 2020 [cit. 09-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://euractiv.cz/section/evropska-unie-a-svet/news/eu-neuznava-vysledky-beloruskych-voleb-lidri-na-summitu-podporili-uvaleni-sankci/>>
6. Lukashenko explains why Russian specialists work in Belarusian TV and radio company now. *Belta*, [online] 21. 08. 2020 [cit. 17-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://eng.belta.by/president/view/lukashenko-explains-why-russian-specialists-work-in-belarusian-tv-and-radio-company-now-132786-2020/>>
7. Lukashenko pleased with riot police dedication to protecting Belarus. *Belta*, [online] 10. 08. 2020 [cit. 18-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://eng.belta.by/president/view/lukashenko-pleased-with-riot-police-dedication-to-protecting-belarus-132452-2020/>>
8. SOUŠKOVÁ, T. Lukašenko na okraji propasti. Bělorusko si vzít nenechám, vzkázal mohutnějším zástupům demonstrantů. *Deník N*, [online] 22. 06. 2020 [cit. 17-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://denikn.cz/384547/lukasenko-na-okraji-propasti-belorusko-si-vzit-nenecham-vzkazal-mohutnejicimu-zastupu-demonstrantu/>>
9. TROIANOVSKI, A. 'Something Broke Inside Belarusians.' Why an Apolitical People Rose Up. *The New York Times*, [online] 29. 08. 2020 [cit. 17-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://www.nytimes.com/2020/08/29/world/europe/belarus-protest.html>>
10. Ukraine Slaps Sanctions On Ex-Yanukovych Officials. *Radio Free Europe*, [online] 26. 02. 2020 [cit. 17-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://www.rferl.org/a/ukraine-slaps-sanctions-on-ex-yanukovych-officials-/31124029.html>>
11. WESOLOWSKY, T. (a). Protests, Prisons, Political Exile: Women At The Forefront Of Resistance In Belarus. *Radio Free Europe*, [online] 07. 03. 2021 [cit. 17-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://www.rferl.org/a/women-at-forefront-of-opposition-in-belarus/31138426.html>>
12. WESOLOWSKY, T. (b). Belarusian Opposition Looks To Reenergize Protests Against Lukashenka. *Radio Free Europe*, [online] 21. 03. 2021 [cit. 23-04-2021] Dostupné na internetu: <<https://www.rferl.org/a/belarusian-opposition-reenergize-protests-against-lukashenka/31160092.html>>
13. World Report 2020: Belarus. *Human Rights Watch*, [online] 2021 [cit. 17-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://www.hrw.org/world-report/2021/country-chapters/belarus>>

14. Александр Кабанов: Остается только одно — массовый выход людей на Площадь. *Хартыя’97%*, [online] 15. 06. 2020 [cit. 17-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://amp-charter97org.cdn.ampproject.org/c/s/amp.charter97.org/ru/news/2020/6/15/382336/?fbclid=IwAR36ZIEBGxQQiHBfxA1PaBzXzaEjyxz-d0F3E81MpL4zrgSC44NqDzp9q5M>>
15. БЫКОВСКИЙ, П. Как отчаянная домохозяйка бросила вызов системе и что из этого выйдет. *Naviny.by*, [online] 05. 08. 2020 [cit. 17-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://naviny.online/article/20200805/1596606989-kak-otchayannaya-domochozyayka-brosila-vyzov-sisteme-i-cto-iz-etogo>>
16. ГРУЗЬДЗІЛОВІЧ, А. Частка працаўнікоў МТЗ вырашыла працягнуць страйк. *Radio svaboda.org*. [online] 18. 08. 2020 [cit. 10-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://www.svaboda.org/a/30789883.html>>
17. Лукашенко — о коронавирусе: «Не должно быть ненужных телодвижений, не должно быть никакой паники» *TUT.by* [online] 12. 03. 2020 [cit. 17-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://news.tut.by/society/676073.html>>
18. На страйкоўцаў з БМЗ завялі крымінальную справу за масавыя беспарадкі. *Radio svaboda*, [online] 06. 11. 2020 [cit. 17-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://www.svaboda.org/a/30933201.html>>
19. СОЎСЬ, Г. Агульнаацыянальны страйк толькі распачаўся і будзе ўзмацняцца, — Ціханоўская пра першыя вынікі. *Radio svaboda*, [online] 26. 10. 2020 [cit. 10-03-2021] Dostupné na internetu: <<https://www.svaboda.org/a/30913825.html>>
20. Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. [online] Dostupné na internetu: <<http://www.rec.gov.by/ru>>

Mladá rusistika – nové tendencie a trendy VII

Editori:

© Mgr. Katarína Jalová • Mgr. Lucia Chudá

Afiliácia:

Univerzita Komenského v Bratislave, Filozofická fakulta, Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií, <https://fphil.uniba.sk/katedry-a-odborne-pracoviska/katedra-rusistiky/>

Recenzenti:

prof. PhDr. Mária Kusá, CSc.
prof. Feliks Shteinbuk, DrSc.
doc. PhDr. Ľubor Matejko, CSc.
doc. Mgr. Irina Dulebová, PhD.
Mgr. Ivan Posokhin, PhD.
Mgr. Jelena Ondrejčovičová, PhD.

Obálka:

Mgr. Zuzana Bujačková

Technickí redaktori:

Mgr. Milan Regec, PhD.
Bc. Ivana Liptáková

© STIMUL a editori

Dielo je vydané pod medzinárodnou licenciou **Creative Commons CC BY-NC-SA 4.0** (vyžaduje sa: povinnosť uvádzať pôvodného autora diela; povinnosť odvodené dielo zdieľať pod rovnakou licenciou ako pôvodné dielo; len nekomerčné použitie odvodeného diela). Viac informácií o licencií a použití diela: <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/>

Vydavateľstvo:

STIMUL, Poradenské a vydavateľské centrum, Univerzita Komenského v Bratislave, Filozofická fakulta, Bratislava, <http://fphil.uniba.sk/stimul>

1. vydanie, 177 s.

ISBN 978-80-8127-327-8 (PDF)

ISBN 978-80-8127-328-5 (EPUB)

Nové tendencie

MLADÁ RUSISTIKA

a trendy VII

978-80-8127-327-8